

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Дробышев Алексей Викторович

Православная Церковь и русская армия в XIX веке

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Ершов Богдан Анатольевич

Воронеж – 2018

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Русская Православная Церковь и Российское государство в XIX веке	
1.1. Место Церкви в государственно-правовой системе и структуре вооруженных сил	31
1.2. Социальный состав священнослужителей в XIX в.	48
1.3. Православные священники и духовно-нравственный облик солдат и офицеров	60
Глава 2. Деятельность Русской Православной Церкви во время иностранной агрессии	
2.1. Вклад Церкви в победу над Наполеоном Бонапартом	75
2.2. Священнослужители на фронтах Крымской войны	91
2.3. Служение сестер милосердия в годы Крымской войны	105
Глава 3. Роль Русской Православной Церкви в освобождении народов Балканского полуострова в ходе Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.	
3.1. Участие церковнослужителей в обсуждении целесообразности начала военных действий	122
3.2. Особенности церковно-приходской жизни в военных гарнизонах	137
3.3. Благотворительная деятельность Церкви в годы войны	149
Заключение	165
Список источников и литературы	173
Приложения	189

Введение

Актуальность исследования

XIX век – одна из наиболее важных эпох в истории развития взаимоотношений между Церковью и вооруженными силами. Именно в данный период завершается начатый при Петре Великом процесс формирования института военного духовенства, союз Русской армии и Церкви был подвергнут суровым испытаниям в ходе крупных военных кампаний. Подобное взаимодействие осуществлялось не только на общегосударственном, но и на региональном уровне.

На протяжении всей истории Российского государства одними из важнейших институтов, обеспечивавших безопасность, суверенитет и духовное единство страны являлись Церковь и вооруженные силы. Иерархи Русской Православной Церкви всегда провозглашали защиту Отечества священным долгом каждого верующего, священнослужители строили монастыри-крепости, способные выдержать длительную осаду, оказывали материальную и духовную поддержку военнослужащим в военное время. Многие священнослужители в годы тяжелых для страны испытаний становились воинами. Великие русские полководцы почитаются Русской Православной Церковью в качестве святых.

Церковь стала одним из элементов системы обороны государства. Это было обусловлено двумя важными факторами. Во-первых, Церковь разработала доктрину христианского воинского служения, которое стало одним из идеологических фундаментов вооруженной защиты государства. Во-вторых, государственная власть сумела в полной мере использовать уникальный потенциал Церкви, включив ее в систему обеспечения обороны посредством специально созданного института военного духовенства и привлечения священнослужителей к системе мероприятий, диктуемых военным временем.

Военное духовенство представляло собой особую категорию духовного сословия. Полковые священники делили со своими подопечными все тяготы военной службы. Они не только обеспечивали отправление религиозных обрядов среди военнослужащих, что само по себе было важно для моральной поддержки в напряженной военной обстановке, но также являлись духовной опорой для солдат. Военные священники играли важную роль в воспитании, поднятии боевого духа.

Актуальность темы обусловлена тем, что в XIX веке в России произошла трансформация мировоззренческих ориентиров государства. Стала наблюдаться определенная степень идеологизации Церкви как общественного института, который призван воспитывать и формировать нравственные устои общества. В результате роль Церкви стала значительной во всех сферах жизни, но особую важность она приобрела в военной области.

Необходимо отметить, что взаимоотношения армии и Православной Церкви в XIX веке развивались под воздействием реформ светской власти. На сегодняшний день немного исследований, которые бы комплексно и системно изучали содержание политики военного руководства в XIX веке по отношению к Церкви.

В XIX веке продолжал развиваться новый для Российского государства институт военного духовенства. До сих пор не уточнены функции священников в военных судах, частично исследованы механизмы комплектования священниками разных флотских эскадр, не изучен порядок ведения церковных служб и молебнов в армейских гарнизонах, не освящен быт черного и белого духовенства в период военных действий.

В настоящее время деятельность Церкви в России оказывает определенное воздействие на становление морального духа армии и влияет в целом на служебно-оперативную ситуацию. Для результативного взаимодействия армии и Церкви требуется выработать исторически обоснованную позицию военного руководства России в интересах служебной

дисциплины по защите государственной границы и духовного воспитания личного состава вооруженных сил.

Особую значимость имеет характер исследуемой темы, позволяющий определить положение и роль Церкви в период военных мероприятий в губерниях Европейской России. Эти аспекты темы обуславливают необходимость нового подхода к анализу истории взаимоотношений Православной Церкви и армии в XIX веке.

Объект исследования - Русская Православная Церковь и вооруженные силы.

Предмет исследования - основные направления и формы деятельности Церкви, направленные на выполнение священнического долга в войсковой среде.

Целью исследования является системное изучение истории Русской Православной Церкви и армии в XIX веке.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решается ряд конкретных задач:

- показать роль Православной Церкви в государственно-правовой системе при поддержке Вооруженных сил;
- рассмотреть социальный состав священнослужителей в период военных действий;
- раскрыть деятельность Церкви и командного руководства армии;
- обобщить сотрудничество воинских формирований и госпитальных священнослужителей;
- проанализировать убеждения священников, участвовавших в боевых операциях;
- проследить динамику особенностей церковно-приходской жизни в военных гарнизонах;
- охарактеризовать участие Церкви в благотворительной деятельности в годы военных действий;

- изучить способы взаимодействия Церкви и Русской армии в региональном аспекте на примере губерний Европейской части России.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1801 года по 1900 год. Нижняя хронологическая грань определяется началом XIX века, отмеченным Императорским указом от 4 апреля 1800 года. Этот указ утвердил должность полевого обер (старшего)-священника на постоянной основе. С этого времени начался процесс официального формирования института военного духовенства, продолжавшийся в течение XIX века.

Верхняя хронологическая грань определяется 1900 годом. К данному времени завершился процесс реформирования военного духовенства, была определена система его прав и обязанностей.

Территориальные рамки включают Европейскую часть России в ее территориальных границах, которые сложились в середине XIX – начале XX вв. Военно-промышленное развитие европейского центра России во многом зависело от специфических особенностей аграрной деятельности, сложившихся в данном регионе в XIX веке. Ко второй половине XIX века Европейский центр России характеризовался доминированием государственного и помещичьего землевладения. Исключением были относительно небольшие мануфактурные предприятия, занимавшиеся переработкой сельхозпродукции.

Степень изученности темы. Историография.

История взаимоотношений армии и Церкви в России XIX века и деятельности военного духовенства, насколько удалось установить автору диссертации, не изучена в достаточной степени ни дореволюционными, ни советскими и современными исследователями.

Историографию проблемы можно разделить на дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

Русская церковная история как наука существует на протяжении около двух столетий, из которых значительную часть времени (1917–1980-е гг.) она развивалась в довольно непростых обстоятельствах, связанных с

государственной политикой по отношению к религиозным организациям. В XIX веке происходило активное развитие церковно-научной мысли. История Русской Церкви была введена в программы семинарий и академий, и с этого времени начали выходить фундаментальные исследования. Статьи по церковной истории публиковались в периодических изданиях при духовных академиях, таких как «Христианское чтение» (СПб., 1821-1917); «Православный собеседник» (Казань, 1855-1917); «Труды Киевской духовной академии» (Киев, 1860-1917); «Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе» (М., 1843-1891); «Богословский вестник» (Сергиев Посад, 1892-1918) и др.

Одним из первых значительных трудов стала «История Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова)¹, на создание которой у исследователя ушло более двух десятилетий (1864 – 1886). В каждом из периодов он стремился рассмотреть историю Церкви с различных позиций: иерархия, богослужения, состояние религиозных настроений в обществе и т.д. Автором были введены в научный оборот многие письменные источники.

Выходили также учебные пособия, излагавшие результаты многих исследований. Одним из таких изданий является «Руководство к русской церковной истории» профессора П.В. Знаменского²

В дореволюционный период история армии являлась одной из приоритетных тем отечественной историографии, над разработкой которой трудились несколько поколений историков, таких как П.О. Бобровский, А. К. Баиов, А.З. Мышлаевский, Д.Ф. Масловский, Н.С. Голицын и др.

Одной из наиболее значимых работ является книга А.Ф. Редигера «Комплектование и устройство вооруженной силы»³. Автор рассматривает историю русской армии в сравнении с вооруженными силами европейских стран. В работе использовано большое количество статистических

¹ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. – М., 1994-1996.

² Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. – СПб, 1871.

³ Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. – СПб., 1900.

материалов, пытался дать оценку степени развития военных институтов. Слабой стороной данного исследования можно назвать отсутствие попыток рассмотрения истории развития армии во взаимосвязи с происходившими социально-политическими и экономическими процессами.

Еще одна попытка комплексного анализа истории развития русской армии – многотомное «Столетие военного министерства»¹ под общей редакцией генерала Д.А. Скалона. По структуре и содержанию это издание имеет много общего с работой А.Ф. Редингера. Особого внимания заслуживают содержащиеся в 10 томе очерки П.А. Данилова об истории военного управления в России. В числе достоинств данного издания можно назвать детальное описание проводившихся в XIX веке военных реформ, обилие фактических материалов, подробное описание военных программ.

В 1914 г. была опубликована 15-томная «История русской армии и флота»², которая по своей структуре и способам изложения материала близка к «Столетию военного министерства». Значительным отличием является то, что в качестве одного из важнейших источников был использован «Обзор деятельности Военного министерства в царствование имп. Александра III», опубликованного в 1903 г. Данный обзор представляет собой сборник статистических сведений, основанный на докладах и отчетах военного министра. «История русской армии и флота» представляет научный интерес главным образом потому, что в ней содержатся подробные сведения о комплектовании армейских подразделений.

Первой попыткой комплексного изучения истории военного духовенства в дореволюционный период стал исторический очерк Н. Невзорова³. Он рассмотрел основные этапы становления института военных священнослужителей, его постепенного обособления от остальных структур РПЦ, формирования органов управления, прав и обязанностей.

¹ Столетие Военного министерства: В 13 т. - СПб., 1902-1904.

² История русской армии и флота: В 15 т. – СПб., 1911-1914.

³ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875.

Автор также разъяснил основания, на которых основывалась деятельность военного духовенства. Основным недостатком данной работы является ее краткость, а также то, что в период ее написания еще не институт военных священников еще окончательно не сформировался, в связи с чем данный труд не может предоставить полную картину интересующих нас явлений и процессов.

В XIX веке вышли первые труды, посвященные истории пограничной стражи. Наиболее глубокими и исчерпывающими среди них были «Материалы к истории пограничной стражи» написанные старшим адъютантом штаба пограничной стражи полковником М.П. Чернушевичем. Данные материалы были изданы в 1900 году, впоследствии они стали основой для будущих исследований, в которых изучалась пограничная история. Вместе с тем материалы о военном духовенстве и духовенстве пограничной стражи должным образом рассмотрены не были. Однако, в труде содержатся многочисленные примеры проявления героических поступков священниками и простыми солдатами, эти примеры дают возможность выявить высокие морально-психологические и патриотические качества военнослужащих, основанные часто на их религиозной вере¹.

Более полным и всесторонним исследованием является работа доктора канонического права, профессора Т.В. Барсова². В ней, опираясь на довольно широкий круг источников (военное законодательство и церковные постановления, архивы Святейшего Правительствующего Синода, канцелярии главного священника армии и флотов, Александро-Невской лавры и др.) рассмотрел процесс формирования и изменения института военного духовенства с течением времени, показал роль наиболее значимых его представителей в системе военно-религиозной

¹ Чернушевич М. П. Материалы к Истории Пограничной Стражи. - В 2 частях - Часть I-я. - Петербург, 1900.

² Барсов Т.В. Об управлении русским военным духовенством. - СПб., 1879.

деятельности. В то же время автор не уделил внимания изучению непосредственной деятельности священников в войсках.

Ф.М. Ласкеев в своей монографии сделал попытку обобщения накопленного материала по истории военного духовенства в год столетия его официального статуса (1900 г.)¹. Данное издание является, по нашему мнению, одним из наиболее значительных исследований по истории русского военного духовенства XIX века.

Изучался также такой важный аспект деятельности Православной Церкви, особо значимый в период военных действий, как благотворительность. Об этом писали, в частности, русские религиозные философы. Н.А. Бердяев полагал, что в основе истинной православной духовности должно лежать не только стремление к личному спасению, но и участие в социальных преобразованиях, поскольку, по мнению философа, социальная жизнь целиком зависит от духовных качеств людей².

Среди представителей светской дореволюционной историографии наибольшее внимание изучению церковной благотворительности уделял В.О. Ключевский. По его мнению, благотворительность в России была не столько средством улучшения общественного благоустройства, сколько необходимым условием улучшения нравственного здоровья. Ему же принадлежит высказывание о том, что «благотворительность создает больше потребностей, чем устраняет нужд»³.

Накануне празднования столетия Отечественной войны 1812 г. активизировался интерес к роли духовенства в достижении победы над Наполеоном, вышел ряд работ, посвященных данной теме⁴. Эти издания отличаются небольшим объемом и являются в большей мере публицистическими, нежели научными работами.

¹ Ласкеев Ф.М. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие. – СПб., 1900.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 409, 446.

³ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. – М., 1993. – С. 107, 29.

⁴ Востоков В.И. Подвиг священника или незаметный герой. Рассказ из времен 1812 г. – М., 1912. Военский К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. – М., 1912 и др.

Итак, в дореволюционный период было издано значительное количество трудов, посвященных различным аспектам взаимодействия Церкви с вооруженными силами и деятельности священнослужителей в военное время. Однако накопленный в эти годы научный материал нельзя считать достаточным, поскольку многие вопросы не были изучены в полной мере.

Советский период изучения истории России отличался высокой степенью идеологизированности. Работы, посвященные истории религиозных организаций, и в первую очередь Русской Православной Церкви, имели ярко выраженный классовый подход. Соответственно, религия рассматривалась как идеологически чуждый, ретроградный элемент в развитии государства и общества.

В статье В.Д. Бонч-Бруевича, написанной в 1925 г., участие Церкви в общественной жизни оценивается негативно. Автор характеризует Церковь как бюрократическую организацию, всегда стоявшую на страже интересов правящего класса и распространявшую в обществе реакционные идеи¹.

Однако, и в данный период выходили научные труды, представляющие определенный интерес для исследователей института военных священнослужителей. Примером такого исследования может служить работа В. Василенко². В ней, наряду с критикой военных священников и оценкой их деятельности с точки зрения классового подхода, содержится ряд ценных сведений, основанных на первоисточниках, о структуре института полковых священников и их службе как в мирное, так и в военное время. Аналогичным образом можно охарактеризовать работу Б.П. Кандидова³.

В годы Великой Отечественной войны советское правительство в значительной мере смягчило свою политику по отношению к религиозным

¹ Бонч-Бруевич В.Д. Силы русского клерикализма // Религия и церковь в истории России. – М., 1975. – С. 207.

² Василенко В. Офицеры в рясах (Духовенство в царской армии). - М., 1930.

³ Кандидов Б.П. Религия в царской армии. – М.: Безбожник, 1929.

организациям. В этот период приветствовалась пропаганда героического военного прошлого, которое было тесно связано с участием Церкви. В связи с этим вышли работы М. Архангельского¹ и И.Н. Шабатина², посвященные патриотизму военного духовенства в былых войнах.

В послевоенные годы интерес исследователей к истории военного духовенства заметно снизился, а работы вновь возвращаются в русло антирелигиозной идеологии. Примером подобного подхода являются труды Н.Ф. Платонова³, бывшего митрополита, который в 1930-е гг. отрекся от веры и от Церкви. В работе Д.И. Сидорова⁴ роль Церкви в военной истории России показана как преимущественно отрицательная.

Работы, выходявшие за рубежом, были менее ограничены с идеологической точки зрения, и, соответственно, их авторы имели возможность более разносторонне и непредвзято характеризовать процессы, происходившие в дореволюционный период в России, в том числе и связанные с деятельностью Церкви. Однако они имели существенный недостаток – ограниченность авторов в возможности подбора материалов, поскольку у них не было доступа к советским архивам, в которых хранилась основная масса необходимых исторических документов. В связи с этим историки-эмигранты вынуждены были ограничиваться опубликованными работами, что значительно снижало ценность их исследований.

Одним из наиболее значительных исследователей, писавших свои труды по истории Церкви за рубежом, является И.К. Смолич. Сферой его научных интересов были отношения между Церковью и государством с XVIII в. до Октябрьской революции 1917 г. Большое внимание автор

¹ Архангельский М. Патриотизм православного духовенства // Журнал Московской патриархии. - М., 1944. - № 1. - С. 23-26.

² Шабатин И.Н. Русское православное духовенство в Великой Отечественной войне 1812 года // Журнал Московской патриархии. М., 1944. № 5. С. 32-36.

³ Платонов Н.Ф. Церковь и империалистическая война // Религия и церковь в истории России. - М.: Мысль, 1975. - С. 228-240.

⁴ Сидоров Д.И. Защита Родины и религия. - М.: Военное издательство МО СССР, 1963. - 120 с.

уделял изучению благотворительной деятельности церковных организаций, в том числе и в военное время¹.

Значительные изменения в изучении церковной истории произошли во второй половине 1980-х гг. в связи с происходившими тогда процессами либерализации и демократизации. Наиболее значимой научной работой по истории Церкви, вышедшей в тот период, является «Русское православие: вехи истории»², в которой содержатся сведения о военном и морском духовенстве.

Таким образом, в советский период, несмотря на высокую степень идеологического давления, был создан ряд значимых трудов по истории Церкви, затрагивавших и ее взаимоотношения с армией, а также деятельность в условиях военного времени.

В постсоветский период (после 1991 г.) наблюдается повышенный интерес к церковной истории и, соответственно, большое количество изданных по данному направлению научных трудов. В связи с отменой идеологических установок авторы выражают различные позиции и дают разнообразные оценки имевшим место историческим событиям.

По истории военного духовенства России XIX века особого внимания заслуживают, по мнению диссертанта, труды ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, кандидата исторических наук Л.В. Мельниковой³. Работы данного автора, основанные на изучении как многочисленных первоисточников, так и на обобщении и анализе содержания ранее опубликованных научных трудов, охватывают широкий круг вопросов и проблем, связанных с деятельностью военного духовенства

¹ Смолич И.К. История русской церкви (1700-1917). – Валаам, 1997.

² Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. – М., 1989.

³ Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь // Отечественная история. - 2002. - №6. - С. 27-38. Мельникова Л.В. Иерархи Русской Православной Церкви в годы Крымской войны (1853-1856 гг.) // Церковь в истории России. Сборник 9. - М., 2010. Мельникова Л.В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // Российская история. – 2010. - № 5. – С. 165-182.

Российской империи. Хронологически сфера научных интересов данного автора ограничена преимущественно первой половиной XIX века.

Значительным исследованием в данной области является работа В.М. Коткова и Ю.В. Котковой «Военное духовенство России: страницы истории»¹. Данное издание является попыткой обобщения накопленного научного материала по истории военного духовенства, содержит много статистических данных, приложения в виде различных исторических документов в виде приказов и распоряжений относительно деятельности полковых священников. Основное внимание уделяется системе управления военным духовенством и личностям наиболее значительных его руководителей. Также уделяется внимание деятельности военных священников в действующих частях в мирное и военное время. При охвате довольно значительного исторического периода (XIX – начало XX вв.), оно невелико по объему.

С.Л. Фирсов в своей работе «Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х - 1918 гг.)»² показал итоги реформирования Церкви в течение XIX века, выявил сложившуюся систему отношений между церковью и государственными институтами, ее место в российской социально-политической системе. Особое внимание в данной монографии уделяется положению духовенства в структуре общества, уровню его материального обеспечения.

Монография Н.П. Зырянова «Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века»³ посвящена более чем вековой истории русских православных монастырей и, в частности, их вкладу в благотворительную деятельность и оказание помощи стране в военные годы.

¹ Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории. - СПб., 2005.

² Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х - 1918 гг.). – М., 2002.

³ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. - М.: Вербум-М, 2002. – 320 с.

Работа С.В. Римского «Российская церковь в эпоху великих реформ»¹ в основном посвящена реформированию Православной Церкви, предпринятой в годы правления Александра II. В данной монографии также приведены сведения, связанные с благотворительной деятельностью Церкви, размере собранных пожертвований, участии церковных организаций в духовно-просветительской деятельности.

Также опубликованы исследования, посвященные отдельным вопросам, связанным с деятельностью военных священнослужителей. Статья В.М. Москвиной² связана с изучением роли духовенства в культурно-просветительской работе среди военнослужащих. В работе Б.А. Ершова «Общины сестер милосердия и Православная Церковь русской провинции XIX в.»³ изучается роль Церкви в создании и организации деятельности провинциальных общин сестер милосердия, участвовавших в военных кампаниях. В статье С.В. Архипова⁴ рассматривается благотворительная деятельность Церкви в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг., по вопросам организации помощи славянским народам Балканского полуострова и раненым русским воинам. Работа С.Ю. Чимарова⁵ посвящена изучению жизни и деятельности обер-священника армии и флота И.С. Державина, с которым связаны многие вопросы становления института военного духовенства России XIX в.

¹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. (Церковные реформы в России 1860-1870 гг.). - М., 1999.

² Москвина В.М. К вопросу об участии военного духовенства в культурно-досуговой работе в вооруженных силах России (вторая половина XIX начало XX века) // Научные исследования в образовании. – 2007. - Вып. 5. – С. 134-136.

³ Ершов Б.А. Общины сестер милосердия и Православная Церковь русской провинции XIX в. // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2010. - №11. – С. 204-209.

⁴ Архипов С.В. Благотворительность Русской Православной Церкви во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2015. - № 3. – С. 126-127.

⁵ Чимаров С.Ю. Попечительская деятельность обер-священника армии и флота И.С. Державина (1807-1826) по совершенствованию системы подготовки военного и морского духовенства Российской империи // Управленческое консультирование. - 2013. - № 3. – С. 106-111.

Изучение и анализ историографии по теме работы дает автору диссертации основания полагать, что взаимоотношения Церкви и армии в России XIX в. исследованы недостаточно и данный вопрос нуждается в дальнейшей научной разработке. Предпринятое исследование дает возможность восполнить в некоторой степени этот пробел.

Источниковая база диссертационной работы

В ходе исследования были использованы исторические источники различного характера, которые можно разделить на две группы: архивные и опубликованные.

Первая группа источников представлена архивными материалами. Таковыми являются документы, хранящиеся в центральных архивах Российской Федерации, в частности, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Фонд Военно-учетного архива данной организации содержит обширный материал о состоянии военных подразделений российской армии в XIX веке (карты, статистические данные, распоряжения и т.д.)¹. Большой интерес представляет хранящийся в указанном фонде архив А.И. Михайловского-Данилевского, который по поручению Николая I занимался написанием труда по истории Отечественной войны 1812 года. Исследователь собрал значительный объем материала, причем большая часть собранных документов не вошла в его работу. Работая над темой своего исследования, А.И. Михайловский-Данилевский разослал анкеты по различным губерниям, одна из которых имела непосредственное отношение к Православной Церкви. Данная анкета содержала вопросы о количестве разграбленных неприятелем церквей, оценке стоимости украденного церковного имущества, размерах пожертвований священнослужителей на военные нужды, а также о совершенных духовными лицами подвигах в период военных действий.

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1.

Российский государственный исторический архив (РГИА) является одним из крупнейших хранилищ исторических документов. Ф. 796 Канцелярия Синода содержит обширный массив информации, связанной с управлением делами Церкви в интересующий нас период (сведения о епархиях и приходах, юридическая документация, формулярные списки священнослужителей и др.)¹. Ф. 797 непосредственно связан с Ф. 796. Он содержит документы, связанные с деятельностью канцелярии обер-прокурора Синода (именные указы, журналы входящих и исходящих бумаг, реестры и пр.)².

Важная информация, имеющая отношение к теме нашего исследования, содержится также в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ). В фондах этого архива хранятся распоряжения Московской духовной консистории, журналы и протоколы ее заседаний, донесения и отчеты подразделений Московской епархии о состоянии церкви данного региона после военных действий 1812 года. Также здесь хранится подробная информация о монастырях (например, Ф. 420. Московский Симонов монастырь, Ф. 421. Московский Донской монастырь).

Фонд Главного Присутствия по делам улучшения быта православного белого духовенства (Ф. 804) содержит документы, связанные с подготовкой реформ, связанных с правовым положением и основам деятельности приходских священнослужителей, их течением и результатами. Особое значение имеют журналы заседаний Присутствия, которые можно использовать для изучения особенностей разработки программы церковных реформ и руководства ими.

В Центральном историческом архиве Санкт-Петербурга содержится ряд ценных документов в фонде Ф. 19 Петроградская духовная консистория³.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 9. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 9 об. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 10 об. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 11. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 11 об.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 34.

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 60. Оп. 99. Д. 15. Л. 3. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.

Данные источники позволяют изучить историю управления армией и церковными организациями на общегосударственном уровне.

Привлечены документы региональных архивов. Это, в частности, Государственный архив Воронежской области (ГАВО) Ф. И-30. Фонд Воронежского уездного предводителя дворянства посвящен истории деятельности воронежского дворянского собрания и его руководства с конца XVIII до начала XX в. Это указы, рапорты, прошения и прочие документы¹. Фонд И-70 Землянское уездное отделение Воронежского епархиального училищного Совета дает возможность изучить участие Церкви в процессе образования и просвещения на уездном уровне². Ф. И-325 Коллекция документов воинских частей, соединений и высших учреждений армии и флота Российской империи и временного правительства Российской буржуазной республики XIX – начала XX вв. содержит обширный массив документов, связанных с деятельностью воинских частей, расквартированных на территории российских губерний. Также в данном фонде хранятся различные распоряжения, пояснения, рескрипты и прочие документы, рассылавшиеся Военным министерством на места³.

Проанализированы документы Государственного архива Тамбовской области (ГАТО) Ф. 4. Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора содержит комплекс источников, связанных с организацией и осуществлением управления Тамбовской губернией, включая документы, связанные с взаимоотношениями между светской и церковной властью. Большой интерес представляют материалы данного фонда, свидетельствующие о высокой степени взаимодействия церковных и светских властей губернского уровня в военное время, связанные с организацией сбора средств для помощи армии и пострадавшим от военных действий, размещении беженцев, иной благотворительной деятельности⁴. Ф.

¹ ГАВО. Ф. И-30. Д. 2492, Л. 1-6.

² ГАВО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 4. Л. 216.

³ ГАВО. Ф. И-325. Оп. 1. Д. 1. Л. 199.

⁴ ГАТО. Ф.4 Оп.1. Д. 214 Л. 5-6. Ф.4. Оп.1. Д.1295. Л. 50. Ф.4 Оп.1 Д.1298 Л.115 об.

181. Тамбовская духовная консистория является собранием материалов о деятельности данного органа епархиального управления, в том числе его отношений с губернскими и военными властями¹.

В Государственном архиве Калужской области (ГАКО) хранятся документы, связанные с деятельностью священнослужителей в период военных действий. В качестве примера можно привести следующие фонды: Ф. 33. Калужская Духовная Консистория, Ф. 73. Калужское губернское отделение Комитета Е.И.В. Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, Ф. 74. Калужское попечительство о бедных духовного звания, Ф. 226. Калужский временный епархиальный комитет для оказания помощи больным и раненым воинам.

Также в работе были использованы материалы Государственного архива Псковской области. Ф. 39. Псковская духовная консистория². Ф. 177. Уездные духовные управления. В частности, в данном архиве хранятся распоряжения о выражении благодарности и награждении священников, проявивших особое старание в деле сбора пожертвований в годы военных действий³.

Данные документы позволили автору изучить особенности взаимодействия священнослужителей с губернскими и армейскими властями в условиях военного положения, роль Церкви в духовной и патриотической пропаганде среди населения и в организации сбора средств на ведение военных действий и помощи пострадавшим.

Ко второй группе источников относятся опубликованные материалы. Они представлены, в частности, законодательными актами органов государственной власти, имеющими отношение к церковной политике и организационно-правовой основе деятельности военного духовенства. Наиболее значимыми среди них являются Уставы духовных учебных

¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1161. Л.3.

² ГАПО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 800. Л. 115-117.

³ ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 298. Л. 16-17.

заведений 1809-1814 гг., Уставы духовных консисторий 1841 и 1883 гг., 1867-1869 гг., 1884 г. Данные источники являются основой для изучения взаимоотношений между Церковью и государственной властью, а также эволюции церковных институтов.

Среди документов, регламентирующих деятельность военного духовенства, особую значимость имеют Указ от 4 апреля 1800 года, согласно которому на постоянной основе учреждалась должность военного обер-священника, Распоряжение о создании армейской духовной семинарии от 1 июня 1800 года, Указ Святейшего Синода от 6 февраля 1853 года о статусе обер-священников и «Положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств» от 12 июня 1890 года, посвященное унификации и регламентации деятельности военных священнослужителей.

Изучение указанных документов позволило рассмотреть основные этапы развития отношений между Церковью и армией на основе различных указов и распоряжений, историю создания и развития института военных священнослужителей.

Также к данной группе источников относятся периодические издания, выходившие в изучаемый период. Это преимущественно публикации в религиозных и военных журналах.

Значительное место в церковной периодической печати XIX в. занимал журнал «Христианское чтение», издававшийся при Санкт-Петербургской духовной академии с 1821 по 1918 г. Программа журнала была обширна и рассчитана на священнослужителей, простых верующих и научных деятелей. Основными рубриками журнала являлись: 1) писания Святых Отцов в переводе на русский язык; 2) материалы богословского характера; 3) изучение христианского вероучения и правил церковной жизни; 4) история Церкви; 5) отечественная и зарубежная христианская библиография. В годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. редакция

данного издания приняла активное участие в патриотической пропаганде и организации сбора средств в пользу раненых и больных русских солдат.

«Церковные ведомости с прибавлениями» (1888-1918) стали первым самостоятельным печатным органом Святейшего Синода. Целью организации данного журнала были названы необходимость скорейшего распространения синодальных распоряжений и постановлений ввиду активизации церковной жизни. В официальной части публиковались распоряжения по ведомствам православного вероисповедания, в частности приказы и сообщения обер-прокурора Синода. В неофициальной части были представлены статьи религиозно-философского характера, публикации по церковной истории, богословской литературе.

В 1875 г. в С.-Петербурге начал издаваться еженедельный журнал «Церковный вестник» с прибавлениями, выходившими отдельными книжками. Издание было ориентировано на священников и мирян, интересующихся религиозными вопросами. В журнале публиковались статьи церковно-общественного характера, связанные с имевшими место переменами во взаимоотношениях Церкви и общества. Подписчикам предоставлялась возможность для выражения своего мнения на страницах издания. Также публиковались обзоры статей в светских периодических изданиях, имевших отношение к церковно-общественным отношениям. На страницах журнала велась также летопись церковной жизни в России и за рубежом.

С 1860 по 1917 г. в Петербурге выходил духовный учено-литературный журнал «Странник». В его программу были включены: 1) статьи, заметки и необнародованные материалы по всем периодам и проблемам русской церковной истории; 2) рассказы, очерки, характеристики из прошлого и современного быта духовенства; 3) обозрение текущей церковно-общественной жизни; 4) записки и наблюдения приходских священников, сельских учителей и других

народных деятелей; 5) хроника важнейших церковно-административных и правительственных распоряжений.

На местном уровне выходили губернские епархиальные ведомости, выходившие в 63 епархиях Русской Церкви с 1860 года. Прототипом и образцом для них послужили губернские ведомости – официальные издания губерний Российской империи. Епархиальные ведомости, как правило, состояли из двух частей: официальной и неофициальной. В официальной печатались все важнейшие относящиеся к данной епархии указы, манифесты, рескрипты и повеления императоров, распоряжения высших государственных учреждений и епархиального начальства. Неофициальная часть содержала речи, проповеди, поучения, обзоры духовной и светской литературы, жизнеописания местных святых и т.д.

В Казани издавался один из старейших духовных журналов России «Православный собеседник» (1855-1917). В журнале публиковались статьи как ведущих профессоров казанской духовной академии, так и дипломные работы выпускников. Главной особенностью «Православного собеседника» было стремление редакции обсуждать проблемы церковно-общественной жизни с точки зрения современности, трезвых и свежих взглядов как священнослужителей, так и мирян. При этом журнал оставался академическим изданием высокого уровня, яркой чертой которого было тесное сотрудничество с казанским университетом – одним из старейших и наиболее влиятельных учебных заведений России.

В Воронеже выходил еженедельный журнал «Пастырский собеседник» (1884-1910), освещавший различные стороны жизни провинциального духовенства.

В XIX веке начинает активно развиваться отечественная военная журналистика. В 1810 г. отставной майор П.А. Рахманов организывает издание «Военного журнала», рассчитанный на офицеров всех родов войск. С первых выпусков журнал получил большую популярность. Редакция стремилась придать ему серьезный и строго научный характер. Каждый

номер делился на четыре части: дидактическую, историческую, критику и смесь. Первая часть была посвящена вопросам военного дела; вторая содержала статьи по военной истории; в третьей части помещались подробные разборы русских и иностранных военных книг; четвертая часть освещала текущие события.

В годы Отечественной войны 1812 г. стала выходить газета «Известия из армии», задачей которой было информирование о состоянии дел в зоне боевых действий. Она распространялась не только в войсках, но и близлежащих губернских городах.

Выпускавшийся с октября 1812 г. журнал «Сын Отечества» формально не относился к военным журналам, однако в годы войны главное его содержание составляли хроники военных действий на российской и заграничной территории, выдержки из газеты «Известия из армии», публикации патриотического характера.

С февраля 1813 г. начала выходить газета «Русский инвалид», целью которой была организация помощи раненым солдатам, вдовам и сиротам. До 1815 г. газета являлась частным изданием, затем стала государственной газетой с добавлением к названию «Военные ведомости». Ей было предоставлено исключительное право на публикацию приказов по военному ведомству.

Важные с точки зрения данного исследования материалы также содержатся в номерах журнала «Военный сборник», который являлся официальным печатным органом Военного министерства Российской империи и выходил с 1856 по 1917 г. Инициаторами создания данного журнала являлись русский военный историк и теоретик, военный министр (1861-1881) Д.А. Милютин и член Государственного Совета, известный военный реформатор генерал-адъютант Н.Ф. Плаутин.

С 1823 г. начал выходить «Военно-медицинский журнал» - печатный орган медицинского департамента военного министерства. Он издавался по шесть книг в год.

Программа журнала состояла из четырех разделов: официальный (извлечения из Высочайших приказов, указы по военному ведомству и пр.); военно-научный (тактика, военная администрация, фортификация и артиллерия); литературный (мемуары, биографии, рассказы из военного быта и пр.); смешанный (описание различного рода открытий, библиографические известия и пр.).

Журнал был подчинен общей цензуре (с 1859 г. – специальной военной цензуре, подписка на него была обязательна для всех штабов, начиная со штабов отдельных батальонов.

Центральным печатным органом военно-церковного ведомства был «Вестник военного духовенства», выходивший с 1890 года. Его главной целью было ознакомление войсковых священников со специальными распоряжениями их духовного и военного начальства. Издание имело две части: официальную и неофициальную. Первая часть посвящена различным распоряжениям и постановлениям церковных и военных властей, которые передавались войсковому духовенству. Во второй части публиковались материалы, посвященные богословским, каноническим, церковно-историческим и прочим вопросам.

Указанные источники дают возможность изучить наиболее важные вопросы, связанные с регламентацией деятельности священнослужителей, круг их профессиональных интересов, особенности выполнения своих обязанностей на местном уровне.

Важное значение среди опубликованных источников имеют мемуары. Впечатления иностранцев о походе 1812 года можно изучать по воспоминаниям, содержащимся в изданном в 1912 году сборнике «Французы в России»¹.

Среди подобного рода документов следует отметить «Севастопольские письма и воспоминания» Н.И. Пирогова². В своих

¹ Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. В 3 частях. – М., 1912.

² Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. – М.: Изд-во АН СССР, 1950.

воспоминаниях великий русский ученый, врач и патриот описывает события, связанные с Крымской войной 1853-1856 гг., в особенности ее наиболее драматическую и героическую часть – оборону Севастополя. Значительное внимание в своих мемуарах Н.И. Пирогов уделил описанию деятельности сестер милосердия, впервые привлеченных на постоянной основе к уходу за ранеными в ходе военных действий.

Большое количество воспоминаний очевидцев о Крымской войне содержится в сборнике «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя»¹. Издание этого объемного собрания материалов было организовано известным российским военным историком и публицистом Н.Ф. Дубровиным. Он был прикомандирован к Главному штабу для военно-исторических работ в 1869 г. и приступил к сбору материалов по истории Крымской войны. Помимо многочисленных свидетельств участников военных действий данное издание содержит официальную переписку дипломатического и военного характера, публикации российской и зарубежной прессы, а также различные сведения о выдающихся военачальниках.

Также большую значимость имеют «Письма священника с похода» В.В. Гурьева². Данный священнослужитель был уроженцем Воронежской губернии, также некоторое время служил в Тамбове. Он участвовал в военных действиях в качестве полкового священника во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и оставил ценные воспоминания, отражающие жизнь и служение священнослужителя в условиях военного времени. Протоиерей Г.П. Лапшин оставил свои воспоминания о пребывании его полка на территории Болгарии³. Важным источником по

¹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. – СПб, 1871-1874.

² Гурьев В.В. Письма священника с похода. – М., 2007.

³ Лапшин Г.П., протоиерей. Мирная жизнь 138 пех. Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию (из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. - 1892. - № 13. - С. 397-412.

истории Русско-турецкой войны являются воспоминания М.А. Газенкампа¹.

События русско-турецкой войны также отражены в мемуарах обер-офицера Д.А. Озерова². Автор отмечает значительный вклад религиозных организаций и полковых священнослужителей в дело освобождения балканских народов от Османской империи.

Материалы мемуарного характера, несмотря на присущую им субъективность суждений, имеют особую ценность для нашего исследования, поскольку они созданы непосредственными участниками изучаемых событий.

Всестороннее изучение источников позволило автору прийти к выводу, что в историческом контексте не полностью раскрыты такие ключевые вопросы, как сотрудничество Русской Церкви и армии по основным направлениям политики российского государства в благотворительной и оборонной сферах. Установлено, что именно Церковь определяла важнейшие формы духовно-нравственной деятельности в решении социальных проблем общественной жизни. Проанализированные источники систематизируют вклад Православной Церкви в образовательный и культурный уровень населения, определяют его влияние на светскую жизнь.

Количество выявленных источников и их разнообразный характер дают основание полагать, что они позволяют в достаточной мере раскрыть тему диссертации.

Методологическая база исследования. Работа основана на системном подходе. Его использование при рассмотрении проблемы позволило автору увидеть взаимосвязь общих тенденций во взаимоотношениях Церкви и армии в России в XIX веке с особенностями их проявления в исследуемых регионах.

¹ Газенкампф М.А. Мой дневник 1877-1878 гг. – СПб., 1908.

² Озеров Д. На поле битвы (из воспоминаний офицера). – СПб., 1897.

В основе исследования лежат принципы историзма и комплексности. Основываясь на принципе историзма, автор стремился всесторонне оценивать факты и документы прошлого, учитывать специфические черты изучаемой эпохи.

Следуя принципу комплексности удалось получить научные знания об общих тенденциях развития взаимоотношений Церкви и армии в исследуемый период на основе разнообразных выявленных источников и научных трудов.

Метод ретроспективного анализа позволил проследить этапы формирования и развития взаимодействия Церкви и армии в различных аспектах, таких как создание и реформирование института военных священнослужителей, изменение роли и места полковых священников в армии и обществе, изменения в их деятельности в ходе военных кампаний разных периодов XIX века.

Научная новизна. В данной работе впервые раскрыты приоритеты деятельности армии и Русской Церкви способные оказывать влияние на мировоззрение не только отдельных категорий населения, но и целых масс, что позволило выявить направления церковной деятельности в той или иной губернии, установить существенную роль духовенства в межконфессиональных конфликтах.

В работе произведен всесторонний анализ формирования сотрудничества между армией и Церковью в XIX - начале XX вв. В результате данный анализ позволил представить обобщающую характеристику взаимоотношений Православной Церкви и русской армии в 1801-1900 гг.

Исследованы различные архивные материалы, в которых показана помощь священников населению в период военных действий, особое внимание обращено на социальное служение Православной Церкви.

На основе архивных материалов представлен исторический опыт участия духовенства в различных военных кампаниях, что позволило обосновать этапы процесса функционирования системы духовно-нравственного воспитания в российской армии в рассматриваемый период. Исследована роль влиятельных деятелей военно-духовных ведомств в армии и на флоте, в частности обер-священников и протоиереев.

Доказано, что сотрудничество духовенства и светской власти в тяжелые периоды военных действий способствовало консолидации общества. Проповедническая деятельность Церкви о защите Родины, необходимости мира и спокойствия, обращенная к населению способствовала победам русской армии и всего государства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Священнослужители представляли довольно многочисленную и влиятельную группу населения Российской империи XIX в. Большинство лиц духовного звания в силу преобладания крестьянства в социальной структуре общества являлись сельскими приходскими священниками. Уровень их материального обеспечения был невысок, но на протяжении XIX века наблюдались тенденции по его улучшению. Уровень образования священнослужителей находился на высоком для данной эпохи уровне.

2. В XIX в. продолжился процесс формирования института военных священников, который получил свое оформление в виде соответствующих распорядительных актов и организационной структуры. Военное духовенство представляло собой особую группу священнослужителей по роду своей деятельности и в силу того, что оно находилось в двойном подчинении (Св. Синода и Военного министерства). Положение военных священнослужителей в армейских подразделениях в значительной мере отличалось от положения офицерского состава по уровню материального обеспечения и полномочий.

3. Военные священнослужители играли важную роль в жизни армейских подразделений в качестве духовных наставников и участников воспитательного процесса. Помимо исполнения религиозных обрядов, в обязанности полковых священников входила просветительская деятельность, проведение бесед на патриотические темы. Военное духовенство внесло значительный вклад в поддержание боеспособности и духовных сил солдат и офицеров.

4. В период военных действий деятельность священнослужителей всех уровней была подчинена общей политике государства по мобилизации населения на борьбу с неприятелем и проведению пропагандистской и контрпропагандистской работы. Многие священнослужители, особенно приписанные к военным частям, принимали активное участие в боевых действиях и в помощи раненым военнослужащим, за что получили церковные и светские награды.

4. Церковь внесла значительный вклад в организацию благотворительной помощи солдатам и пострадавшему гражданскому населению в периоды военных действий. Церковные иерархи содействовали становлению и развитию института сестер милосердия.

6. Провинциальное духовенство оказало значительное содействие местным властям в ходе организационных мероприятий, направленных на материальное и идеологическое обеспечение армии в ходе военных действий. Особая значимость деятельности священников на местах заключалась в их непосредственном взаимодействии с жителями их регионов. Сельские священники часто являлись единственными агентами правительства, доносившими до своих прихожан информацию о ходе боевых действий, а также занимавшихся патриотической пропагандой.

Теоретическая и практическая значимость диссертации обусловлена тем, что проведенное автором исследование дополняет существующие научно-исторические работы по указанной тематике. Работу можно использовать в процессе преподавания истории Отечества в учебных заведениях различного уровня. Материалы диссертации могут быть применены при разработке курса лекций и учебно-методических пособий по истории Русской Православной Церкви и историческому краеведению. Материалы диссертации могут быть востребованы в воспитательной работе среди военнослужащих Российских вооруженных сил.

Апробация исследования. Основные положения исследования отражены в 7 научных работах, 5 из которых опубликованы в ведущих научных журналах России, входящих в перечень ВАК. 1 статья опубликована в международной базе Web of Science. Отдельные главы и разделы диссертации обсуждались на общероссийских и международных научных конференциях.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Глава 1. Русская Православная Церковь и Российское государство в XIX веке

1.1. Место Церкви в государственно-правовой системе и структуре вооруженных сил

К началу XIX века Российская империя стала одним из крупнейших и наиболее влиятельных государств мира. Россия оставалась абсолютной монархией с практически неограниченной властью императора, опиравшейся на многочисленный чиновничий аппарат, распределенный по системе органов государственного управления.

Русская Православная Церковь в данный период была составной частью государственного механизма, являясь важнейшим духовно-нравственным институтом. Православную веру в обязательном порядке должны были исповедовать российские императоры¹.

Главным церковным органом управления являлся Святейший Правительствующий Синод (действовал в 1721-1917 гг.), выполнявший функции высшей административной и судебной инстанции Русской Православной Церкви. В сферу его компетенции входило избрание и постановка епископов, открытие новых кафедр, канонизация святых, цензура богословской литературы и многое другое. Решения Синода должны были получать одобрение верховной власти в лице императора, который назначал руководителя Синода – обер-прокурора – светского чиновника, представлявшего в данной организации российского монарха. Через обер-прокурора осуществлялись все отношения Синода с другими министерствами и прочими высшими органами власти.

Состав Синода постоянно менялся. По регламенту 1818 г. в его составе было семь лиц в качестве постоянных членов. Другие архиереи, которые

¹ ПСЗРИ: Собрание 1-е. С 1649 г. по 12 декабря 1825 г. – СПб., 1830. Т. 17. - № 13996.

вызывались по указанию императора на неопределенный срок, назывались «присутствующими».

Для истории Синода XIX в. характерно усиление значения обер-прокурора. Особенно ярко данная тенденция проявилась при графе Н.А. Протасове, занимавшем пост обер-прокурора в 1836-1855 гг. Св. Синод в данный период приобрел черты полноценного министерства, а должность обер-прокурора во степени своего влияния сравнилась с министерской¹.

Следует отметить, что Св. Синод обладал властью, значительно отличавшейся от светских органов государственного управления. Он олицетворял собой власть Патриарха и Церковного Собора².

Деятельность Синода играла большую роль в жизни Российской империи, поскольку подавляющее большинство населения было верующим, и основная масса относилась к православному вероисповеданию.

В 1800 году были изданы распоряжения, определившие все дальнейшее развитие военного духовенства. В соответствии с указом от 4 апреля 1800 года должность полевого обер-священника получила постоянный статус, в его руках сосредоточилось управление всем духовенством армии и флота. Первым обер-священником армии и флота был назначен Павел Яковлевич Озерецковский. Обер-священник получил право сам определять, переводить, увольнять, представлять к наградам священнослужителей своего ведомства. Поскольку армия строилась Петром I по европейским образцам, где должность священника предусматривалась воинским уставом, немецкое слово «обер» - «главный», «старший» - вошло в военную терминологию. И только в 1858 году обер-священник было заменено на русское - главный священник³.

¹ Варламов Ю.Е. Положение Святейшего Синода среди высших государственных учреждений Российской империи в период с 1721 по 1917 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/301567101_Polozenie_Svatejsego_Sinoda_sredi_vyssih_gosudarstvennyh_ucrezdenij_Rossijskoj_imperii_v_period_s_1721_po_1917_gg (дата обращения: 12.03.2017).

² Иванов И.А. Деятельность Св. Синода в эпоху Екатерины II // Вестник ПСТГУ. – 2004. - № 3. – С. 160.

³ Капков К.Н. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX - начала XX веков. Справочные материалы. – М.: Летопись, 2008. – С. 29.

На начальном этапе представители военного духовенства еще не были выделены в особую группу и в мирное время находились в подчинении архиерея епархии, на территории которой располагался полк. П.Я. Озерецковский также сумел добиться в 1801 г. осуществления своего плана по созданию специальной войсковой семинарии, целью которой была подготовка военных священнослужителей. Кроме того, в период его руководства военное духовенство стало получать регулярное жалованье и пенсионное обеспечение после 20 лет службы, что в значительной мере повысило уровень благосостояния подведомственных ему священнослужителей по сравнению с приходскими¹.

В годы правления Александра I была введена должность второго обер-священника для гвардии и Главного штаба; в 1844 г. он стал именоваться обер-священником Главного штаба гвардии и гренадеров. В 1840 г. начал исполнять свои обязанности обер-священник Особого Кавказского корпуса, в подчинении которого находились также церкви линейных казачьих войск на территории Северного Кавказа. Такое положение сохранялось до 1867 г., когда данные церкви перешли в ведение Кавказской епархии с резиденцией в Ставрополе. План обер-прокурора графа Н.П. Протасова, который предлагал учредить должность архиепископа армии и флота, осуществлен не был.

Многие церкви, относившиеся к военному ведомству, являлись одновременно приходскими церквями. Наиболее широко данная практика была распространена в Западном крае, Польше, Сибири и Центральной Азии. В таких случаях военное духовенство обладало правом выполнять требы для местного населения².

Материальное положение военных священников постепенно улучшалось. В XVIII веке денежное довольствие полкового священника

¹ ПСЗРИ. 24. № 17833. Ч. 2. Гл. 12; 25. № 18115, 18418 (подтверждено в 1804 г.); 28. № 21452, 21454; 26. № 19269, 19415, 19835, 19843 (о подчинении военного и морского духовенства Святейшему Синоду); 28. № 21242, 21469; 27. № 19789 (о пенсиях военным и флотским священникам).

² ПСЗРИ. 33. № 33563.

составляло всего 66 руб. в год без рационов. Для сравнения, в конце века оклад полевых обер-священников соответствовал жалованию подпоручика.

Данное положение дел беспокоило Павла Озерецковского, первого главу православного военного духовенства. В своем докладе на имя только что вступившего на престол Александра I он ходатайствовал об увеличении размеров жалования армейского духовенства. Но «просьбу его, - как было указано в ответе, - по неимению сумм, откуда сию прибавку сделать, оставить без последствий»¹.

Однако спустя год, в 1802 г., императором были подтверждены штаты священников кавалерийских и пехотных полков с денежным обеспечением в размере 140 руб. годовых². Поскольку и эта сумма была явно недостаточной, в 1806 г. П.Я. Озерецковский вновь поднял вопрос об увеличении содержания военным священникам, указывая уже более конкретные источники - на счет церковных средств. Тем не менее, несмотря на все приложенные усилия, первому главе русского военного духовенства так и не удалось добиться достаточного уровня материального обеспечения своих подчиненных.

Значительные изменения в лучшую сторону произошли при императоре Николае I, когда полковые священники были приравнены к чину капитана. Николай обосновал данное решение тем, что «нынешнее весьма ограниченное их содержание не соответствует ни важности носимого ими сана, ни подвигам постоянного усердия в назидании воинских чинов в правилах благочестия и любви к престолу и Отечеству» и 6 декабря 1829 г. подписал указ о прибавке с 1 января 1831 г. жалования военному духовенству. С этого времени священникам следовало «производить жалование с денщиками против капитанов»³. Помимо оклада в 205 руб. 80 коп. годовых за духовным лицом был закреплен денщик в личное услужение,

¹ Цит. по: Барсов Т. Об управлении русским военным духовенством. - СПб., 1879. - С.59.

² Столетие Военного министерства. - Т. XIII. - СПб., 1902. - С. 23.

³ Мельникас С. Правовое положение православного военного духовенства в России в XVII – начале XX веков [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pstbi.ccas.ru/institut/book/1997/mel.htm> (дата обращения: 07.12.2017).

которого полковой священник на время отправления в поход имел право оставлять при своей семье¹. Квартирное обеспечение военных священников также соотносилось с армейскими чинами. Приказ военного министра от 13 декабря 1844 г. (по ст. ст.) гласил: «Отводить священно-служителям военного ведомства квартиры в натуре или отпускать квартирные деньги, по положению, для военных чинов существующему, а именно:

- 1) Обер-священнику наравне с генерал-майорами;
- 2) Штатным протоиереям военных соборов: Преображенского всей Гвардии, Сергиевского всей Артиллерии, Киевского, Бобруйского, Динабургского и Шлиссельбургского, также протоиереям и священникам, которые состоят в должности благочинных, противу майоров; Остальным за тем протоиереям и священникам, по-прежнему наравне с капитанами»².

С этого времени и почти в течение полувека материальное обеспечение военного духовенства и нормы его распределения находились примерно на одинаковом уровне. Чтобы понять, насколько оно соответствовало той важной области духовно-нравственного воспитания и пастырского наставничества российских военнослужащих, которую выполняли полковые священники, нужно иметь представление, кто был капитаном русской армии того времени. Как правило это был молодой человек лет 25-30-ти, в большей массе своей еще не обремененный семейными узами. За 20-30 лет своей службы он вполне мог дослужиться до звания полковника со всеми предоставленными этому чину привилегиями. В то же время военный священник и к старости, отягченный болезнями, зачастую полученными в походах и сражениях, как правило имевший многочисленную семью, продолжал получать все тот же капитанский оклад. Ничто не могло повлиять на размер его жалования: ни выслуга лет службы, ни участие в военных походах, ни полученное в учебных заведениях образование.

¹ Ершов Б.А., Дробышев А.В. Вклад Русской Православной Церкви в победу над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2015. - № 2-2 (52). - С. 73-75.

² ГАВО. Ф. И-325. Оп. 1. Д. 1. Л. 199.

Таким образом, в начале XIX века российское духовенство представляло собой многочисленный и неоднородный по своей структуре и материальному положению слой российского общества. Основную массу составляли рядовые приходские и военные священнослужители. По уровню жизни и бытовым условиям они мало чем отличались от своих прихожан, материальное обеспечение не всегда было достаточным. При этом правовое положение было достаточно высоко и гарантировалось законодательством.

Степень образованности священнослужителей и членов их семей была намного выше, чем в среде простого народа, где уровень грамотности оставался крайне низким. Духовное сословие постепенно становилось менее замкнутым. Дети священников все чаще могли выбирать иной в отличие от их родителей род деятельности, в то время как духовное сословие нередко пополнялось людьми из иных слоев общества.

Военные священнослужители имели более высокий статус по сравнению с епархиальными благодаря усилиям руководившего ими ведомства и осознанию властями важности той миссии, которую они выполняли в армии и на флоте.

В силу потребности в повышении образовательного ценза кандидатов на должности полковых священников и во избежание излишней переписки с епархиальными администрациями о направлении из епархий кандидатов на открывавшиеся в военном ведомстве вакансии, многие будущие военные священники получили возможность обучаться в особой, армейской, духовной семинарии, созданной в июне 1800 г. В распоряжении относительно ее формирования и функционирования, в частности, говорилось: «Его Императорское Величество Государь Император Сего Июня всевысочайше указать соизволил, чтобы дети Армейскаго и флотского духовенства обучающиеся в семинариях ни в какое другое заведение не

поступали, а только в Армию на священнические места; и чтобы все они обучались в одной Семинарии под моим присмотром»¹.

В трех классах армейской семинарии (богословском, историческом и философском) обучалось 25 воспитанников. При семинарии было создано училище с отделениями: высшим, нижним - грамматическим и русским, в которых состояло 84 ученика. Кроме риторики, философии, богословия и языков в семинарии преподавались география, история, математика. Несколько часов в неделю отводилось чтению воинского устава и артикулов, а также медицине. Что касается изучения иностранных языков, то если в обычных, епархиальных семинариях французский и немецкий полагались произвольными, в армейской они считались обязательными, поскольку предполагалось, что будущим полковым священникам предстоит при определенных обстоятельствах служить за границей².

Начиная с XIX века обер-священники являлись членами Св. Синода и получили право по вопросам кадровой политики сноситься с епархиальными архиереями без доклада Св. Синоду. Кроме того, обер-священник получил право личного доклада у Императора, в то время как архиереи могли сообщаться с Императором только через обер-прокурора Св. Синода и прибывали на аудиенцию в строго назначенное время³.

Обер-священник, имея сан священника, фактически в управлении подчиненным духовенством получил власть больше архиерейской, не говоря о том, что эта должность обладала, в силу своей уникальности, большим престижем. Обер-священник в стране был один, а архиереев насчитывалось несколько десятков (по числу епархий плюс викарии). Полномочия обер-

¹ Цит. по: Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. - СПб., 2005. - С. 28.

² Чимаров С.Ю. Попечительская деятельность обер-священника армии и флота И.С. Державина (1807-1826) по совершенствованию системы подготовки военного и морского духовенства Российской империи // Управленческое консультирование. - 2013. - № 3. - С. 108.

³ Ф. 802. Учебный комитет при Синоде. Оп. 9. 1887 г. Д. 9. Л.12.

священника распространялись на всю территорию Российской Империи, а архиерея - только на пространство подведомственной епархии.

В эпоху правления Александра I был издан ряд законодательных актов, окончательно завершивших процесс превращения духовенства в одно из привилегированных сословий Российской империи:

- в 1801 г. был вышел указ, отменивший телесные наказания для священнослужителей;

- в 1804 г. священники были освобождены от подушной подати и получили разрешение покупать не населенные имения; в 1819 г. священники дворянского происхождения получили право приобретать населенные имения;

- в 1821 г. священники освобождались от постоянной и земской повинности.

В этот период также отменили телесные наказания для жен священнослужителей, монахов, не имевших священнического сана. Кроме того, было улучшено положение лиц, вышедших из духовного звания и ставших налогообязанными. Императорским указом 1810 г. запрещалось превращение их в частновладельческих крепостных.

Указ 1820 г. предоставлял возможность освобожденным из крепостной зависимости право на свободный выбор занятий, в том числе на возвращение в духовное звание. Данное установление вошло в Свод законов 1832 г. Однако желающих воспользоваться этим правом было немного, поскольку по закону о сословиях переход в духовное звание означал отказ от чинов, полученных за время государственной службы, гражданской или военной. Получивший на службе личное дворянство утрачивал его¹.

В этот период церковные организации расширили свои возможности по приобретению земельных участков. Указ 1805 г. позволил им приобретать ненаселенные земли при наличии особого разрешения. С 1819 г. такую

¹ Борисова А.В., Велитченко Н.С. Смирнова О.Б. Государство, церковь, общество в России XVIII-XIX вв. – Ярославль, 2002. – С.17-18.

возможность получили монастыри и церкви. Все это привело к тому, что со временем церковные учреждения снова вошли в число крупных землевладельцев. К тому же по указам 1808, 1811, 1821 гг. церковное землевладение получило ряд налоговых привилегий и освобождалось от военного постоя¹.

Св. Синод, ссылаясь на каноны, делал попытки получить больший контроль над военным духовенством и вернуть управление им в прежнее состояние. Ему удалось отстоять часть утерянных полномочий, в частности, в 1819 году была закрыта армейская семинария. Структура ведомства обер-священника армии и флота постепенно стало дробиться. В 1815 году было образовано отдельное управление обер-священника Главного штаба и войск гвардии (позднее, включившее в себя и гренадерские полки), вскоре в вопросах управления ставшее фактически независимым от Св. Синода.

Важным законодательным актом Николая I по «ведомству православного исповедания» было «разъяснительное определение» 19 февраля 1826 г., указывавшее, что все жалобы мирян относительно финансовых злоупотреблений священников подлежали разбору не гражданскими, а церковными властями. Это был жест императора в пользу приходского духовенства.

Результатом кодификации законодательства стало появление ясного перечня прав и обязанностей духовенства. Свод законов 1832 г. содержал изложение правового положения белого духовенства, епископов и монашества внутри государства. В него вошли также положения о церковной земле, о компетенции светских судов по отношению к духовенству.

Свод законов 1832 г. предоставлял белому духовенству следующие основные права:

- 1) освобождение от подушного налога;
- 2) освобождение от службы в армии;

¹ Борисова А.В., Величенко Н.С. Смирнова О.Б. Государство, церковь, общество в России XVIII-XIX вв. – Ярославль, 2002. – С.17-18.

- 3) освобождение от телесных наказаний;
- 4) право приобретения земельных участков в городах и деревнях;
- 5) право приобретения заселенных земель при условии принадлежности к дворянскому сословию;
- 6) освобождение от военных постоев.

При Николае I произошли важные изменения в области церковного управления, связанные с наведением порядка в руководстве епархиями. В 1841 г. вступил в силу Устав духовных консисторий, окончательно разграничивший сферы компетенций духовных и светских судов при различных видах правонарушений.

В этот период увеличились имущественные права церкви. В 1835 г. монастырям было позволено приобретать земельные участки в размере от 100 до 150 десятин, расширились их права на рыбную ловлю.

Значительные перемены также произошли в области духовного образования. В 1836 г. были увеличены дотации на содержание духовно-учебных заведений. В 1838 г. была проведена новая реформа духовного образования. В число изучаемых предметов вводились новые курсы наук – библейская история, историческое учение об отцах церкви, усилено изучение русской церковной истории. С 1840 г. было расширено практическое обучение. В учебных программах академий появились такие науки, как логика, психология, педагогика, физика, математика. В период правления Николая I были учреждены первые женские духовные училища¹.

Произошли изменения и в системе военного духовного ведомства. Указом Св. Синода от 6 февраля 1853 года обер-священник в отношении управления подчиненным духовенством был поставлен наравне с епархиальными архиереями. По духовным делам главный священник был подотчетен Св. Синоду, по всем другим вопросам – военной и морской

¹ Борисова А.В., Величенко Н.С. Смирнова О.Б. Государство, церковь, общество в России XVIII-XIX вв. – Ярославль, 2002. – С.17-18.

администрации. Двойное подчинение давало возможность проводить собственную линию политики и отстаивать интересы своего ведомства.

Обер-священник Главного штаба, гвардии и гренадер назначался лично Императором, в гвардейские полки все священники назначались с Высочайшего соизволения. Обер-священники Гвардейского и Гренадерского корпусов Н.В. Музовский и В.Б. Бажанов в 1835-1883 годах возглавляли также придворное духовенство и являлись духовниками императоров.

С 1840 года учреждалась должность обер-священника отдельного Кавказского корпуса (позднее Кавказской армии), назначавшегося также по выбору монарха. В середине XIX века обер-священник армии и флотов В.И. Кутневич и обер-священник гвардии и гренадер В.Б. Бажанов, подобно митрополитам, получили статус постоянных членов Св. Синода. В 1853 году ведомство обер-священника армии и флота сумело вернуть часть полномочий, утраченных после смерти Императора Павла I. Обер-священникам было предоставлено право, минуя Св. Синод, определять, увольнять, перемещать по службе священно- и церковнослужителей; давать разрешения на выдачу метрических свидетельств из церковных документов Военного ведомства, инициировать расследования по проступкам духовенства и налагать взыскания¹.

В эпоху правления Александра II произошли серьезные изменения, которые коснулись духовенства и шли в русле буржуазных преобразований 1860 – 1870-х гг. При этом большинство изменений произошло по инициативе государства. В частности, был разработан ряд мероприятий, направленных на преодоление замкнутости и корпоративности духовного сословия. Предполагалось в перспективе повысить качественный уровень духовенства².

Главной мерой для достижения указанной цели было нарушение принципа наследственности «духовного состояния». В 1863 г. студентам

¹ Капков К.Н. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX - начала XX веков. Справочные материалы. – М.: Летопись, 2008. – С. 30-31.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 226. Л. 3.

духовных семинарий разрешили поступать в университеты. В 1864 г. дети духовных особ получили возможность поступать в гимназии, а в 1866 г. - и в военные училища. Одновременно в 1867 г. было принято решение о том, что правом поступления в семинарии пользуются все без исключения люди православного вероисповедания. Таким образом, были ликвидированы сословные ограничения при формировании кадрового состава приходского духовенства¹.

К этому стоит добавить, что с 1867 г. была формально упразднена наследственность приходов. Синод, со своей стороны, приступил к пересмотру системы подготовки священников.

В 1867 г. император утвердил новые штаты и уставы духовных училищ и семинарий, а в 1869 г. – духовных академий. В соответствии с принятыми постановлениям, духовно-учебное управление Синода, которое возглавлялось обычно светским чиновником, упразднялось. Вместо него учреждался учебный комитет во главе с духовным лицом, задачей которого была разработка содержания и методики обучения. Административно учебные заведения подчинялись епархиальному начальству. Ректор семинарии согласно новым уставам не назначался, а избирался; в академиях создавались совет, управлявший учебным процессом, и правление, прерогативой которого были хозяйственные вопросы; в семинариях и духовных училищах создавалось правление, обладавшее правом избирать преподавателей².

Вместе с тем значительно улучшилось материальное положение духовных учебных заведений, которое до этого было недостаточным. Даже училища, официально находившиеся на содержании епархии, получили возможность в случае необходимости выплачивать жалованье преподавателям за счет казны³.

1 Ф. 203 Фонд Московской Духовной Консistorии Оп. 409. Д. 4. Оп. 474. Д. 15. Л. 5-9.

2 РГИА. Ф.806. Оп. 1. Д. 2661. Л. 4.

³ Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. – М., 2003. – С. 191-192.

В годы правления Александра III были пересмотрены многие решения относительно церковной политики. В 1884 – 1885 гг. восстановили все 2 тыс. приходов, упраздненных в 1869 г. В 1883 г. был утвержден новый устав духовных консисторий, который усиливал их административно-карательные права. В 1890 г. Синод разработал, а император утвердил инструкцию церковным старостам, которая значительно увеличивала их роль в приходе и ориентировала на выбор старост из зажиточной части сельского населения¹.

Характерной особенностью жизни церкви в 1880 – 1890-х гг. было значительное увеличение количества церковных печатных изданий и рост числа разнообразных церковных обществ. Начавшие выходить в 1860-х гг. в отдельных губерниях «Епархиальные ведомости» к 1880-м гг. стали повсеместно органом епархий. При этом отличительной чертой возникавших в 1880-х гг. новых изданий являлось их стремление отойти от роли сухого официального информатора о фактах церковной жизни и «войти в каждый дом» в качестве проповедника. Подобную цель ставили перед собой возникший в начале 1880-х гг. московский еженедельник «Воскресный день», предназначенный «для чтения в православной семье», а также такие журналы, как «Пастырский собеседник» и «Кормчий». С 1888 г. начал выходить официальный еженедельник Синода «Церковные ведомости»².

В то же время следует отметить, что Св. Синод обладал властью, значительно отличавшейся от светских органов государственного управления. Он олицетворял собой власть Патриарха и Церковного Собора³.

Контроль над деятельностью Синода осуществлял обер-прокурор, являвшийся светским чиновником, назначавшимся самим императором. По сути, он являлся посредником между монархом и членами Синода, «оком царевым и стряпчим дел государственных»⁴. Как правило, обер-прокурор

¹ Ф. 3431. Оп. 1. Д. 577. Л. 10.

² Борисова А.В., Велитченко Н.С. Смирнова О.Б. Государство, церковь, общество в России XVIII-XIX вв. – Ярославль, 2002. – С. 27-29.

³ Иванов И.А. Деятельность Св. Синода в эпоху Екатерины II // Вестник ПСТГУ. – 2004. - № 3. – С. 160.

⁴ ПСЗРИ: Собрание 1-е. С 1649 г. по 12 декабря 1825 г. – СПб, 1830. Т. 6. - № 4036.

представлял позицию императора, но мог действовать и по собственной инициативе¹.

С юридической точки зрения отношения государства и церкви регулировались частным, публичным и церковным (каноническим) правом как особой отраслью права. Для государственных законов и норм церковного права была характерна высокая степень взаимосвязи и взаимовлияния. При этом следует отметить, что церковное законодательство с историко-правовой точки зрения в определенной мере оказало влияние на формирование норм государственной правовой системы.

Источником законодательной деятельности Св. Синода являлась государственная власть: одной из самых распространенных форм были императорские указы, а также распоряжения Св. Синода, изданные «по указу Его Императорского Величества». В Собрании Законов Российской империи они накапливались в виде указов, уставов или законов. Подобным образом возникли Уставы духовных учебных заведений 1809-1814 гг., Уставы духовных консисторий 1841 и 1883 гг., 1867-1869, 1884 гг., закон о содержании духовенства, закон о правах белого духовенства и духовенства военного флота, и другие².

По отношению к местному церковному управлению Правительственный Синод имел следующие полномочия: назначать и смещать настоятелей и настоятельниц монастырей; назначать и увольнять членов и секретарей духовных консисторий и заведующих учебными заведениями; лишать сана священников и монахов; возводить в архимандриты, игумены и протоиереи; награждать скуфьей, камилавкой, наперсным крестом; набедренником и митрой. В сферу деятельности Святейшего Синода входили также такие вопросы, как основание и строительство новых монастырей, воздвижение новых церквей и часовен.

1 Ф. 797 Оп. 131. Д. 2 027. Оп. 138. Д. 1 675. Оп. 139. Д. 282,623. Л. 5-48.

² Семашко А.Г. Секулярная русская православная церковь (историко-правовой аспект). – М.: Изд-во МГСУ, 2008. – С. 66-67.

На Св. Синод был возложен контроль за следующими областями жизнедеятельности РПЦ и общества: вопросы веры и нравственности; борьба с раскольническими движениями, еретическими учениями и сектами; контроль богослужебной практики; упорядочение богослужений и составление новых служб; почитание мощей; рассмотрение кандидатур на канонизацию; издание богослужебных книг и цензура богословской литературы. В компетенции Св. Синода находилось управление движимым и недвижимым церковным имуществом.

Канцелярия обер-прокурора, являвшаяся административным ядром, при обер-прокуроре графе Н.А. Протасове (1836-1855) была значительно расширена и до самого окончания синодального периода осуществляла контроль за всеми сферами деятельности данного института.

Помимо названных функций Правительственный Синод также, согласно «Духовному регламенту», обладал полномочиями высшей духовной судебной инстанции. К его юрисдикции относились дела, связанные с заключением и расторжением брака, преданием анафеме и отлучением от Церкви или возвращением в нее. Синод рассматривал следующие дела: 1) подозрение в незаконности заключенных браков; 2) расторжение брака с определением виновной стороны; 3) богохульство, раскол, ересь, колдовство; 4) проверка степени родства перед вступлением в брак; 5) принудительные браки несовершеннолетних по воле родителей; 6) насильственные браки крепостных крестьян по указанию помещиков; 7) принуждение к принятию монашеского сана; 8) неисполнение христианских обязанностей; 9) нарушение норм церковного благочестия и приличий; 10) отпадение от православной веры и возвращение к православию¹.

¹ Семашко А.Г. Секулярная русская православная церковь (историко-правовой аспект). – М.: Изд-во МГСУ, 2008. – С. 67-68.

В 1890 году была проведена новая реорганизация управления военным духовенством. Высшее управление вновь сосредоточилось в лице одного человека, названного протопресвитером военного и морского духовенства¹.

До 1890 года титул протопресвитера давался главным священникам армии, и Канцелярия управляющего придворным духовенством обер-священника гвардии и гренадер подчинялась Министерству Императорского двора и была практически независима от Св. Синода. Действительно, для военных и государственных нужд сложившееся управление военным духовенством, поставленное в зависимость от Военного министерства, являлось более удобным, чем децентрализованное и разбитое по епархиям управление, не согласованное с нуждами военного командования².

По закону протопресвитер военного и морского духовенства, как и епархиальные архиереи, получал назначение от Св. Синода, после чего утверждался в должности Императором. На практике решающее значение при выборе протопресвитера имело мнение главнокомандующего Петербургским военным округом, обычно великого князя, который просил военного министра ходатайствовать перед Св. Синодом об определении на должность протопресвитера священника, чья кандидатура уже была предварительно согласована с Императором³.

На основании изложенного материала можно сделать вывод, что в XIX веке упрочилась роль Церкви в системе государственных институтов и в целом в общественно-политической жизни страны. Степень привилегированности сословия священнослужителей, основы которой были заложены в более ранние периоды, еще более увеличилась. Церковные организации являлись в определенной степени автономными, свидетельством чему было действие канонического права наряду со светским, определенная экономическая самостоятельность. В то же время усилилась вовлеченность

¹ ГАРФ Ф. 1466, Оп. 1, Д. 15. Л. 18.

² Ф. 1574 Фонд обер-прокурора Святейшего Синода К.П.Победоносцева, оп. 1,2.

³ Капков К.Н. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX - начала XX веков. Справочные материалы. – М.: Летопись, 2008. – С. 32-33.

Церкви в систему общегосударственных органов, и, соответственно, ее зависимость от политики светских властей.

Важным этапом в развитии отношений между Церковью и армией стал происходивший на протяжении XIX в. процесс формирования института военного духовенства, логическим завершением которого можно считать принятие в 1890 г. «Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств». Необходимость в унификации деятельности военных священнослужителей и четкой регламентации их деятельности была вызвана, по нашему мнению, возрастающей ролью Церкви в системе вооруженных сил, а также реформированием армии, что привело к повышению роли рядового состава, и, соответственно, более серьезному подходу к вопросам духовно-нравственного воспитания солдат.

В результате произошедших в XIX веке изменений в статусе военных священнослужителей четко сформировалась система их полномочий и обязанностей в военных частях.

1.2. Социальный состав священнослужителей в XIX в.

При изучении роли священнослужителей в ходе военных действий нам кажется целесообразным рассмотреть их социальный состав и роль в обществе и государстве.

В XIX веке духовенство в широких слоях населения считалось пастырями и учителями, ведущими всех «мирян» к спасению, в царство Божье. Подобная вера в свое высокое предназначение должна была являться «краеугольным камнем» менталитета лиц духовного звания. Только священник официально мог совершать отпущение грехов и иные таинства над всеми прихожанами, которые были перед ним равны, независимо от их сословия и материального положения, в церкви или в момент культовых обрядов¹.

Духовенство подразделялось на две основных группы: черное и белое. «Черное» духовенство в XIX веке находилось в привилегированном положении, поскольку в силу соблюдения celibата (обета безбрачия), ему были доступны высшие церковные звания. К черному духовенству относились монахи, полностью посвятившие свою жизнь служению Богу и проживавшие в монастырях. Оно насчитывало пять категорий. К высшим санам относились митрополит и архиепископ, к ним следовало обращаться «Ваше Высокопреосвященство», следующим по значимости был епископ, к нему обращались «Ваше Преосвященство»; им принадлежал общий титул – «Владыко». К менее значимым категориям черного духовенства относились архимандрит и игумен, который возглавлял монастырь, к ним обращались «Ваше Высокопреподобие».

¹ Бычков С.С. Русская Церковь и императорская власть. - М., 1998. – С. 71-80.

Священники, жившие «в миру», имевшие семью и детей, относились к белому духовенству, которое также было разделено на пять санов: протопресвитер, протоиерей, иерей, протодиакон и диакон.

Помимо термина «священнослужители», в литературе можно встретить и понятие «церковнослужители». К церковнослужителям относились причетники, псаломщики. Их задачей была помощь священнику во время исполнения таинств богослужения. Их не рукополагали в сан. Чтобы перейти в разряд священнослужителей и получить иерархическое звание в Церкви, церковнослужителям следовало пройти особый акт: рукоположение (или «хиротонию») от епископа. Рукоположение в сан означало получение ряда привилегий: личная неприкосновенность, ограждаемая более строгими наказаниями, как каноническими (церковными), так и уголовными, привилегированная степень подсудности (подсудность лиц духовного звания только церковным властям по любому гражданскому или уголовному делу), свобода от личных и некоторых имущественных повинностей¹.

Таким образом, духовенство являлось привилегированным сословием, высокий социальный статус которого подтверждался законодательством Российской империи².

Социальное происхождение играло большую роль в характеристике духовенства. В XIX веке, вплоть до 70-х гг., в силу высокой степени профессиональной корпоративности, попасть в число белого духовенства было весьма сложно. Корпоративную замкнутость поддерживали сами священнослужители. В 1814, 1836 и в 1852 гг. среди белого духовенства не было представителей других сословий. Священнослужителями становились дети священников или диаконов, а дети причетников пополняли низший причт. В XIX веке, вплоть до 1890-х гг., в клировых ведомостях в графе «происхождение» необходимо было указать, кем служил отец.

¹ Ершов Б.А. Социально-психологическая характеристика священнослужителей губерний Центрального Черноземья в XIX - начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2011. - № 8 (14) . Ч. 1. - С. 91-92.

² Верховский П.В. Очерки по Истории Русской Церкви в XVII–XIX вв. – Варшава, 1912. – С. 123-140.

С 40-х гг. XIX века белое и черное духовенство значительно расширило и усилило культурно-просветительскую деятельность. Русская Православная Церковь в лице приходского духовенства занималась благотворительностью, проводило историко-краеведческие исследования, оказывало помощь населению в борьбе с пожарами и болезнями, открывало приходские школы и проводило в них занятия. Начавшиеся в стране преобразования священнослужители стремились использовать для усиления нравственного влияния на мирян. Реформы, менявшие облик государства и общества, требовали от духовенства более активного участия общественной жизни. В целом черное и белое духовенство было в достаточной мере способно выполнять возложенные на него обязанности.

Высокая значимость священнослужителей во всех сферах жизни государства и общества обеспечивалась кроме всего прочего и их большим количеством как в крупных городах, так и в сельской местности. Например, в середине XIX века в Воронежской губернии насчитывалось 313 деревянных церквей и соборов, 480 каменных, 8 деревянных часовен и 9 монастырей, количество духовных лиц составляло 19 328 человек¹.

Посвящение в сан налагало серьезные обязанности и ограничения. Священникам следовало дистанцироваться от мирских интересов и суеты. После того как священник посвящал свою жизнь служению Богу, он лишался права заводить семью. Вопрос о будущем устройении своей жизни следовало решить до окончания духовной школы, поэтому многие, не решившие свою судьбу, откладывали свое посвящение².

В XIX в. в духовное сословие начали привлекаться лица, только несущие службу в Церкви. В ряды духовенства могли вступать и представители других сословий в том случае, если не хватало лиц духовного звания на замещение тех или иных должностей. Для этого требовалось

¹ Фурсов В.Н. Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60-е – 70-е гг. XIX века (социально-психологические аспекты). - Воронеж, 1984. – С. 62.

² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1, д. 2862. Л. 16.

наличие увольнительного свидетельства от крестьянского или городского общества.

Духовенство, награжденное орденами, приобрело дворянские права: белое духовенство получило наследственное дворянство, а черное имело возможность передачи имущества по наследству вместе с орденом. С 1825 по 1890 гг. дворянские права получили около 10 тысяч представителей белого и черного духовенства. Правительство создавало различные запретительные меры по отношению к расширению духовенства и притоку в него сторонних лиц, но жестко требовало, чтобы те, кто избрал для себя духовное звание, оставались в нем до конца. Священниками как правило становились дети белого духовенства, черное духовенство пополнялось из них же. На государственном законодательном уровне духовенство признавалось привилегированным сословием, по своему статусу оно по многим показателям приравнивалось к дворянству¹.

К началу эпохи реформ духовное сословие, а более всего - сельское, было обособлено от других слоев общества. Если, например, дворянином можно было стать по выслуге на государственной службе или заслужив один из российских орденов, то перейти из мирян в духовенство было очень сложно. Чтобы оказаться в духовном сословии, человек должен был получить согласие многих инстанций и выдержать испытание на знание порядка богослужения, совершения таинств, церковного пения, чтения молитв и т. п. Иными словами, если кандидат претендовал на место в причте, он должен был получить специальное образование. Но по закону 1808 г. в духовных учебных заведениях, помимо сыновей духовенства, свободно могли обучаться только дети дворян. Однако в дворянской среде переход в духовное сословие, а тем более - в приходское духовенство, был не популярен. В XIX в. имели место случаи пострижения дворян в монашество, но в приходское духовенство - не вступил ни один.

¹ Ершов Б.А. Социально-психологическая характеристика священнослужителей губерний Центрального Черноземья в XIX - начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2011. - № 8 (14) . Ч. 1. - С. 93.

Социальная замкнутость влияла на стиль поведения представителей духовного сословия и характер взаимоотношений с властями и общественной социальной сферой. Сельский священник должен был соответствовать представлениям крестьян об общинных трудовых отношениях, то есть обязательно работать в поле и огороде. Поэтому сельское духовенство повсеместно вело такое же хозяйство, как и прихожане.

С 1842 г. правительство начало выплачивать из казны жалованье, но, во-первых, оно было невелико и даже не рассчитано на сколько-нибудь прочное обеспечение причта; а во-вторых, из-за недостатка средств эта мера распространялась лишь на половину храмов¹.

Духовенство играло также важную роль в образовании населения, уровень грамотности которого был в тот период крайне низок. Ярким свидетельством является прошение священника Дмитриевской церкви села Богоявленского Землянского уезда Воронежской губернии Антония Алферова об открытии церковно-приходской школы. Клирик указывал причину, по которой следовало обратить самое пристальное внимание на развитие народного образования: «Детей школьного возраста обоего пола до 150 душ. На всю деревню один безграмотный писарь: в религиозном отношении школа тем более необходима: не только малый, но и старый не может прочитать правильно и с пониманием хотя бы краткой молитвы, а о дальнейшем и говорить нечего, что уже много проверено на практике»².

В некоторых районах дело обстояло значительно лучше. Так, в Спасском уезде Тамбовской епархии в 1861 г. начались занятия в «с. Покровские Селища– в церковной караулке для 19 мальчиков; в с. Новые Выселки– в общественном доме для 61 мальчика; в с. Дубасово – в доме священника для 8 мальчиков; в с. Кошелевка для 3-х мальчиков и 2-х

¹ Слепнев В. Сельское приходское духовенство в России в середине XIX в. [Электронный ресурс] // URL: https://sfi.ru/Resources/Persistent/ed79022bc6f88c0c992f99f1976f86ce3289e7c6/Vyp.2_V.Slepnev.pdf (дата обращения: 07.09.2017).

² ГАВО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 4. Л. 216.

девочек. Обучением священники занимались с помощью причта, которое решено продолжить до начала полевых работ¹.

Сеть церковно-приходских школ расширялась с ростом числа православных церквей. В середине XIX века она более чем в два раза превосходила количество школ, подведомственных министерству народного просвещения. На начальном этапе продолжительность курса обучения письму, чтению, арифметике зависела от уровня способностей учащихся. Впоследствии курс обучения стал одноклассным, затем – двухклассным. Ежегодно воспитанники школ принимали участие в празднике письменности, посвященном просветителям и основателям славянской письменности равноапостольным Кириллу и Мефодию. Проведение данных праздников сопровождалось выступлениями школьных детских хоров и проповедями о необходимости распространения грамотности.

Проблемы духовного образования решались в рамках программ Тамбовских духовного училища и Духовной семинарии².

Правление Тамбовской духовной консистории курировало вопросы образования детей духовенства не только мужского, но и женского пола, то есть заботилось об образовании всего сословия в целом.

В апреле 1849 г. епископом Тамбовским и Шацким Преосвещеннейшим Николаем был подписан указ «об образовании детей не только мужского, но и женского пола, не только высших сословий, но и крестьянства для будущего брака и будущих детей»³.

Цель обучения девушек духовного сословия состояла в воспитании детей этого же сословия, а, следовательно, это способствовало общей образованности.

В Тамбовских губернских ведомостях за 4 января 1864 г. в неофициальном отделе было опубликовано сообщение о «радостном

¹ ГАТО. Тамбовские епархиальные ведомости. 1861. 23 июля. Л. 28.

² Кученкова В. Святыни Тамбовской епархии. - М., 1993. – С. 14.

³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1161. Л.3.

событии»: 22 декабря 1863 г. в Тамбове открыто училище для девиц духовного звания¹.

Нравственный, моральный и умственный уровень белого духовенства в сильной степени зависел от совокупности тех условий, в которых возникло и развивалось духовное сословие. Также следует учитывать, что особенности правового положения и материальной обеспеченности представителей белого духовенства существенным образом влияли на их положение в обществе, и прежде всего - на взаимоотношения с прихожанами. Пастырское служение означает тесное общение священника с паствой. Но организация духовного сословия носила закрытый характер и тем самым отделяло священнослужителей от верующих, что было значительной помехой. Городское духовенство имело дело с относительно обеспеченными жителями, в то время как более многочисленное сельское духовенство окормляло крестьян, уровень жизни которых в различных частях огромной страны был весьма неодинаковым, с преобладанием бедного населения. Недостаточная материальная обеспеченность духовенства негативно сказывалась на положении сельских священнослужителей, поскольку ставила их в зависимое положение от крестьян, что препятствовало свободе пастырского служения, которое как раз среди сельского населения требовало особых усилий.

Развитие крепостного права во многом изменило положение сельского духовенства. Результатом эволюции данного института в период правления Николая I стала такая ситуация, когда помещик оказался не только фактически, но и юридически собственником населявших его землю крестьян. В течение полутора столетий сельские священники являлись не просто свидетелем этого процесса, но были им непосредственно затронуты на всех его стадиях. Они оказались в зависимости от дворянина-помещика, которая, хотя и не фиксировалась на законодательном уровне, практически была весьма заметна и постоянно усиливалась. Помещик обладал

¹ ГАТО. Тамбовские губернские ведомости. 1864. № 1. Л. 3.

достаточной властью, чтобы по своему усмотрению определять отношения между крестьянами и духовенством. Экономически священник полностью от него зависел, ведь именно помещик решал, какую землю выделить духовному пастырю его крепостных крестьян. Правительство признавало данную проблему и принимало меры для ограждения сельских священников от излишнего влияния помещиков¹.

Уровень грамотности и общего образования духовенства был по тем временам высоким. По данным показателям духовенство не уступало дворянству, поскольку каждое духовное лицо, как и каждый чиновник или офицер, находившиеся на государственной службе, были грамотными. В 1853 г. средний уровень грамотности среди дворян старше 9 лет составлял 77%, а среди священнослужителей - 72%, в 1897 г. - соответственно 86 и 89%. В то же время по уровню образования представители духовного сословия превосходили дворян, так как значительное число священнослужителей получало среднее или высшее профессиональное образование в духовных семинариях и академиях: в 1835 г. специальное образование имели 43% священников, в 1904 г. - 64%. Общие данные об уровне образования дворянского и духовного сословий удалось выявить только по состоянию на 1897 г.: среди дворян лиц, учившихся в высших и средних учебных заведениях, насчитывалось 33.5%, а среди священнослужителей - 58.5%. Принимая во внимание тот факт, что уровень образования лиц духовного звания в 1850 и 1890 гг. был примерно одинаков, можно с большой степенью вероятности предположить, что и в середине XIX в. духовенство превосходило дворянство по уровню образования. Это можно подтвердить следующими данными: в 1850-е гг. среди представителей высшей российской бюрократии (члены Государственного совета, сенаторы, губернаторы и т. п.) насчитывалось 61% людей со средним и высшим образованием, а среди лиц духовного сословия - 83%. Высший слой белого

¹ Смолич И.К. История русской церкви (1700-1917). – Валаам: Издательство Спасо-Преображенского монастыря, 1997. – С. 225.

духовенства приближался по своим юридическим правам к личному дворянству. Но в отношении дохода от службы они в значительной мере различались¹.

На гражданской службе чиновники, имевшие чины IX - XIV классов, дававшие право на личное дворянство, в конце XVIII в. получали ежегодное жалованье от 100 до 400 р.; военнослужащие, имевшие первый офицерский чин, - 200 р., а средний годовой доход городских священников составлял от 30 до 80 р., в сельской местности - от 25 до 40 р. Годовой доход низшей страты духовенства - церковнослужителей – был в пределах всего 10-20 р. Таким образом, между доходами равных по социальному статусу людей наблюдалось явное несоответствие, масштаб которого выглядит еще значительнее, если учесть превосходство духовенства в отношении образования². Причем, если чиновники и офицеры были обеспечены гарантированным жалованьем от государства и пенсией после службы, то большинство священнослужителей имели свой основной доход непосредственно от паствы за исполнение обрядов - венчания, отпевания и т. п. Этот доход сложно назвать гарантированным, и он был связан с большими унижениями для духовенства. К 1860-м гг. разница между доходами священников и чиновников и офицеров младших рангов более или менее выровнилась, но способы получения духовенством своего заработка не изменились. Поэтому главное требование священнослужителей к моменту начала церковных реформ в 1860-е гг. состояло в том, чтобы получать фиксированное жалованье.

Таким образом, в течение первой половины XIX в. белое духовенство по уровню образования превосходило правящую элиту России, а по уровню дохода уступало даже младшим чиновникам и офицерам в 1.5 - 2 раза.

В синодальный период внутри духовенства сформировались три особые группы: придворное, зарубежное и военно-морское. В отношении

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: В 2 т. - СПб., 2003. – С. 102-103.

² Там же. – С. 104.

материального обеспечения, управления и статуса в обществе каждая из этих групп белого духовенства занимала в Русской Церкви отдельное место.

Придворное духовенство существовало со времен Московской Руси. Возглавлял его обычно царский духовник, осуществлявший надзор над храмами и духовенством дворца. В большинстве случаев он обладал большим влиянием. Несколько московских соборов, например, Благовещенский, имели статус дворцовых храмов, и их духовенство причислялось к придворному. С увеличением размеров императорских семей в XVIII и XIX вв. росло и число дворцов, при которых непременно имелись домашние церкви. Духовный наставник царя, которому были подчинены эти церкви с их прихожанами, именовался протопресвитером придворного духовенства и по рангу следовал сразу за епископами. На содержание придворных церквей и духовенства выделялись средства из дворцовой казны. Царские духовники обладали определенной независимостью от Святейшего Синода и зачастую могли даже вмешиваться в его дела.

Зарубежное православное духовенство, представители которого служили при посольствах, дипломатических миссиях, некоторых консульствах и при дворах членов императорской семьи, проживавших за пределами Российской империи, относилось к ведомству Министерства иностранных дел, а в церковном отношении с 1867 г. было подчинено Петербургскому митрополиту.

Русское духовенство, действовавшее за границей, принесло большую пользу русскому богословию тем, что многое сделало для его ознакомления с другими конфессиями, о которых прежде в России имели весьма смутное представление. С 1-й половины XIX в. многие священнослужители после окончания духовных академий стремились получить должности за границей, чтобы иметь возможность изучать различные философские течения, главным образом в Германии. Они налаживали отношения с духовенством других исповеданий, знакомя их с основами православного вероучения, и в первую очередь с религиозными обрядами. Такие священники в значительной мере

способствовали тому, что господствовавшее на Западе почти полное неведение относительно основных понятий православия постепенно сменялось более точным представлением.

Положение и состояние военного духовенства имело ряд отличий, которые проявлялись не только в их подчинении особому военно-духовному ведомству, как уже отмечалось в предыдущем параграфе нашей работы. Низкий уровень материального обеспечения рядовых священнослужителей особенно негативно сказывался на представителях военного духовенства. Это было связано с тем, что последние, в отличие от городских и сельских священников, не могли получать никакого дополнительного дохода помимо официально назначенного жалованья и содержания. В то же время условия жизни полковых священнослужителей были гораздо тяжелее, поскольку им приходилось часто переезжать, следуя за своими частями, а в период военных действий их служение было сопряжено также с риском для жизни.

В связи с этим на службу в военные части помимо идейных преданных вере и церковному служению людей попадали и лица, не сумевшие по каким-либо причинам удержаться в городских и сельских приходах. В самом ведомстве главного священника и флота осознавали эту проблему, отмечая, что до 1860-х годов в полки часто прибывали «недостаточно подготовленные к пастырскому служению как по образованию, так и по своему духовно-нравственному уровню священнослужители»¹. Разумеется, подобные факты не способствовали повышению авторитета военных священников среди солдат и офицеров.

Во второй половине XIX века стала проводиться активная работа по повышению престижа должности военного священника, которая принесла свои плоды. Повышение уровня материального обеспечения увеличило количество желающих служить духовными пастырями в войсках. В 1894 г., согласно отчетам благочинных (эту должность исполнял один из четырех

¹ Вестник военного духовенства. - 1890. - № 1. - С. 9.

священников дивизии), практически все священники, диаконы и псаломщики духовного звания имели образование не ниже семинарии¹.

Таким образом, в XIX в. продолжали происходить значительные изменения в жизни и деятельности духовного сословия, равно как и в его статусе и уровне материального обеспечения.

Есть достаточные основания утверждать, что в данный период положение российских священнослужителей существенно улучшилось. Лица духовного звания упрочили свои позиции в качестве одного из привилегированных и влиятельных сословий. Общий уровень образованности среди священников был одним из наиболее высоких, однако по степени материальной обеспеченности они значительно уступали представителям дворянства, чиновникам среднего и высшего ранга, а также офицерскому корпусу. В годы существования крепостного права сельские священнослужители находились в сильной зависимости от помещиков, на землях которых располагались их приходы.

В сферу обязанностей местного духовенства входило не только исполнение религиозных обрядов. Провинциальные священнослужители также активно участвовали в распространении грамотности, пропаганде государственной политики, благотворительных мероприятиях.

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 3. Д. 7120. Л. 2-23.

1.3. Православные священники и духовно-нравственный облик солдат и офицеров

Основой воспитания и обучения личного состава русской армии на всех этапах ее развития являлось православие.

В XIX в. происходят значительные перемены в теоретическом осмыслении и практическом осуществлении данного рода деятельности.

Одним из крупнейших теоретиков воинского воспитания в России XIX в. являлся М.И. Драгомиров. (1830-1905) - генерал-адъютант, генерал от инфантерии, Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа; известный теоретик военного дела и крупный публицист. Он часто бывал в зарубежных командировках для изучения положения дел в иностранных армиях, их тактики, вооружений, а также воспитательной работы. Военно-литературное наследие Драгомирова состоит из многочисленных книг, оригинальных и переводных статей, учебника тактики (многократно переизданного), полевого устава, различных наставлений, очерков по истории некоторых войн второй половины XIX века, подробных комментариев к суворовской «Науке побеждать», основным военным идеям великого полководца.

В своих трудах Драгомиров отстаивает идею о приоритете духовно-нравственного начала в военном деле. По его мнению, основная причина побед и поражений, расцвета или упадка военного дела заключается в человеке, нравственном облике армии и ее начальников, в той или иной степени развития лучших сторон человеческой природы. В критические моменты войны, когда максимально напряжены все силы и средства, значение нравственной энергии выходит на первое место. Таким образом, утверждал Драгомиров, важнейшим военным элементом является человек, а важнейшим свойством человека - его нравственная энергия. Главный залог победы - надлежащее состояние духовно-нравственной подготовки войск.

Слабость характера, по мнению Драгомирова, несовместима с военным делом, где необходима высочайшая степень решимости и самопожертвования. Фридрих Великий, Наполеон, Суворов и другие великие полководцы побеждали не столько военными талантами и гениальностью, сколько своим духом и силой характера, доблестью, решимостью победить или погибнуть. Такая волевая установка позволяла совершать на поле боя казавшееся невозможным.

Драгомиров считал, что воспитание военных людей в первую очередь заключается в развитии и укреплении характера и воли на духовно-нравственных основах. Оно должно иметь приоритетный характер даже по отношению к образованию. При развитии нравственных и физических сил солдата необходимо действовать прежде всего «добротой, воспитанием», а не муштрой и наказанием. В любом случае, утверждал Драгомиров, соотношение между воспитанием и образованием не должно нарушаться в ущерб воспитанию, как это нередко происходило в российской армии XIX века. Успех образования солдата во многом зависит от того, как его сумели воспитать, т.е. в какой мере он проникнут сознанием долга и исполнительности.

При этом военный теоретик обращал внимание на то, что в жизни воспитание от образования не разделяются, а осуществляются совместно и современно; но ввиду сказанного, процесс должен быть организован так, чтобы в быту солдат, в их занятиях, качества, даваемые воспитанием, превалировали над теми качествами, которые дает образование. Цель воспитания, согласно Драгомирову, выражается кратко: необходимо, чтобы солдат был надежен, т.е. правдив и исполнял свои обязанности одинаково, как на глазах у начальников, так и вне их поля зрения¹.

Солдаты и офицеры российской армии призваны для государственной службы, они дают присягу жертвовать собой во имя государственных целей.

¹ Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. – М., 2000. – С. 16-18.

И солдат, и офицер должны быть одинаково ответственны перед законом, одинаково соблюдать правила воинской дисциплины и соответствовать понятиям о чести. Они принадлежат к единому воинскому товариществу, «которое не исключает требовательности, но предполагает ее» («прочная дисциплина – взаимное понятие и требуется как снизу вверх, так и сверху вниз»).

Солдат должен соответствовать следующим требованиям: 1) самоотверженная преданность Государю и Родине; 2) высокая степень дисциплинированности; 3) вера в нерушимость и неоспоримость приказа командира; 4) решительность, храбрость; 5) готовность стойко переносить труды, холод, голод и прочие солдатские тяготы; 6) чувство взаимной выручки. Необходимо: 1) воспитывать и обучать солдата в соответствии с общечеловеческими свойствами, в том числе и со стремлением разума расчленять предмет на составные части, задавать вопросы «почему?» и «зачем?»; 2) возбуждать у него внутреннее желание хорошо усвоить свое дело; 3) учить преимущественно примером, последовательно, не подрывая веры в свои силы, не унижая и не запугивая; 4) помнить, что солдат – человек, обладающий внутренним достоинством, правами и обязанностями; предъявляя к нему требования и добиваясь их неукоснительного исполнения, обращаться с ним гуманно, не надирать его сил, не изводить на бессмысленной работе.

От офицера как солдатского воспитателя и учителя требуется: 1) соблюдать те основы, на которых зиждется воспитание солдат; 2) выражать искреннюю преданность и любовь к военному делу; 3) помнить, что люди, которые переданы под его ответственность, не в состоянии применятся к нему, а он сам должен к ним примениться; 4) проявлять внимание к солдатским нуждам; 5) усвоить и выработать в себе правильное отношение к законам и приказаниям; 6) осознать то, что прежде и тверже всего следует внушить солдату обязанности и только после этого - обряды; 7) делить с солдатами тяготы службы; 8) уметь правильно вести себя с солдатами.

Офицер-начальник каждого ранга должен обладать следующими качествами: 1) общее знание теории современного военного дела и, в частности, подробное знание технического обеспечения, относящегося к тому роду войск, в котором он служит; 2) преданность Родине и Государю, дисциплинированность, вера в нерушимость приказаний, личная храбрость, готовность безропотно переносить все тяготы службы, чувство взаимовыручки; 3) умение ориентироваться в окружающей обстановке; 4) решимость в принятии на себя ответственности за свои действия и распоряжения в тех случаях, когда обстоятельства не позволяют получать распоряжения свыше; 5) частный почин; 6) умение представлять себе цель каждого действия; 7) осознание необходимости служить делу, а не лицам, общей, а не собственной пользе; 8) к любой проблеме относиться прямо и искренно. Учитывая общеобразовательные обязанности, офицер - не только воинский чин, но и общественный деятель; армия - не только вооруженная сила, но и школа воспитания народа, приготовление его к общественной жизни¹.

Как видим, в XIX в. была продолжена традиция, заложенная в период формирования регулярной армии, которая заключалась в большом внимании к духовно-нравственному воспитанию военнослужащих. Одну из главных ролей в данном процессе играла Церковь как важный духовный и в то же время государственный институт.

Первостепенной задачей военного духовенства являлось воспитание в русском солдате духовно-нравственных сил. Солдата следовало сделать человеком, проникнутым истинно христианским чувством, исполняющим свой долг не из-за угроз и страха наказания, а в силу глубокого убеждения в святости своего долга. Военное духовенство старалось вносить свой вклад в

¹ Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. – М., 2000. – С. 19-20.

воспитание в среде военнослужащих духовной основы веры, воинской дисциплины, мужества, терпения и самопожертвования¹.

В одной из инструкций военным священнослужителям, составленной первым обер-священником, отмечалось: «Первейшая задача военных пастырей, проповедуя Слово Божье перед военнослужащими, наставлять их в главных обязанностях воина: в благочестии, беспредельной верности Государю и Отечеству, повиновении начальству и усердию по службе...»².

В русской армии в XIX - начала XX века сложилась целостная, четкая, хорошо отлаженная система патриотического воспитания военнослужащих, охватывающая практически все вооруженные силы, в своей сущности адекватная их идее и предназначению. Накоплен богатый опыт работы военного духовенства в мирных условиях и в боевой обстановке. Определились место и роль полкового священника в этих условиях, что нашло свое отражение в указах, приказах, директивах, уставах, наставлениях, инструкциях и других нормативно-правовых актах как со стороны военного ведомства, так и со стороны Святейшего синода³.

Важнейшими направлениями деятельности военного духовенства были пастырская и религиозно-просветительская деятельность. Первая включала в себя богослужения в праздничные и воскресные дни; проповеди, исповеди, причащение Святых Христовых таинств; проведение венчаний, крещений, освящения новых полковых храмов, боевых знамен, церковных парадов, отпевание и т.д.; работа с благотворительными обществами и организациями, такими, как «Общество попечения о бедных военного духовенства», «Общество насущного хлеба», «Приходское братство при Сергиевом всей артиллерии соборе» и др.⁴; работа с церковным хором в полковой церкви;

¹ РГАДА. Ф. 1205. ОП. 1. «Дела о Училищах» 1865-1874; РГАДА Ф. 1205, ОП.1, ед. 102, Д. «Дела военной лечебницы», Л. 36-40.

² Цит. по: Москвина В.М. К вопросу об участии военного духовенства в культурно-досуговой работе в вооруженных силах России (вторая половина XIX начало XX века) // Научные исследования в образовании. – 2007. – Вып. 5. – С. 134.

³ Ф. 230, к. 4412, д. 3, л. 5. - К.П. Победоносцев

⁴ Вестник военного духовенства. - 1891. - № 1. – С. 1-2.

работа с больными и ранеными; духовные торжества; уход за военными кладбищами, проведение церемониальных траурных мероприятий¹.

Содержанием второй являлись выступления военного духовенства в средствах массовой информации; съезды военных священников, братские собрания; преподавание Закона Божия в полковых учебных командах, церковно-приходских школах, воскресных школах для нижних чинов (обучение грамоте); проведение бесед с личным составом подразделений (12 и более бесед в год); беседы с молодыми солдатами накануне принятия ими присяги; ведение индивидуальных бесед; вероучительные собеседования; организация исторических чтений; участие в работе «Общества любителей духовного просвещения» (с 1879 г.), «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения», «Общества трезвости»; руководство работой церковных библиотек при полковых храмах, иконно-книжных лавок и летучих библиотек; борьба с сектантством; участие в подготовке и проведении полковых праздников, юбилеев военно-учебных заведений².

В реальных условиях разделение деятельности военных священников имело условный характер. Видные представители Православной Церкви в войсках основное внимание уделяли военному служащему как человеку, отчетливо понимая, что он не безгрешен, часто испытывает страдания и лишения, но в то же время отличается мужеством, стойкостью и любовью к своему Отечеству. Именно развитие патриотических чувств было главным направлением работы полковых священников³.

Особенностью воспитания в армии и на флоте является то, что в него вовлечены взрослые люди со сложившимся мировоззрением, взглядами, личностными качествами. Взрослый человек воспринимается как более самостоятельная, самоуправляемая личность, критически мыслящая,

¹ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875. – С. 95.

² Вестник военного духовенства. - 1891. - №17. - С. 517-520.

³ РГАДА Ф. 1205, ОП.1, ед. 88, Л. 50.

способная принимать собственные решения, нести за них ответственность. Целью воспитания военнослужащих является формирование духовно развитого гражданина-патриота и военного профессионала. До революции значительную помощь командованию в формировании духовно-нравственной атмосферы в воинской среде оказывало военное духовенство¹.

Церковь и армия представляли собой единый механизм в системе государственных учреждений. Корпус военных священнослужителей достаточно органично влился в структуру российских вооруженных сил. Русская армия XIX в. была преимущественно православной не только по духу, но и по своему внешнему содержанию, поскольку православная атрибутика являлась неотъемлемой частью многих воинских ритуалов и военные священники принимали активное участие в повседневной жизни воинских формирований.

В полках и на военных кораблях того времени имелась походная церковь. Походная палатка олицетворяла собой церковь, со складным иконостасом, престолом, антиминсом и обязательной покровительницей полка - иконой. Полк получал название от наименования иконы. В полковом или гарнизонном храме хранились боевые знамена прославленных частей, оружие и доспехи выдающихся полководцев. Ордена того времени именовались в честь особо почитаемых на Руси святых: святого апостола Андрея Первозванного, святого равноапостольного князя Владимира, святого Александра Невского, святой Анны, святого Великомученика Георгия Победоносца.

Процедура принятия присяги для русского православного воина носила религиозный православный характер. Формированию идеологических установок военнослужащего того времени способствовало православное догматическое трактование проблем войны и армии. Война рассматривалась как религиозно-политическое явление, такое мировоззренческое восприятие

¹ Ф. 186. Ст.5. Л. 623. № 1338.

создавало идеологический фундамент военной политики России и обуславливало правомерность применения военной силы в справедливой войне по защите своего Отечества¹.

К военным священникам предъявлялись очень высокие требования, не каждый мог нести служение в русской армии. В ходе обучения в армейской семинарии в воспитанниках развивались те качества, которые имели наибольшее значение для военных пастырей. «Для успешного прохождения пастырской деятельности прежде всего требуется любовь и преданность своему делу и пастве, - писал «Вестник военного духовенства», - а для этого нужно сделать пастырское служение главным делом своей жизни, нужно воспитать в себе такое душевное настроение, при котором все трудности, выпадающие на долю пастыря, сделались бы «иглом благим и бременем удобным». Далее, необходимы – бдительность, настойчивость и постоянное самоусовершенствование пастыря, как одно из важных средств для приобретения и укрепления указанных качеств. При этом недостаточно одного только возобновления тех сведений, которые даются в учебных заведениях...не лишнем будет ознакомление и с светскими науками. ...Это необходимо, прежде всего, чтобы быть в состоянии разрешать различного рода недоумения, возникающие среди членов паствы и ... для сохранения пастырского авторитета, особенно среди образованного общества офицеров»².

Главным средством психологического воздействия, способного выполнять воспитательные функции по отношению к в большинстве своем безграмотным и необразованным солдатам, являлись религиозные богослужения. Одной из главных функций данных ритуалов было проповедование высокой роли военнослужащих и необходимости защиты государства. Проведение церковных богослужений в совокупности с повседневной индивидуальной работой священников рассматривались в

¹ Вестник военного духовенства. - 1891. - №17. - С. 517-520.

² К вопросу о прошлом и современном состоянии военного духовенства // Вестник военного духовенства. - 1890. - №1. - С. 43.

качестве одного из основных способов поддержания высокого морального духа военных кадров, нравственного состояния, воинской дисциплины и порядка в армии рассматриваемой эпохи. Религиозный потенциал церкви, реализуемый посредством молитв, проповедей и поучений, способствовал формированию положительного отношения к государственной идеологии и политике, сознательности и ответственности за исполнение воинского долга¹.

Воспитательная работа военных священников в первую очередь была направлена на формирование любви к Отечеству, воинской чести, верности воинскому и гражданскому долгу, храбрости, стойкости, доблести, мужества и взаимовыручки. Соответственно священнослужитель в армии и на флоте считался не только духовным наставником, но и воспитателем, в обязанности которого входила помощь командиру в деле нравственной подготовки военнослужащих к бою и в поддержании воинского духа в армейских частях и на кораблях.

Важную роль в поднятии воинского духа играли беседы, проводимые священниками, о необходимости которых указывалось в «Инструкции благочинным» от 1801 г., составленной обер-священником П.Я. Озерецковским. Согласно данному документу военным священнослужителям следовало «разъяснять воинам основные положения христианства и православия, что должно способствовать воспитанию сознательного отношения к выполнению воинского долга и формировать такие качества, как благочестие, верность Отечеству, усердие в службе»². В соответствии с данным предписанием военный пастырь должен был как можно чаще беседовать с воинами и всячески проявлять заботу о них.

Согласно существовавшим нормам, подобного рода беседа не должна была сводиться к беспредметному разговору. В связи с этим военному пастырю следовало соответствующим образом подготовиться: четко

¹ Куршев А.В. Зарождение и становление гражданского образования в российской армии дореволюционного периода // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. - №2/2. – С. 159.

² Залесский П. Грехи старой России и ее армии. // Философия войны / Под общ. ред. А.Б. Григорьева. - М., 1995. - С. 161.

определить основную цель, продумать последовательность изложения, изучить имеющуюся информацию по теме предстоящей беседы. Все рассматриваемые вопросы следовало излагать понятно и доходчиво. При проведении беседы священнослужители старались избегать навязчивости и поучительного тона. При соблюдении указанных условий беседы как правило оказывали положительное влияние на слушателей. Темами бесед в основном были различные аспекты православного вероисповедания, в частности пояснение Символа Веры, молитв, евангельских заповедей; нравственная сторона выступления священника сводилась к убеждениям подчиняться командирам, соблюдать честность и порядочность в каждом деле и т.д. В проведении бесед могли участвовать и офицеры. Повторение одной и той же темы в течение двух лет не разрешалось. В некоторых случаях священнослужитель проводил беседу по вопросу, интересующему в данное время команду, или посвящал ее какому-либо событию, важному в жизни части или корабля. В конце военнослужащие имели возможность лично обратиться с каким-либо вопросом к священнику¹.

Важную роль в создании условий духовно-нравственного воспитания играла литература религиозного плана и литература, показывающая отношения армии и церкви, таких авторов как Михайловский-Данилевский А.И., Бочаров И., Снегирев И., Мансветов Г.И., Державин И.О., Прокопович П., Глинка С., Штейнгель Б.В., Глинка Ф.Н., Бутовский И., Лажечников И. и др. Особым видом источника, способствующего воспитательной работе с верующими военнослужащими, является военная периодическая печать. С 1813 г. начала издаваться газета «Русский инвалид», а с 1847 г. журнал с периодичностью 6 раз в год «Чтение для солдат». Это было первое в России издание для солдат, где публиковались рассказы и беседы на религиозно-нравственные темы. Военно-церковная проблематика находила отражение на страницах печати в виде рассказов и бесед на религиозно-нравственные темы. К данному виду источников относятся и отдельные публикации

¹ Новиков В. Россия: армия и церковь // Национальные интересы. 2000. № 2 (7). С. 50-51.

назидательного характера, выходившие в форме периодических изданий или инструкций. Автором этих публикаций выступали как РПЦ, так и военное ведомство, и предназначались они, как правило, для нижних чинов. Их главной целью было духовное просвещение, распространение основ православия, формирование православных по духу норм поведения в армейской и флотской среде¹.

Особое внимание уделялось умению своевременно реагировать на изменения в политической жизни. В обязанности военного священника входило освещение военных событий с патриотической и религиозной точек зрения. В беседах с личным составом ему следовало заинтересовать слушателей, разъяснить им цели и смысл воинской службы.

Религиозное воспитание было одной из основных тем бесед. Как писал «Вестник военного духовенства» № 3 за 1898 г., «только истинный христианин способен стать истинно доблестным воином. Христианская Церковь, благословляя воина на защиту Веры, Монарха и Отечества, воодушевляет его одновременно на духовный подвиг самоотвержения, бескорыстия, милосердия к побежденному врагу, воодушевляет на службу Государю и Родине не за страх только или корысть, а за совесть, во имя Божией Правды, во спасение собственной души»².

Значительно изменялся характер службы военных священников в периоды военных действий. Во-первых, требовалась особая подготовка к работе в боевых условиях, во-вторых, - православным священникам необходимо было умение успешно сотрудничать с представителями различных религиозных конфессий. Г.И. Шавельский в брошюре «Служение священника на войне»³ приводит разъяснение значения деятельности военных пастырей в походных условиях. Военному священнику следовало поддерживать и питать в солдатах религиозное чувство для предотвращения

¹ Ивашко М.И. Русская православная церковь и Вооруженные силы (XVIII – начало XX вв.). Историографическое исследование. - М., 2004. – С. 41.

² Цит. по: Новиков В. Россия: армия и церковь // Национальные интересы. - 2000. - № 2 (7). - С. 49

³ Шавельский Г. Служение священника на войне // Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии / Сост.: А.Е. Савинкин и др. - М., 1997. - С. 297-324.

уныния и отчаяния, с одной стороны, и от возможного соблазна встать на путь насилия, разврата, грабежа и ожесточения, с другой. В сферу обязанностей военных пастырей входило также поддержание в воинах духа мужества, самоотверженного и честного выполнения своего долга, так как трусость одних и измена долгу других чреваты огромными жертвами, влекут за собой огромный вред для Отечества и народа¹.

Важную роль в духовном, нравственном и патриотическом воспитании военнослужащих нижних чинов играли библиотеки, которые начали организовывать с 1858 г. Циркуляром от 10 декабря 1859 г. за номером 1789 предписывалось всем военным священникам, «озаботиться устройством библиотек... приобретать для оных библиотек книги духовно-нравственного содержания на церковные суммы и выдавать таковыя книги нижним чинам для чтения»². Главный Штаб с 1879 г. начал практиковать ежегодные рассылки учебных пособий и книг для чтения, как духовно-нравственного содержания, так и связанных с вопросами военного образования³.

Исполнение обязанностей библиотекарей возлагалось, как правило, на священников, что способствовало установлению более тесных контактов между ними и военнослужащими. Обращаясь за книгой, солдат мог получить совет, что лучше почитать, или попросить ответить на возникший вопрос. Состав духовных библиотек был как правило довольно обширным. Здесь имелись Святое Писание Ветхого и Нового Завета, богослужебные книги, издания богословского характера, «Домострой», «Златоустрой», «Изборник», различные журналы, такие как «Чтение для солдат», «Вестник военного и морского духовенства», «Офицерская жизнь», «Страж», «Разведчик», газета «Русский инвалид», художественные рассказы на религиозные темы⁴.

¹ РГАДА Ф. 1205. ОП.1. Л.89, Л.75-81, Л. 21-25

² Цит. по: Котков В.М. «Военное духовенство нередко показывало примеры мужества... во время боевых действий»: О религиозно-нравственном воспитании войск гвардии и Петербургского военного округа. // Военно-исторический журнал. - 2000. - №4. - С. 68.

³ Ф.29 - Общая канцелярия Военного министерства. Опись 153 в. Д. 166. Л. 18.

⁴ Беляков А. Просветительская деятельность духовенства в Вооруженных силах дореволюционной России: автореф. дисс. на соиск. ст. кан. пед. наук. – Краснодар, 2017. – С. 16-17.

Процесс прощания с увольняемыми в запас также имел воспитательное значение. В обязанности священника входило произнесение напутственных слов воинам, покидавшим полк или корабль, разъяснение основных правил поведения в соответствии с нравственными христианскими заповедями. Увольнение в запас носило торжественный характер. Военнослужащие с утра приходили в церковь, чтобы в последний раз поклониться иконам, в положенное время выстраивались на плацу или на юте корабля. Церемония проводов начиналась с торжественного выноса полкового знамени, а на корабле со встречи с капитаном. По команде «на молитву» воины снимали головные уборы, и священник обращался с речью, в которой призывал вознести к Богу молитву-благодарение за благополучно оконченный срок службы и прошение о помощи свыше в дальнейшей жизни. По окончании молебна каждый прикладывался к святому кресту, целовал полковое знамя или Андреевский флаг. Затем с прощальным напутствием выступал командир полка или корабля, в котором благодарил увольняемых за службу¹.

Помимо упомянутых видов просветительской работы военные священники принимали активное участие в написании печатных публикаций, в проведении братских собраний, в антисектантской пропаганде, участвовали в написании истории полка или корабля и т.д. Вся эта деятельность в значительной мере способствовала формированию высоких духовных и нравственных качеств военнослужащих².

На передовой священники оказывали первую медицинскую помощь раненым солдатам, психологически настраивая их на необходимость преодоления боли. Здесь же причащались и умирающие. Таким образом, во всей армии формировалась убежденность в том, что гибель и страдания военнослужащих не являются напрасными, а служат общему святому делу. Все это существенно повышало моральную готовность войск, которая имела

¹ Беляков А. Просветительская деятельность духовенства в Вооруженных силах дореволюционной России: автореф. дисс. на соиск. ст. кан. пед. наук. – Краснодар, 2017. – С. 16-17.

² Ф.474. Война с Наполеоном 1812. Опись 1. Д. 157, 249, 270, 329. Л. 6-8.

решающее значение при ведении с использованием линейного боевого порядка, характерного для той эпохи. Работа военных священников могла дать возможность рядовым солдатам хотя бы на время ощутить себя настоящими гражданами своей страны, нужными и ценимыми государством, ради которого они теперь уже были готовы рисковать своей жизнью.

Деятельность военных священнослужителей в XIX в. значительно усложнилась. Научно-технический прогресс и реформирование армии в сторону либерализации требовали нового типа солдата – более самостоятельного и образованного. Работа с таким контингентом требовала и от самих полковых священников большего уровня образования и профессиональной подготовки.

Наравне с выполнением деятельности религиозного характера (проведения молебнов, проповедей, исповедей и т.д.) постепенно в работе военных священнослужителей все более возрастала роль религиозно-просветительской деятельности. Они должны были проводить беседы на духовно-патриотические темы, просвещать солдат в области наиболее ярких событий военной истории, пропагандировать здоровый и соответствующие общепринятым моральным нормам образ жизни. В определенной степени полковые священники должны были выступать в роли психологов, помогать солдатам преодолевать сложные периоды адаптации к военной службе. Также священники, как правило, занимались устройством библиотек.

Значительно возрастала роль священнослужителей в ходе военных действий, в ходе которых увеличивалась психологическая нагрузка и требовались повышенные усилия по поддержанию боевого духа.

Усложнял работу полкового духовенства рост оппозиционных настроений в обществе, что сказывалось на поведении части как офицерского, так и рядового состава.

Таким образом, можно утверждать, что институт полковых священников способствовал как существенному повышению мотивации в

дореволюционной армии, так и решению задач гражданского воспитания солдат.

Теория воспитания военнослужащих в XIX веке большую роль отводила духовно-нравственному развитию рядового состава, формированию любви к Отечеству, готовности к самопожертвованию ради защиты своей страны. Большинство солдат являлись верующими православными христианами.

Соответственно, роль военных священников в воспитательном процессе была весьма значительна. Выполнение религиозных обрядов играло большую роль в поддержании дисциплины и поднятии боевого духа солдат, особенно в период военных действий. Также немалое значение имела воспитательная работа священников в области поддержания и развития моральных и гражданских качеств военнослужащих.

Глава 2. Деятельность Русской Православной Церкви во время иностранной агрессии

2.1. Вклад Церкви в победу над Наполеоном Бонапартом

Отечественная война 1812 года, завершившаяся немногим более 200 лет назад, по праву является одним из важнейших событий в истории нашей страны. В то тяжелое и одновременно героическое время Россия в очередной раз оказалась под угрозой потери национального суверенитета. Подчинивший почти всю Европу своей власти французский император Наполеон Бонапарт стремился поставить Российскую империю в зависимое положение путем включения ее в политическую систему «единой Европы». Борьба с неприятелем потребовала максимального напряжения всех сил страны, подлинного героизма и самопожертвования всего народа.

Русская Православная Церковь, в то время являвшаяся значимой частью государственного механизма и одной из главных хранительниц духовных и культурных традиций, также активно включилась в борьбу с захватчиками. Император Александр I в своем воззвании к соотечественникам, в частности, произнес: «Великодушные жители России! Вы во все времена были спасителями Отечества! Духовенство и Святейший Синод! Вы всегда являлись примером для подражания, своими молитвами Вы приносили благодать на главу государства! Народ российский! Ты многократно разбивал зубы бросавшимся на тебя тиграм и львам! Объединитесь все: со крестом в сердце и с орудием в руках, никакие человеческие силы Вас не победят!»¹.

Святейший Синод трактовал начавшуюся войну как «искушение», нависшее под Россией, которое она должна с Божьей помощью преодолеть и еще более утвердиться «в уповании на промысл». Наполеон

¹ Цит. по: Верховский П.В. Очерки по Истории Русской Церкви в XVII–XIX вв. - Варшава: 1912. - С. 125.

характеризовался как «властолюбивый, ненасытимый, неисполняющий обязательств, не уважающий алтарей враг», который «угрожает нашей свободе, домам нашим, и благолепию храмов Божиих». Церковь призывала прихожан «поднять оружие и щит» и «охранить веру предков». Духовенству следовало укреплять в людях веру, противостоять вражеской пропаганде и призывать прихожан к участию в организации и деятельности ополчения. «Внушайте сынам силы в уповании на Господа. Вооружайте словом истины простые души, открытые коварным нападкам. Научайте всех словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме Веры и Отечества»¹.

Воззвание Святейшего Синода было оглашено во всех храмах после объявления Высочайшего манифеста от 6 июля. Основными положениями, этого воззвания были следующие: война в защиту Отечества справедлива и благословенна, Наполеон – злейший враг России и Православной церкви. Также в нем говорилось о важной миссии, возложенной Богом на Россию, которой предначертано остановить захватническую политику французского императора и освободить Европу. Данные тезисы получили развитие в речах, проповедях и молитвах священнослужителей, обращенных к армии, ополчению и народу. Эти мысли использовались во время войны также и светскими лицами (императором, военными и гражданскими начальниками, деятелями культуры) в целях патриотической пропаганды².

Церковь не ограничилась только моральной и духовной поддержкой в данной войне. Св. Синод издал ряд постановлений, направленных на сбор средств в поддержку русской армии и формировавшегося ополчения. Из прибыли от продажи свечей в церквах было перечислено полтора миллиона рублей на петербургское и московское ополчения. Было разослано обращение ко всему духовенству и мирянам с призывом жертвовать деньги, золотые и серебряные вещи. Причетники, дети священно- и церковнослужителей, находившиеся при отцах, и семинаристы (не выше

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 627. Л. 15.

² Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь // Отечественная история. - 2002. - № 6. - С. 29.

риторического класса) увольнялись по желанию в ополчение, получая от церкви пособие на одежду и продовольствие. Поступавшим в ополчение объявлялось, что если по окончании войны они пожелают, то получают свои прежние места.

В первый воскресный и праздничный день перед началом обедни, по постановлению Св. Синода, в церквях обнародовался манифест; потом совершалось молебное пение о ниспослании победы над врагом, которое затем служилось ежедневно¹.

Война 1812 г. стала первым серьезным испытанием для военных обер-священников, которых назначили в действующие полки 27 января 1812 г. согласно с Положением об управлении действующей армией.

В период Отечественной войны 1812 года в действующей армии находилось около 200 священнослужителей. Во время военных действий многие полковые священники проявляли подлинное мужество, воодушевляя и поддерживая своих подопечных. Некоторые из них погибли или получили тяжелые раны на поле боя

В 1812 году в составе российской армии начали формировать особые корпуса, способные вести автономные военные действия в течение долгого времени. В состав штаба такого корпуса вводилась должность корпусного священника с полномочиями полевого обер-священнослужителя функционирующей армии. Полковые обер-священники приравнивались к офицерам. Солдаты должны были отдавать им честь и обращаться «Ваше благословение»².

Главными задачами полковых священников являлось совершение церковных обрядов и проповедование. Множество солдат ежедневно гибли и получали ранения. Священники отпевали погибших, утешали раненых и укрепляли дух продолжавших сражаться. Для напутствия солдат перед боем широкое применение получили «выносные иконы». Особым почитанием в

¹ Военский К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. – М., 1912. – С. 15-16.

² Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. - СПб., 2005. – С. 44.

армии в период войны с Наполеоном пользовалась Смоленская икона Божьей Матери Одигитрии. Дежурный генерал-лейтенант П.П. Коковницын по этому поводу писал: «Войска с преклонением осознавали сей образ, и считали его хорошим залогом божественного милосердия. При победе над врагом значительных успехов можно было достичь от чтения благодарственных молебнов перед иконами»¹. Перед Бородинским сражением по приказу главнокомандующего М.И. Кутузова было произведено обнесение иконы перед всеми войсками в сопровождении крестного хода. Эта сцена описана Л. Толстым в его романе-эпопее «Война и мир».

В проповедях священники объясняли освободительный характер войны с Наполеоном и говорили о степени опасности, которой подверглась Россия в то непростое время. Русская Православная Церковь считала войну великим и несомненным злом, но в то же время оправдывала защиту Отечества, заявляя, что такая война является священной, а погибшие на ней солдаты – герои, пожертвовавшие собой в соответствии с евангельской заповедью любви к ближнему².

Церковнослужители призывали отдать все силы и при необходимости жизнь за освобождение Родины от оккупантов, рассказывали о страшных преступлениях наполеоновских войск на оккупированных территориях. В то же время солдат просили проявлять христианское милосердие по отношению к неприятелю. Даже после разгрома наполеоновских войск и начала их преследования на территории Европы, церковь, как и император, призывали солдат не уподобляться врагу, который творил грабежи и жестокости на территории России, и вести себя благородно. Вероятно, данные проповеди в

¹ Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. - М., 2007. – С. 112-123.

² Ершов Б.А. Взаимоотношения Русской Православной Церкви с обществом и властью в губерниях Центрального Черноземья в XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2011. - № 5(11) - С. 58-60.

немалой степени повлияли на поражавшее современников благородное поведение русской армии во время заграничного похода 1813-1814 гг.¹

Агрессивное поведение вторгшихся неприятельских войск не обошло стороной и РПЦ. Особенно глубоко возмутило народ кощунство неприятельских войск. Враги издевались над сельскими священниками, уносили все ценное из церквей, оскверняли алтари. Храмы превращали во временные казармы и даже в конюшни. В Смоленске и Москве враги оскверняли также православные святыни, и делалось это нередко с согласия наполеоновских командиров. Правда, Наполеон издавал приказы по армии, требуя наказывать грабителей, но в то же время сам разрешил вывезти из Москвы золотой крест с колокольни Ивана Великого².

Многие из мирных жителей покинули свои дома, чтобы мстить захватчикам в партизанских рядах. Среди них были и лица духовного звания. В г. Рославль дьячок Пятницкой церкви, Савва Коростелев ушел в леса, собрав вокруг себя отряд крестьян, который стал нападать на отряды наполеоновских мародеров. Предания о его храбрости долгое время сохранялись среди местных жителей. Отряду Коростелева удалось уничтожить множество мародеров, грабивших деревни и помещичьи усадьбы. Когда крупному подразделению французов все же удалось его окружить, он не сдался. И погиб в бою³.

В Московской губернии во главе одного из крестьянских отрядов самообороны стоял священник верейского Рождественского собора Иоанн Никифорович Скобеев. Наиболее ярко его заслуги проявились при штурме г. Вереи генерал-майором И.С. Дороховым. Собрав под своим руководством тысячу крестьян Вышегородской волости, Скобеев с их помощью срыл на земляном валу созданные французами укрепления, «изыскал во многих домах скрывшихся неприятелей, сжег неприятельские ворота, фуры

¹ Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. - М., 2007. - С. 112-123.

² Там же.

³ Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. - СПб., 2005. - С. 44.

и брички». Кроме того, по просьбе генерала Дорохова отец Иоанн собрал 500 конных вооруженных крестьян для усиления его корпуса и изыскал 7 подвод для раненых солдат. Большинство крестьян с полной готовностью откликнулись на все призывы Скобеева, который, по его собственным словам, «будучи более 20 лет увещателем во всех присутственных местах, был очень хорошо им известен, и по известности снискал от них к себе доверенность и уважение». За деятельность по освобождению Вереи Скобеев был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. В апреле 1815 г. отец Иоанн выполнил последнее желание Дорохова - похоронил его в верейском Рождественском соборе¹.

На территории Калужской губернии благодаря активным действиям духовенства и прихожан удалось спасти все храмы от разорения в двух из пяти оккупированных уездов - Мосальском и Тарусском. Способ обороны был тот же, что и во многих местах Смоленской губернии: при приближении мародерских отрядов священники поднимали колокольный звон, и сбежавшиеся крестьяне защищали храмы и дома своего села. Особенно успешно действовали прихожане села Любуни Мосальского уезда во главе с протоиереем Яковом Иоанновичем Чистяковым, отразившие несколько нападений².

Многие полковые священники и протоиереи за мужество и храбрость были удостоены церковных и светских наград. Так, протоиерей Онисим Боровик, проводивший проповеди в Апшеронском полку, был удостоен золотого наперсного креста, который он получил лично от императора. Наперсные кресты от Святейшего Синода получили протоиереи Герасим Соколов, Сименон Александров, Василий Полянский и др. Семь священнослужителей были вознаграждены орденами Святой Анны II степени.

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 71–71 об.

² Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. - СПб., 2005. - С. 46.

Одним из таких полковых священников был протоиерей Кавалергардского полка Михаил Гратинский. Он отправился после Бородинской битвы в Москву для подновления старой церковной ризницы, где был арестован французами. Там он убедил оккупантов разрешить ему совершать богослужения. Искренность и сила веры священника произвели сильное впечатление на французов. После оставления Москвы наполеоновскими войсками Гратинский вернулся в свой полк и дослужил в нем до 1822 года¹.

Один из священнослужителей, полковой священнослужитель 19-го егерского полка Василий Васильковский, был произведен в кавалеры ордена Георгия Победоносца 4 степени. Он стал первым в истории России священником, получившим высший воинский орден империи. Василий Васильковский родился в 1778 г. в городе Севске Белгородской губернии. С назначением в 1810 году священником 19-го егерского полка, начинается для него жизнь с тревогами и тяготами в походах и ратных трудах. Он безропотно переносил трудности воинской жизни, являясь примером беззаветного служения Отечеству. Командир полка полковник Т.Д. Загорский в специальном «списке о поведении священника» от 5 января 1811 г. отмечал в священнике Васильковском порядочность, рассудительность, обладание искусством красноречия, знание математики, физики, географии и истории, владение несколькими иностранными языками².

С начала Отечественной войны 1812 года 19-й егерский полк принимал участие во всех значительных сражениях. И повсюду отец Василий проявлял необыкновенное мужество и поразительную отвагу.

Боевой и духовный подвиг священник Васильковский совершил в июле 1812 года под Витебском. В это время полк в тяжелейших боях сдерживал атаки превосходящих сил противника. Командир полка Иван Вуич, докладывая о результатах боя, особо отмечал храбрость армейского

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 875. Л. 10.

² Сергеева Е.В. С крестом и молитвою шли они в бой // Мера. - 1995. - № 2. - С. 119-121.

священника отца Василия, в гуще сражения вдохновлявшего егерей и поддерживавшего их боевой дух, несмотря на то, что был ранен в лицо и в ногу, а затем контужен от удара пули в его наперсный крест на груди. По ходатайству командира дивизии генерала П.Г. Лихачева к обер-священнику армии и флота И.С. Державину за проявленное мужество в бою отец Василий был отмечен церковным знаком - камилавкой фиолетового цвета (высокий головной убор священника).

Оправившись после ранений и контузии, отец Василий вернулся в строй, принимал участие в Бородинской битве. Особо примечателен его подвиг 12 октября в тяжелом бою за Малоярославец. Генерал С.Д. Дохтуров, ходатайствуя о награждении отца Василия, докладывал главнокомандующему М.И. Кутузову, что священник Васильковский в этом бою все время находился с крестом в руке впереди полка и своими наставлениями, примером мужества призывал солдат крепко стоять за веру, Царя и Отечество и самоотверженно поражать врагов, причем сам был ранен в голову. Кутузов поддержал ходатайство и обратился к императору. «Государь Император, по представлению Господина Генерал-Фельдмаршала Князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, Всемилостивейше изволил пожаловать орден Св. Великомученика Георгия 4-класса священнику 19-го егерского полка Васильковскому за то, что он, находясь в сражении при Малоярославце, шел впереди полка с Крестным знаменем и примером своего мужества поощрял воинов к быстрому поражению неприятеля, причем он получил рану...в голову...» В официальных докладах и представлениях не упоминается поступок Васильковского, имевший серьезное значение в бою, когда он заменил выбывшего из строя офицера¹.

Известно, что отец Василий дошел со своим полком до Франции. Умер от ран 24 ноября 1813 года. Могила его утрачена. Короткая и яркая жизнь

¹ Сергеева Е.В. С крестом и молитвою шли они в бой // Мера. - 1995. - № 2. - С. 119-121.

отца Василия, а прожил он всего 34 года, является ярким примером честного служения и исполнения долга¹.

Память о погибших воинах и всех участниках Отечественной войны 1812 года воплотилась в произведениях художников, скульпторов, архитекторов, выполненных в разное время, начиная с 1812 года, и по сей день. Наиболее масштабно и монументально данное отражение памяти получило свое воплощение в церковной архитектуре. Памятные храмы, воздвигаемые в честь значительных событий, являлись давней традицией в России.

Главным памятником данной войны по праву считается храм Христа Спасителя в Москве, ставший главным кафедральным собором Русской Православной Церкви. Император Александр I еще во время военных действий дал обет возвести величественный храм в случае победы. Строительство велось долго и было сопряжено со значительными трудностями. Над созданием храма по проекту К.А. Тона трудились лучшие архитекторы, строители и художники того времени. Уникальная роспись создавалась художниками Российской Академии Художеств В. Суриковым, бароном Т. Неффом, Н. Кошелевым, Г. Семирадским, И. Крамским, В.П. Верещагиным, П. Плешановым, В. Марковым. Авторами фасадных скульптур стали барон П. Клодт, Н. Рамазанов, А. Логановский. Врата Храма были исполнены по моделям графа Ф. Толстого.

26 мая 1883 года, в День Вознесения Господня, состоялось торжественное освящение храма, совпавшее с днем коронации на Всероссийский Престол Императора Александра III. 12 июня того же года совершилось освящение придела во имя св. Николая Чудотворца, а 8 июля был освящен и второй придел храма - во имя св. Александра Невского. С этого времени в соборе начались регулярные богослужения.

С 1901 года в храме был учрежден собственный хор, считавшийся одним из лучших в Москве. Здесь торжественно отмечались коронации,

¹ Там же.

всенародные праздники и юбилеи: 500-летие со дня смерти преподобного Сергия Радонежского, 100-летие Отечественной войны 1812 года, 300-летие дома Романовых, открытие памятников Александру III и Н.В. Гоголю¹.

Помимо этого храма, было построено еще немало церковных сооружений, назначением которых являлось увековечивание памяти о войне 1812 г.

Первой церковью – одновременно памятником и надгробием стала церковь Спаса Нерукотворного, построенная по заказу М.М. Тучковой на месте гибели мужа – генерал-майора А.А. Тучкова, командира бригады 3-й пехотной дивизии, который погиб во время отражения одной из неприятельских атак на Семеновских флешах.

Храмом-памятником стал и Ново-Никольский собор в г. Можайске, завершение которого пришлось на 1812 год. Выстроенный в готическом стиле (школа М.Ф. Казакова) и размещенный на высоком кремлевском холме, храм доминирует в городе и виден издали при подъезде со стороны Старой Смоленской дороги².

В городе Малоярославец в 1860 году была построена каменная часовня на средства отставного майора Ф.М. Максимова, который был ранен в сражении при Малоярославце и где геройски погибли его товарищи, с пожеланием, чтобы здесь совершались панихиды по убиенным православным воинам. На фронте помещения надпись: «Сооружена в память воинов, на брани убиенных 1812 года 12 октября».

Памятник под г. Красным у Смоленского большака был установлен в 1847 году, к 35-летию ноябрьского сражения, также по проекту Антонио Адамини. Чугунный монумент высотой 26 метров отливали в Санкт-Петербурге на Александровском литейном заводе. На лицевой стороне была помещена икона с изображением Архистратига Михаила. Памятник был взорван в 1931 г. и воссоздан в 2012 г. Его открытие состоялось 16 сентября

¹ История создания храма Христа Спасителя [Электронный ресурс] // URL: <http://www.xxc.ru/history/> (дата обращения: 10.08.2016).

² РГИА. Ф.1409. Оп. 16. Д. 428.

2012 года в рамках реализации плана по празднованию 200-летнего юбилея победы России в Отечественной войне 1812 года.

К 100-летию Отечественной войны 1812 года был создан комитет по увековечиванию памяти Отечественной войны. По решению комитета стали считать храмом-памятником церковь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Вязьме Смоленской области: «Богородицкую церковь, как находившуюся в центре боя 22 октября 1812 г., считать храмом-памятником войны 1812 года и внутри ее на колоннах поместить мраморные доски с именами павших в этом бою воинов». В память о Малоярославецком сражении был сооружен храм-памятник Успения Пресвятой Богородицы на месте разрушенного во время сражения каменного Успенского храма 1756 г. Строительство было завершено в октябре 1912 года¹.

В канун войны 1812 года в Тамбове началось строительство каменной колокольни при Спасо-Преображенском кафедральном соборе, поэтому в сознании людей ее образ соединился с Отечественной войной 1812 года. Именно с Соборной площади отправлялся 1-й Тамбовский пехотный полк на войну с наполеоновской армией. С 1812 годом связано и другое знаковое для Тамбова событие – явление иконы Казанской Богоматери, получившей название Вышенской. Она была привезена из московского Алексеевского монастыря будущей монахиней Миропией в целях спасения от оккупантов².

Это лишь немногие памятники религиозного характера, увековечившие память об Отечественной войне 1812 г.

Воронежская губерния не была охвачена военными действиями, но внесла значительный вклад в организацию сопротивления неприятелю и победе над наполеоновскими войсками. Значительную роль в данных мероприятиях сыграло духовенство.

В 1810-1816 гг. Воронежскую епархию возглавлял епископ Воронежский и Черкасский Антоний (Соколов). Он благословил создание

¹ Благовидова Н.Г. Храмы-памятники Отечественной войны 1812 года // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. – М., 2014. - С. 152-166.

² Тамбовские епархиальные ведомости. – 2012. - № 6 (54). – С. 28.

местных подразделений ополчения и принял деятельное участие в сборе пожертвований. По благословию Антония Воронежская духовная консистория разослала по приходам указы с призывом к настоятелям монастырей и духовенству делать пожертвования деньгами, серебряными и золотыми вещами¹.

Было также обнародовано его «Воззвание к жителям Воронежа». Монастыри, приходы и клир Воронежской епархии собрали более 50 тысяч рублей. Многим выпускникам семинарии было дано благословение на служение в качестве военных священников. Тридцать шесть человек из церковного клира вступили в ряды ополчения. Епископ Антоний, по мнению современника, «архипастырь очень деятельный и обладавший редким даром слова», с начала войны неоднократно служил торжественные молебны о даровании победы русскому оружию, сопровождая их яркими проповедями².

Воронежцы активно откликнулись на призывы светских властей и духовных иерархов. Местное дворянство оказывало помощь действующей армии снабжением, транспортными средствами и деньгами. Были пожертвованы 982 лошади для артиллерии в возрасте 5-7 лет не ниже 1 аршина 14 1/2 вершков. Для решения продовольственной проблемы армии доставили 2000 волов и 250 парных фур с 500-ми упряжных волов для перевозки войсковых грузов, а также 79 волов для провианта. Компенсируя эти затраты, император повелел сложить с подушного оклада, причитающегося за 1812 год, 50 000 рублей. Из сложенной с подушного оклада пятидесятитысячной суммы еще 16 936 рублей 13 копеек были пожертвованы в пользу казны³.

В июле-августе 1812 года в Воронеже из рекрутов Воронежской, Саратовской и Пензенской губерний были сформированы 3-й и 4-й егерские

¹ Акиншин А.Н., Антипов М.А. Антоний (Соколов) // Православная энциклопедия. - М., 2001. - Т. II. - С. 644.

² Архимандрит Амвросий. Антоний I епископ // Воронежские епархиальные ведомости. 1879. - № 15. - С. 669-670.

³ Лукин Ю.Ю. Очерк участия воронежцев в Отечественной войне 1812 г. // Легитимист. – 2012. - №4. – С. 18-22.

полки, насчитывавшие 1987 человек нижних чинов каждый. Обмундирование, амуниция и обозы приобретались также за счет дворянства губернии на сумму 150 тысяч рублей. Боевое снаряжение, провиант и жалованье для вновь сформированных полков доставлялись за счет правительства. За содействие в формировании этих полков многие удостоились наград. Например, полковник Куликовский из Острогожского уезда был награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В августе полки выступили в поход.

3-й Воронежский егерский полк успешно участвовал в сражении под Малоярославцем, где провалился план Наполеона прорваться на калужскую дорогу. Армия Наполеона вынуждена была отступить по разоренной Смоленской дороге. В числе войск Кутузова, преследовавших отступающего противника, также были 3-й и 4-й егерские полки¹.

После сражения под Малоярославцем 3-й егерский полк сражался под белорусским городом Чашники, ходил в рейды при Ляхове, Язвине, 2 ноября участвовал в бою при Лукомле, а 4-го - при Волновыске. Числился в резерве до сентября 1813 года, когда принял участие в блокаде крепостей в Пруссии. За боевые отличия 3-й егерский был переименован в гренадерский егерский.

23 октября 4-й егерский полк вступил в бой у Вязьмы, которую пытались удерживать французское командование. В результате штурма русские войска овладели городом и заставили неприятеля отступить в западном направлении. Полк являлся также участником сражений в «Битве народов» при Лейпциге, в осаде крепости Данциг, а также в заключительных сражениях войны с наполеоновскими войсками. На стенах Храма Христа Спасителя, построенного во исполнение обета Императора Александра I «за спасение России и во славу русского оружия в этой беспримерной войне» на добровольные народные пожертвования, были установлены 177 мраморных

¹ Ершов Б.А. Социально-психологическая характеристика священнослужителей губерний Центрального Черноземья в XIX- начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2011. - № 8-1. - С. 91-94.

досок, где были указаны места и время сражений, наименование армий, дивизий и полков, участвовавших в них, а также имена убитых, раненых и отличившихся офицеров и других лиц, указы императора за время войны. На этих досках славы русского оружия 3-й и 4-й егерские полки упоминаются 19 раз¹.

Тамбовская губерния также не оказалась в зоне боевых действий, но ее жители внесли значимый вклад в победу над Наполеоном.

Полностью из тамбовцев был сформирован и 122-й пехотный полк, командиром его был назначен полковник Шостаков. Полк вошёл в состав 2-й русской армии под командованием П.И. Багратиона, оборонявшей левый фланг русской позиции на Бородинском поле. Особо отличился 122-й пехотный полк в сражении на реке Березине с подразделениями французских генералов Удино и Нея. За ратную доблесть тамбовчане получили отличительные знаки на шапках и благодарность. Русское командование за мужество и доблесть наградило полк боевыми отличиями - серебряной и двумя георгиевскими трубами. В годы войны Тамбов стал армейским тылом. Здесь размещались госпитали, лазареты, а также беженцы из захваченных неприятелем центральных районов России. В Тамбов прибывали многие беженцы из Москвы, Тулы, Рязани, в результате чего население города в 1813 году удвоилось. В эту эпоху в Тамбов съехались представители высшего общества из Москвы, Рязани, Калуги и других мест. Тамбовские священнослужители активно участвовали в сборе средств и оказании помощи беженцам². Также Тамбов стал одним из важных пунктов размещения и транзита пленных солдат наполеоновской армии³.

Тамбовское духовенство показало положительный пример в борьбе с трудностями военного времени. 19 июля 1812 г. вышел указ

¹ Лукин Ю.Ю. Очерк участия воронежцев в Отечественной войне 1812 г. // Легитимист. – 2012. - №4. – С. 18-22.

² «Недаром помнит вся Россия...» Тамбовский край в годы Отечественной войны 1812 г. / сост.: Л.И. Семенова. – Тамбов, 2011. – С. 7-9.

³ ГАТО. Ф.4 Оп.1. Д. 214. Л. 5-6.

Духовной Консistorии, рекомендовавший священникам Тамбовской епархии подготовить и «расположить» народ к обороне Отечества. Церковнослужители произносили патриотические проповеди и призывали своих прихожан всеми доступными способами вносить вклад в изгнание неприятеля. Духовенство организовало сбор подаяний для беженцев и семей, оставшихся без кормильцев. Каждый месяц собранные деньги пересылались в Консistorию, которая отправляла их в Казенную палату. Монастыри Тамбовской епархии принимали на свое содержание престарелых, немощных и малолетних. Женщины находили приют в Вознесенском женском монастыре. В 1813 году, только в Кирсановском уезде, получили как награду наперсные кресты 26 священников¹. Таким образом, можно сделать вывод, что Русская Православная Церковь привнесла существенный вклад в победу России в войне 1812 года в целом и в обеспечении боеспособности русской армии в частности. Особое значение имело участие полковых священников в поднятии боевого духа, поддержании дисциплины среди солдат.

Но и остававшиеся в тылу или находившиеся на оккупированных территориях священнослужители также внесли значительный вклад в эту победу. Они применяли свое влияние для убеждения населения приложить максимальные усилия для организации борьбы с захватчиками, организовывали сбор средств, занимались благотворительной деятельностью.

Священнослужители в различных губерниях России, в том числе в Воронежской и Тамбовской оказали значительное содействие организации сбора средств для помощи армии, формировании подразделений народного ополчения. Особую роль для священнослужителей приобрела деятельность по организации приема и размещения многочисленных беженцев, а также помощи пострадавшим от военных действий.

¹ «Недаром помнит вся Россия...» Тамбовский край в годы Отечественной войны 1812 г. / сост.: Л.И. Семенова. – Тамбов, 2011. – С. 12.

Отечественная война 1812 г. является наиболее масштабным и значимым событием в военной истории России XIX века. Она стала серьезным испытанием для русской армии и всего народа. В это время врагу удалось продвинуться на максимальное расстояние вглубь страны, оккупировать огромные густонаселенные территории, включая древнюю столицу и важнейший город Москву. Национальная независимость и территориальная целостность России оказались под серьезной угрозой.

Церковь внесла значительный вклад в освобождение страны, и ее деятельность по достижению этой цели имела разносторонний характер. Военные священнослужители прилагали немалые усилия по повышению боевого духа солдат, нередко сами принимали непосредственное участие в боях. Священники, оказавшиеся на оккупированных территориях, стремились вселить в людей уверенность в непрочности сложившихся оккупационных порядков, неминуемой победе над врагом. Провинциальное духовенство, находившееся в тылу, внесло значительный вклад в пропаганду патриотических настроений и в организацию материальной помощи армии и пострадавшему от военных действий населению. Память о войне была увековечена в виде многочисленных храмов, воздвигнутых как в столичных городах, так и в провинции.

2.2. Священнослужители на фронтах Крымской войны

Крымская война 1853-1856 гг., также известная как Восточная, является одним из наиболее трагических и вместе с тем героических событий в истории России. Эта война стала одним из главных показателей сформировавшейся в тот период экономической и технической отсталости Российской империи и необходимости коренных реформ. Россия противостояла коалиции Великобритании, Франции, Сардинского королевства и Османской империи. Театр военных действий был широк: различные участки морского побережья от Дуная до Камчатки, а также сухопутные сражения на Кавказе и Балканах. Но наибольшего напряжения данная война достигла в Крыму. Россия потерпела поражение, однако, благодаря героическому сопротивлению армии и флота, а также успешным дипломатическим усилиям удалось значительно уменьшить обязательства перед победившими державами.

Русская Православная Церковь, обладавшая в то время значительным духовным, идеологическим и экономическим потенциалом и являвшаяся значимой частью государственного механизма, внесла немалый вклад в борьбу с иностранными интервентами.

Немаловажно отметить, что одна из причин Крымской войны, ставшая также и непосредственным поводом ее начала, носила религиозный характер. Как известно, формальной причиной ухудшения русско-французских, а затем и русско-турецких отношений накануне Крымской войны стал так называемый «спор о Святых местах». Речь идет о споре между православной и католической общинами Палестины относительно ключей от главных христианских святынь – Вифлеемского храма и храма «Гроба Господня». Турецкий султан, идя навстречу настойчивым просьбам Франции и Ватикана, принял решение передать ключи от храмов католической общине. Возмущенный данным поступком Николай I выдвинул ультиматум, в котором требовал не только вернуть ключи православной общине, но и

предоставить ему право особого покровительства над православными подданными турецкого султана¹.

Николай I, согласно воспоминаниям современников, был человеком глубоко религиозным: регулярно посещал церковные службы, иногда даже пел в малой придворной церкви. В годы его правления велось строительство самых значительных соборов России (Исаакиевского в С.-Петербурге и собора Христа Спасителя в Москве), было упрочено экономическое положение монастырей².

Соответственно, ему была не безразлична судьба многочисленных православных народов, находившихся в подчинении Османской империи. В 1853 г. в беседе с британским послом Г. Сеймуром он сказал: «В этой империи проживает несколько миллионов христиан, интересам которых я должен оказывать покровительство, и это право обеспечено заключенными трактатами. Я могу откровенно сказать, что пользуюсь этим правом с воздержанием и умеренностью, но не могу отступить перед исполнением совершенно ясного долга. Наша религия перенесена к нам с Востока, и есть чувства и обязанности, которых иногда не следует упускать из виду»³.

Следовательно, данная военная кампания имела особое значение для русской Православной Церкви. Речь шла не только об отстаивании внешнеполитических интересов России, но и о защите православия в мире. Соответственно, Церковь внесла значительный вклад в духовную, нравственную, а также и материальную поддержку русской армии и всего народа в ходе Крымской войны.

С первых же дней войны Церковь приняла в ней активное участие. Когда началась Крымская война 1853-1856 гг. Н.Г. Чернышевский писал: «Все свои войны Россия вела с народом не своей веры, и... когда

¹ Ермаков А.В. Крымская война 1853-1856 гг.: современный взгляд на причины и последствия // Проблемы национальной стратегии. - № 5 (20). – 2013. – С. 185.

² Фирсов С.Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин // Церковь и время. - № 3. - 2010. - С. 177-192.

³ Цит. по: Мельникова Л.В. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. - 2008. - № 6. - С. 71.

национальная жизнь умирала, когда всякая другая надежда исчезала, она была спасена воинственным усердием своего духовенства»¹.

Первоначальным направлением была пропагандистская деятельность. Начавшуюся войну церковные иерархи трактовали как очередной крупнейший со времен Отечественной войны 1812 г. религиозно-цивилизационный конфликт. Особое значение в проповедях придавалось призывам к восстановлению былого влияния России на Святой земле и облегчении участи братьев по вере – православных народов Османской империи. На духовенство была возложена задача разъяснений дипломатических усилий России, хода военных действий².

Военное духовенство отвечало за «дух» армии. И в сложнейшей обстановке оно вело себя достойно своего призвания. Об этом говорят следующие факты.

В дни обороны Севастополя 1854-1855 гг. неотлучно на бастионах находились полковое и военно-морское духовенство. Вместе со своей паствой они делили трудные и ратные моменты бастионной жизни. В каждом блиндаже был устроен уголок, где под образами святых теплилась лампадка и горели свечи, офицеры и солдаты в минуты затишья исповедовались и причащались, служили молебны, панихиды по погибшим товарищам, раненые воины укреплялись пастырским словом, умирающие получали последнее молитвенное утешение.

Убитых и умерших от ран клали в одну шеренгу под образа в отведенном для этого месте (на каждом бастионе был свой покойнический угол). У каждого убиенного в руке была горящая свеча - последний дар

¹ Цит. по: Маснева М. За Веру, Царя и Отечество. Священники на войне // Священники на войне. – М., 2012. – С. 44-47.

² Мельникова Л.В. Иерархи Русской Православной Церкви в годы Крымской войны (1853-1856 гг.) // Церковь в истории России. Сборник 9. - М.: Кучково поле, 2010. - С. 126.

товарищей. Священник служил панихиду по погибшим. Многие из них отдали жизни вместе с своей воинской паствой¹.

Знаменитый русский богослов архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий во время Крымской войны приложил большие усилия для повышения патриотического и боевого духа солдат, произнося сильные по морально-политическому воздействию проповеди. Благословляя 25 июня 1855 г. Брянский егерский полк и представителей от других частей Севастопольского гарнизона, он сказал: «Не поучение говорить вам мы прибыли сюда, нет, мы явились учиться у вас, славные защитники града, учиться, как исполнять заповедь Христа Спасителя: «оставь отца, мать твою и дом твой, возьми крест и гряди по мне!» Впредь, поучая паству свою, мне не надобно далеко искать примеров добродетели: я скажу им: иди в град сей и поучись у первого встречного из братьев твоих защитников веры и мест, откуда впервые разлилось православие на родину нашу: пади ниц, ибо место сие свято есть»².

Протоиерей Михаил Антонович Романский, священник Лейб-Бородинского егерского полка, в Севастопольском гарнизоне находился с 19 сентября по 21 октября 1854 г. В сражении на Черной речке 4 августа 1855 г. был на перевязочном пункте.

Иеромонах Свято-Троицкой Сергиевской лавры Анастасий 28 июля поступил ординатором в 6-й полевой госпиталь. В сражении на реке Черной 4 августа находился на главном перевязочном пункте, где перевязывал раненых, производил операции и утешал умирающих. В декабре скончался от тифа в Симферополе.

Протоиерей Арсений Лебединцев, настоятель Севастопольской Петропавловской церкви и благочинный церковью Севастопольского округа, на протяжении всего периода обороны города вел активную деятельность.

¹ Военные священники – участники Крымской войны и обороны Севастополя. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hram-flot.ru/pervaya-oborona-sevastopolya-1854-1855gg/duhovny-e-zashhitniki/> (дата обращения: 07.09.2017).

² Там же.

Невзирая на ежеминутную опасность, отец Лебединцев ежедневно совершал богослужения до августа 1855 г., когда кровля и своды храма и церковный дом были разрушены неприятельскими снарядами. Отец Арсений посещал с молитвами и проповедями бастионы, утешал раненых, напутствовал умирающих и погребал павших.

Вот что записано в дневнике отца Арсения Лебединцева: «11 февраля 1855 года. День прошел в службе. Много было исповедников. Во втором часу был на перевязочном пункте, где присутствовал на операции, когда отрезали руку. Положим, больной молчит от хлороформу и что операция производится очень искусно и быстро, но невыносимо больно для сердца быть простым свидетелем этой страсти. Другому операция уже окончена. Он лежит и что-то говорит. Подхожу к нему. «Благословите, батюшка!» - «Господь тебя благословит. Как чувствуешь себя?» - «Вот, руки нет. Но я пойду и с одной рукой, непременно пойду. Нужно молодым солдатам пример показывать». И плачет бедный, не столько от боли, сколько от досады, что он не там и не может бить французов...»¹.

А были и те, кто помогали заряжать орудия на передовой или даже вели, дрогнувших было перед лицом врага, солдат в бой.

Иеромонах Иоанникий (Добротворский) с первых дней осады Севастополя постоянно находился в окопах, ежедневно совершал обход батареи с крестом в руках, вдохновляя солдат и матросов на подвиг. В составе одного из батальонов Камчатского полка принимал участие в бою, ободряя своим словом и примером солдат, тут же напутствовал умирающих, утешал и перевязал раненых².

Один из таких случаев произошел в разгар боя у Камчатского люнета (располагался между современными улицами Истомина и Горпищенко) в ночь с 10 на 11 марта 1855 года. Во время ночной вылазки к неприятелю, русские не сразу заметили, что к французам подходит подкрепление.

¹ Цит. по: Маснева М. За Веру, Царя и Отечество. Священники на войне // Священники на войне. – М., 2012. – С. 44-47.

² ГАВО. Ф. 496. Оп.1. Д. 18521. Л. 7-8.

Французы активизировались и стали наступать. Завязалась кровопролитная схватка. В рядах, сражающихся раздался сильный голос священника, поющего тропарь «Спаси Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...» Увидев в рукопашной схватке священника в епитрахили и с крестом в руках, дрогнувшие солдаты подхватили пение и ринулись на врага с новой силой. Однако силы были не равны, и генерал С.А. Хрулев приказал отступить. Но солдаты, поддерживаемые священником, продолжили сражение. Во время той вылазки 30 русских офицеров и 1000 солдат выбыли из строя. Враг же потерял в два раза больше. Нижняя часть креста, который держал в руке священник, была оторвана пулей и одеяние носило на себе следы вражеских штыков. За свой подвиг иеромонах получил от Александра II орден Св. Георгия IV степени¹.

Протоиерей Дамиан Бариз, священник 45-го Азовского пехотного полка, за время 11-месячной осады Севастополя неотлучно находился среди защитников города. Принимал участие в операции по взятию редутов на Балаклаве, у деревни Коммады, в сражениях у Инкермана и Сапун-Горы, в боях на знаменитом 4-м бастионе.

По рассказам участников обороны, отец Дамиан, невзирая на смертельную опасность, сохранял в ходе сражений удивительное хладнокровие. Он выполнял роли утешителя, брата милосердия, духовного отца, напутствовал умирающих, оказывал первую помощь раненым, выносил их из-под огня. Случалось, когда заканчивались бинты, он разрезал на себе рясу, подрясник, рубашку, чтобы раненый солдат не истек кровью².

4 февраля 1855 года в ходе боя у реки Черной контуженный командир полка полковник Нарденстрег упал в воду и утонул бы, если бы за ним не бросился в реку отец Дамиан.

¹ Маснева М. За Веру, Царя и Отечество. Священники на войне // Священники на войне. – М., 2012. – С. 44-47.

² Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода К.Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 - 1897 годы. СПб.: Синодальная типография, 1899. – С. 83.

Сам же военный духовник в ходе боев был неоднократно ранен и контужен. После окончания боя в недолгие периоды отдыха Дамиан писал для солдат письма, сообщая их семьям предсмертные просьбы героев, погибших в боях.

За добросовестную службу и совершенные подвиги по ходатайству командования отец Дамиан был награжден двумя золотыми наперсными крестами (в том числе один - на Георгиевской ленте) и орденом св.Георгия IV степени.

В 1896 году, когда отец Дамиан отмечал свой полувековой юбилей в сане священника, на его чествовании присутствовали многие известные военачальники, среди которых был и М.И. Драгомиров. Не забыл юбиляра и сам император, прислав ему орден св. Анны, 1-й степени.

Преподобномученик отец Парфений во время Крымской войны 1853-1856 гг. во время обстрела Новороссийска неприятельскими судами с 28 февраля по 4 марта 1855 г. перед лицом смертельной опасности неотлучно исповедовал и причащал раненых солдат, отпевал погибших.

За проявленное личное мужество иеромонах Парфений 20 марта 1857 г. был награжден наперсным крестом от Св. Синода, а 7 апреля возведен в сан игумена. Отец Парфений имел также бронзовый крест в память о Крымской войне, медаль и крест, учрежденный для служивших в Кавказской армии.

Одним из выдающихся участников обороны Севастополя является протоиерей Михаил Стефанович Альбов, родом из Костромской губернии. Он числился в составе Углицкого егерского полка. Вместе со своим полком принимал участие в битвах на р. Альме и у Инкермана. Исполнял свои пастырские обязанности среди бойцов, страдавших от ран, сыпного тифа и других болезней, подвергая опасности собственную жизнь¹.

Правительство высоко оценило вклад священников в отражение вражеской агрессии. Ниже перечислены военные священники, награжденные

¹ Ласкеев Ф.М. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие. – СПб., 1900. – С. 148-150.

золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте за военные подвиги в Крымской (Восточной) войне 1853-1856 гг.

1. Отец Михаил Соколов, священник Московского пехотного полка - за проявленное личное мужество и бесстрашие при исполнении своих пасторских обязанностей 8 сентября и 24 октября в Крыму.

2. Отец Иоанн Путиловский, священник лейб-егерского Бородинского полка - за подвиги, проявленные во время защиты Севастополя.

3. Священник Бородинского егерского полка протоиерей Михаил Романовский - за мужественное и добросовестное исполнение пастырского долга при осаде Севастополя.

4. Священник Севастопольского Морского Полка Петр Мацкевич - за ревностное исполнение своих обязанностей в ходе кампании 1853-1856 года.

5. Священник 1-го походного полка отец Николай Бакунин - за напутствие раненых и умирающих воинов при обстрелах неприятеля во время обороны Севастополя.

6. Священник Тобольского пехотного полка отец Василий Кропотов - за подвиги, совершенные в ходе Севастопольской кампании 1854г.

7. Священник Кольванского егерского полка отец Иоанн Белин - за мужественное служение и подвиги, проявленные при обороне Севастополя.

8. Священник Камчатского егерского полка отец Евгений Федюшин – за участие в Севастопольской кампании с 8 декабря 1854 по 27 августа 1855г.

9. Священник Владимирского пехотного полка отец Константин Дорошков, за подвиги при обороне Севастополя, Всемиловейше пожалован первоначально орденом Св.Анны 3-й степени с мечами, а впоследствии награжден золотым крестом на Георгиевской ленте и возведен в протоиерейский сан.

10. Священник Суздальского пехотного полка отец Адриан Соловьев - за подвиги при осаде Севастополя¹.

Духовенство Воронежской губернии также внесло свою лепту в отражение агрессии. В виду небольшой отдаленности от театра военных действий 27 сентября 1855 г. в губернии было объявлено военное положение. Воронежцы участвовали в военных действиях. Воронежские священнослужители призывали жителей города и губернии жертвовать на помощь солдатам, прилагать усилия для борьбы с неприятелем. Местное дворянство в течение двух лет собрало 67 тыс. рублей серебром. За рекрутские наборы, проводимые на территории губернии, губернатор Ю. Долгоруков был награжден².

После войны Воронеж стал местом размещения британских военнопленных нижних чинов³. Отношение населения к пленным было неоднозначным. Местным властям при помощи духовенства приходилось принимать меры для предотвращения эксцессов, призывать к гуманному отношению к солдатам неприятельской армии⁴.

Один из руководителей обороны Севастополя Павел Степанович Нахимов, как и многие русские офицеры, был глубоко верующим человеком. Известная писательница и переводчица воронежская уроженка София Ивановна Снеессорева просила своего духовного отца, тогда еще архимандрита, Игнатия (Брянчанинова) послать Нахимову образ святителя Митрофана Воронежского в качестве благословения: «У нас война с турками. Ночью просыпаюсь, мне стыдно спать спокойно, когда мои соотечественники, когда русские страдают и терпят все бедствия. Битва при

¹ Военное духовенство и сестры милосердия в Крымской войне [Электронный ресурс] // URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/08/24/voennoe_duhovenstvo_i_sestry_miloserdiya_v_krymskoj_vojne (дата обращения: 14.04.2017).

² История Воронежа, начиная с XIX века. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.camcomp.com/istoriya-voronezha-nachinaya-s-19-veka.html> (дата обращения: 04.08.2016).

³ Миловидов Б.П. Иностранцы военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. – 2010. - № 5. – С. 155.

⁴ Тихонова А.В. Действия центральных и местных органов власти в отношении пленных в годы Крымской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. - № 6 (32). – С. 184-189.

Синопе отозвалась в сердце каждого русского. Я посещала батюшку (владыку Игнатия). Между прочим, просила его, нельзя ли послать Нахимову письмо и благословить образом святителя Митрофана? Почему же святителя Митрофана? - спросил он. - А потому, что на его деньги Петр Первый положил основание Черноморскому флоту, основав первый флот в Азове; как воронежская уроженка я не могла не знать подвиги нашего угодника»¹.

Тамбовский губернатор пересылал копии циркуляров Министерства внутренних дел местному архипастырю, держа его в курсе происходивших событий. Тот факт, что руководители губерний знакомили епископов с документами секретного характера, свидетельствует о том, что центральные органы управления им это, видимо, не запрещали. Например, еще до официального объявления о начале войны 14 июня 1853 года губернаторам был разослан секретный циркуляр под номером 95 с указанием прекратить выдачу паспортов богомольцам, направлявшимся в святые места Иерусалима². В связи с этим в ходе проповедей священнослужители рассказывали прихожанам об огромном значении этого города для православия и недружественных действиях османских властей, не говоря ни слова о возможном начале войны.

Осенью, когда начались активные военные действия, Синод от имени высшей государственной власти опубликовал обращение к православному населению страны, призвав начать справедливую борьбу за веру, царя и Отечество. Тамбовское духовенство с первых дней войны начало активную работу по оказанию помощи светским властям. Священнослужители в храмах совершали молебны о даровании победы над врагом, проводили панихиды по погибшим воинам.

В 1853 г. существовала необходимость того, чтобы народ проникся патриотическими чувствами, осознал справедливость позиции России в данной войне. Подробных сведений о состоянии дел на театре военных

¹ Цит. по: Чинякова Г. Благородный воин. Павел Степанович Нахимов. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.voskres.ru/army/spirit/chinyakova.htm> (дата обращения: 07.11.2016).

² ГАТО. Ф. 4. Оп.1. Д.1295. Л. 50.

действий в губернии не поступало из соображений секретности, но были случаи, когда тамбовские священники в ходе проповедей сообщали о военных действиях больше положенного, разъясняя основы патриотического долга и призывая к самоотверженному вкладу в достижение победы.

В 1853-1854 годах на территории Тамбовской губернии прошли 10-й и 11-й частные рекрутские наборы. Епископ Николай (Доброхотов; 1841-1857 гг.) оказал всемерную поддержку властям, рекомендуя священникам проводить беседы с рекрутами о священном долге каждого христианина.

Церковь оказывала помощь не только военных мероприятиях. В самый разгар войны в 1854 году в Тамбовской губернии проводилась массовая вакцинация детей от оспы. В связи с тем, что в губернии в это время на службе находилось всего 29 врачей, светские власти обратились за помощью к архимандриту и тот привлек для проведения прививок священнослужителей. Духовенству в народе доверяли больше, чем врачам, что помогло провести успешную вакцинацию 57 тысяч 643 детей¹.

В течение всего периода Крымской войны через территорию губернии проходили различные воинские подразделения, которые встречали радушный прием со стороны местного населения и духовенства. Министерство внутренних дел неоднократно присылало на имя губернатора благодарности от лица императора духовенству, дворянству и прочим сословиям.

После того, как к военным действиям на стороне Османской империи присоединились европейские державы, императору Николаю I пришлось издать манифест о созыве народного ополчения 29 января 1855 г. 14 февраля Тамбовское губернское правление издало постановление о призыве в народное ополчение жителей края. На духовную консисторию была возложена задача донести текст постановления до прихожан во время церковных проповедей. В связи с этим архиепископ Николай рекомендовал тамбовским священнослужителям как можно активнее пропагандировать

¹ ГАТО. Ф.4 Оп.1 Д.1298 Л.115 об.

патриотические настроения с целью увеличения числа добровольцев. Помимо духовной помощи церковь оказывала и материальную поддержку¹.

Священники призывали прихожан жертвовать деньгами и вещами на нужды ополчения, подавая собственный пример. Так, сестрами Знаменского Сухотинского монастыря в пользу раненых было пожертвовано 30 руб., позже они передали Тамбовской дружине № 177 образ Казанской божьей матери, 40 просфор, 3 пуда пшеничного хлеба, 50 кур, 32 меры огурцов и 3 ведра вина. Монахини Кирсановского Тихвино - Богородицкого монастыря дарили иконы в серебряных окладах всем проходящим через уезд отрядам².

При непосредственном участии духовенства совместно с дворянством, купечеством и городскими общинами Тамбовской губернии, было добровольно пожертвовано на покрытие расходов в связи с призывом и оснащением ополчения – 86 704 руб. 12 ½ коп. После полученного благословения предводитель Тамбовского дворянства Сергей Мартынович Лион заказал в Москве написание образа Тамбовской божьей матери, который должен был быть вручен командиру ополчения генерал-майору Жихареву.

На всем пути следования по Тамбовской губернии, по инициативе духовенства, ополчению оказывалось чествование и предоставлялось угощение. Отправка каждой дружины ополчения из мест квартирования всегда проходило в торжественной обстановке с передачей жителями уездов освященных икон в серебряных окладах. Перед выступлением в поход Тамбовские дружины были приглашены в Соборную церковь г. Тамбова. Архиепископ Николай произнес благословение и провел обряд освящения пожертвованных икон и знамен, которые после окончания войны были переданы в Кафедральный собор, где долгое время хранились как символ выполненного долга перед Отечеством. После совершения обряда благословления началось торжественное совместное шествие духовенства и

¹ РГИА. Ф.806. Оп.5. Д.9432. 4.6. Л. 105-108.

² Тамбовские губернские ведомости. 1855. приложение № 47.

ополчения, при колокольном звоне, в сопровождении большого числа обывателей от собора к ярмарочной площади за городом, где была устроена небольшая часовня. В ней родственники могли произнести молитву за здоровье воинов и за их скорейшее возвращение. Не менее торжественно проходили проводы ополченцев и в других уездах, при деятельном участии местного духовенства. Вот как описывали Тамбовские губернские ведомости выступление Лебедянского ополчения: «21 июля в 8 утра под звон соборного колокола, духовенство и прихожане всех городских церквей с иконами, крестами, хоругвями, при пении клиром священных песен заполнили всю соборную площадь.

Священник Христорождественской церкви Чернеевский произнес речь о даровании христолюбивому воинству победы над врагом.

После освящения военного знамени начальнику дружины был передан гражданином М.С. Игумновым образ Казанской божьей матери»¹.

После торжественных проводов тамбовские дружины отправились на юг в сторону Азовского моря, где несли службу по охране побережья. Оторванность от семьи, родного дома очень тяжело переносилась воинами, и вера в Бога выполняла связующую роль с родной землей. Жители губернии в свою очередь не забывали о земляках, повсеместно в церквях и соборах вплоть до возвращения ополчения проходили молебны за здоровье живых и за упокой погибших и умерших на войне. Хотя тамбовские ополченцы и не участвовали в боевых действиях, но в губернии их встречали как людей, полностью исполнивших свой долг перед Отечеством и императором. При возвращении в Тамбов в первой половине июня 1856 года дружины были встречены духовенством в полном облачении. В честь ополченцев в тамбовских церквях проходили службы, после которых, пройдя церемониальным маршем по площади перед домом губернатора, они расходились по своим уездам.

¹ Тамбовские губернские ведомости. 1855. Отд. 2 к № 33. - С. 156.

Пример деятельности тамбовского духовенства в годы Крымской войны 1853-1856 гг. служит доказательством неразрывной связи государственной власти и православной церкви, а также глубокой веры русского народа и соблюдения им православных традиций.

Псковское духовенство удостоилось монаршей благодарности за сбор пожертвований в пользу семей моряков Севастополя¹. Около ста псковских священников были награждены бронзовыми наперстными крестами на Владимирской ленте за содействие в деле сбора средств².

Роль русских православных священников в ходе Крымской войны, как свидетельствуют приведенные в данной главе материалы, была весьма существенна. Церковь на протяжении веков была неотъемлемой частью Российского государства и всегда принимала активное участие в ходе военных действий. Ее роль сводилась не только к пропагандистской деятельности и поднятию боевого духа, но и к непосредственному участию в материальном обеспечении военных действий и в помощи раненым солдатам и пострадавшему населению. Крымская война не стала исключением. Военные священнослужители не только исполняли свои религиозные обязанности, но и активно участвовали в военных действиях, помощи раненым. Важным событием Крымской войны стало участие сестер милосердия из религиозных организаций, которое легло в основу сестринской медицинской помощи в последующих военных действиях. Как и в период Отечественной войны 1812 г., духовенство губерний, не охваченных военными действиями, как, например, Воронежская и Тамбовская принимало усилия для содействия воюющим подразделениям и своим коллегам – военным священнослужителям путем организации сбора средств на благотворительные нужды.

¹ ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 298. Л. 16-17.

² ГАПО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 800. Л. 115-117.

2.3. Служение сестер милосердия в годы Крымской войны

История служения сестер милосердия насчитывает несколько веков. Их первая община была организована священником Винсентом де Полем в 1668 г. во Франции, г. Шантильон¹.

В России общины сестер милосердия появились позже. Одно из первых упоминаний о женском служении за больными встречается во время правления Петра I, когда в 1722 г. был издан указ о назначении монахинь в госпитали².

Впоследствии начали появляться особые женские общины или «послушнические монастыри». Они стали формироваться после секуляризационной реформы Екатерины II 1764 г., когда более половины женских монастырей были закрыты. Оставшиеся без средств послушницы упраздненных монастырей создавали обители нового типа. Насельницы этих послушницеских монастырей жили по монастырскому уставу, но не давали монашеских обетов. Послушницы открывали лечебницы, дома престарелых, сиротские приюты, странноприимные дома. Данные благотворительные учреждения содержались за счет частных пожертвований³.

Следующим шагом в развитии женского ухода за больными стало появление службы «сердобольных вдов». В 1803 году при воспитательных домах в Петербурге и Москве были сформированы так называемые «вдовьи дома», в которых жены и вдовы лиц, состоящих на государственной службе, служили по уходу за неимущими, увечными и престарелыми. В 1804 году попечителю Московского воспитательного дома было предложено построить рядом с больницей для бедных новый дом для вдов с тем, чтобы некоторые

¹ Карпычева Л.В. Общины сестер милосердия и православная церковь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.historyosm.ru/public/article2.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).

² Разумовский В.И. Медицинское дело в России в царствование первых Государей Дома Романовых. – Саратов, 1913. – С. 19.

³ Карпычева Л.В. Общины сестер милосердия и православная церковь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.historyosm.ru/public/article2.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).

из них за умеренную плату приняли на себя присмотр за больными так, чтобы «все больные получили бы надзор благотворительных вдов». Но только в 1813 году при Петербургском вдовьем доме было принято решение привлечь некоторое число вдов для работы в Мариинской больнице для бедных, а также для ухода за больными на дому. Святейший Синод благословил это начинание.

Обязанностью дежурных вдов было наблюдать за благоустройством в палатах, за порядком в раздаче больным пищи и лекарств, за чистотой и опрятностью больных, их постелей и белья, за поведением больных и посетителей. Доктора и лекари должны были давать вдовам необходимые инструкции по уходу за больными. «Сердобольные вдовы» должны были осваивать некоторые медицинские приемы, чтобы в случае необходимости самим оказывать помощь больным.

Прошедшие испытательный срок «сердобольные вдовы» приводились к присяге и проходили согласованный с Синодом церковный обряд посвящения, в который входило вручение знака отличия - золотого креста, который предписывалось носить на шее всю жизнь, даже если посвященная выходила в отставку. Со второго года службы «сердобольные вдовы» могли посещать больных в частных домах, получая за свой труд плату¹.

В марте 1844 г. в Петербурге по инициативе и на средства Великой княгини Александры Николаевны и принцессы Терезии Ольденбургской была основана первая в России православная община сестер милосердия (с 1873 г. - Свято-Троицкая община сестер милосердия в честь существующей при общине церкви святой Троицы). Согласно уставу общины, который был утвержден в 1848 г., ее целью было «попечение о бедных больных, утешение скорбящих, приведение на путь истинный лиц, предававшихся порокам, воспитание бесприютных детей и исправление детей с дурными наклонностями». В состав общины входили: отделение сестер милосердия;

¹ Карпычева Л.В. Общины сестер милосердия и православная церковь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.historyosm.ru/public/article2.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).

женская больница; богадельня для неизлечимых больных; исправительная школа; пансион; приют для приходящих детей; отделение «кающихся Магдалин». В общину принимали вдов и девиц всех сословий в возрасте от 20 до 40 лет. Прежде чем получить звание сестры милосердия, женщины должны были проработать в общине в течение года. Процедура зачисления в сестры милосердия проходила в торжественной обстановке¹.

Следующая организация по уходу за больными возникла уже в Москве в результате деятельности княгини Софьи Степановны Щербатовой и врача Федора Петровича Гааза 1 апреля 1848 года, во время эпидемии холеры. Сестричество находилось в ведении Дамского попечительства о бедных, созданного С.С. Щербатовой².

Существовали сестринские общины и в провинции. В 1851 году одна из таких общин, действовавшая в городе Задонске Воронежской губернии с 20-х гг. XIX века, обратилась к митрополиту Московскому Филарету Дроздову с просьбой помочь ей законно утвердиться как Тихоновское Общество сестер милосердия. По этому поводу митрополит Филарет замечал: «И хорошо, что Тихоновское общежитие образовалось не по иностранным образцам, но в простоте духа православного и русского». Основана данная община была нищелюбивой подвижницей Матроной Наумовной Поповой (1769-1851). Еще при жизни своей старица Матрона начала хлопотать об устройении женской монашеской общины на принадлежавшем ей участке в северной части города. К сожалению, старице немного на то отпущено было времени. Попечение о благом деле продолжили Задонский соборный протоиерей Петр Алексеевский, бывший душеприказчиком Матроны Наумовны и духовные ее наследницы»³.

¹ Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М.: Издательство «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия», 2001. – С. 54-55.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 60. Оп. 99. Д. 15. Л. 3.

³ Цит. по: Ершов Б.А. Общины сестер милосердия и Православная Церковь русской провинции XIX в. // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2010. - № 11. – С. 205.

25 октября 1854 г. великой княгиней Еленой Павловной была учреждена Крестовоздвиженская община сестер милосердия. Она же стала ее первым руководителем и координатором¹.

Главным врачом и непосредственным руководителем общины стал выдающийся русский хирург Николай Иванович Пирогов (1810-1881). Он родился в Москве и уже в возрасте 14 лет поступил на медицинский факультет Московского университета, в 21 год сдал экзамен на звание доктора медицины, а в 22 - защитил диссертацию, затем несколько лет практиковался в немецких клиниках у ведущих хирургов того времени. В 1836 году Пирогов получил пост профессора хирургии Дерптского университета, позднее был переведен в Медико-хирургическую академию Санкт-Петербурга в качестве профессора госпитальной хирургии и прикладной анатомии².

Членами общины сестер милосердия становились женщины всех сословий: дочери, жены и вдовы дворян, государственных советников, чиновников, офицеров, помещиков и купцов. Наравне с ними в Крестовоздвиженскую общину принимали и женщин из низов, порой плохо знавших грамоту, однако обладавших не меньшим чувством патриотизма и желанием помогать нуждающимся, и к тому же более умелых и трудоспособных. Труд сестер милосердия требовал исключительной самоотверженности, мужества и терпения, отнимал много душевных и физических сил. Их работа не оплачивалась, община обеспечивала их лишь питанием и одеждой. Сестры помогали врачам бороться с тифом и гангреной, неотлучно находились около тяжелобольных: купали, перевязывали, кормили, писали за них письма домой. Большинство сестер сами перенесли тиф, многие, вынося раненых с поля битвы, получили ранения или были контужены³.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 210. Л. 161 об.

² Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М., 2001. - С. 64.

³ Беляева М.Д. Сестры милосердия Крымской войны – основатели культурных традиций сестринского дела в России // Молодой ученый. – 2015. - № 14 (94). – С. 391.

В жизни и деятельности сестер милосердия большую роль играл религиозный фактор. Сестринская униформа была похожа на монастырскую. Сестры милосердия не давали монашеских обетов, но в остальном их общины (устав, иерархичность и т.д.) в значительной степени копировали монашеские общины. При получении звания, сестры давали письменную присягу, в которой клялись «быть верными своему долгу христианина, служа Матери Церкви, Государю Императору и страждущим ближним»¹.

С началом Крымской войны сестры милосердия активно включились в дело помощи раненым в ходе боев. Большую роль в организации их работы сыграл Н.И Пирогов.

В Севастополь Пирогов прибыл 12 ноября 1854 г. и обнаружил, что больные и раненые содержались здесь в очень плохих условиях. Не хватало медикаментов, операции зачастую приходилось проводить без хлороформа из-за его крайне ограниченного количества. По приезде Пирогову пришлось в течение 10 дней с утра до вечера оперировать тех, кому операции следовало сделать сразу после сражения, то есть три недели назад².

Пирогов понял, что для оказания эффективной помощи раненым необходимо создавать новую систему медицинской помощи в условиях военных действий. Он был первым, предложившим использовать добровольную медицинскую помощь во время войны, и заложил основы для деятельности в России Общества Красного Креста. Создатели Международного общества Красного Креста (швейцарец Д. Дюнан и др.) тщательно изучали идеи Николая Ивановича Пирогова³.

Рассматривая войну как «травматическую эпидемию», Николай Иванович был уверен, что «...не медицина, а организация медицинской помощи играет главную роль в восстановлении здоровья раненых в период военных действий и может быть осуществлена за счет энтузиазма

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 296 лит. А. Л. 6.

² Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. – М., 1950. – С. 20.

³ Каспрук Л.И., Снасапова Д.М., Жакупова Г.Т. Историко-медицинские аспекты становления института сестер милосердия в России как развитие идей Н.И Пирогова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2014. - № 12 (341). - История. Вып. 60. - С. 44.

одержимых»¹. Этими «одержимыми» были, по его мнению, сестры милосердия, рисковавшие жизнью ради спасения раненых.

Осуществляя впервые в мире государственную организацию женского ухода за ранеными на театре военных действий, он в своих «Севастопольских письмах» писал: «... принужден признаться, что только раз в жизни, и то лишь поверхностно, в свое пребывание в Париже, посещая госпиталя, увидел там женскую службу»². Николай Иванович полагал, что это начинание французских медиков имело большие перспективы. По его мнению, женский такт, чувствительность, нравственность и контроль пойдут на пользу как в уходе за больными, так и в противостоянии попыткам злоупотреблений со стороны госпитальной администрации. Это укрепило его в уверенности активно использовать сестер милосердия в условиях военного времени³.

В конце ноября в Симферополь прибыло первое отделение сестер Крестовоздвиженской общины в количестве 28 человек под руководством Александры Петровны Стахович, вдовы майора. Пирогов не отправил их сразу в Севастополь, поскольку в осажденном городе-крепости тогда было затишье.

В Симферополе скопилось около 4 тысяч раненых и больных, уровень содержания которых был не лучше севавтопольских. Сам Пирогов так описывал их положение: «В Симферополе лежат еще больные в конюшне, соломы для тюфяков не хватает, и старая, полусгнившая солома с мочой и гноем высушивается и снова употребляется для набивания тюфяков, а бинты после перевязки едва мылись и мокрыми же накладывались на раны»⁴. В таких условиях с 1 декабря 1854 г. первое отделение приступило к своим обязанностям. «Они способнее мужчин для этих ухода за ранеными - писал

¹ Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. – М., 1950. – С. 192.

² Там же. – С. 32.

³ Каспрук Л.И., Снасапова Д.М., Жакупова Г.Т. Историко-медицинские аспекты становления института сестер милосердия в России как развитие идей Н.И Пирогова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2014. - № 12 (341). - История. Вып. 60. - С. 44.

⁴ Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. – М., 1950. – С. 31-32.

позднее другой врач севастопольского гарнизона Х.Я. Гюббенет, - которое ближе подходит к нежному женскому рукодельному труду»¹.

В это же время в херсонском госпитале служили пять сестер. Одна из них оставила краткое описание своего рабочего дня. В 8 и 12 утра - оказание помощи при перевязках; затем доктор, старшая и дежурная сестры совершали обход больных, в 6 и 9 вечера они снова перевязывали, а в полночь обе сестры участвовали в ночном обходе, и дежурная оставалась ночевать в госпитале, а старшая возвращалась на квартиру в час ночи. Здесь, как и в Симферополе, одним из главных направлений деятельности сестер был контроль за госпитальными служителями.

К 20 декабря, через три недели после прибытия, отряд сестер, размещенный в Симферополе, уже был не в состоянии выполнять свои функции. Первой причиной было перенапряжение и истощение женщин, не имевших опыта госпитальной работы. Вторая причина заключилась в начавшейся эпидемии тифа, которым переболела сама Стахович и который унес жизни еще четырех сестер. Позже, уже осенью 1855 года, папюня о печальном опыте первых сестер, Пирогов составит особую инструкцию для наиболее ревностных женщин: «Итак, вот мой совет сестрам, всем без исключения - и старшим и младшим: трудиться непрерывно для пользы ближнего, но не до изнурения сил... помня, что каждая сестра... живет уже не для одной себя только»².

Приблизительно в это же время (декабрь 1854 г.) в Симферополь приехало 60 сердобольных вдов из петербургского и московского Вдовьих домов во главе с начальницей госпожой Распоповой. Многим из них пришлось жить в холодных и сырых татарских саклях на окраине города, расположенных далеко от бараков с больными. В целом их деятельность была такой же, как у крестовоздвиженских сестер. «Их можно было видеть в палате с больными, в аптеке при получении лекарств, на кухне, надзирающих

¹ Цит. по: Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М., 2001. – С. 67.

² Там же. - С. 68.

за приготовлением кушанья, в кладовой, разбирающих белье, бинты и корпию; в Комитете раненых, сортирующих и получающих пособия и пожертвования; в транспорте, провожающих больных, из одного госпиталя переводимых в другой»¹. Вдовы писали раненым письма домой, помогали врачам при перевязках².

Несколько еще трудоспособных сестер Крестовоздвиженской общины, перенесших тиф, во главе с баронессой Э. Лоде Пирогов направил в бахчисарайский госпиталь, где было размещено около пятисот больных. Часть оставшихся сестер он предполагал отправить в Севастополь, не желая объединять их с сердобольными вдовами, чтобы избежать недоразумений, которые могли возникнуть при смешении женщин, принадлежавших к разным ведомствам. Однако в конце декабря в Севастополь уже невозможно было попасть, поскольку дорогу туда от Бахчисарая занесло снегом. Только 13 января 1855 г. из Петербурга, поскольку связь с внешним миром сохранялась, в южные районы осажденного города прибыл другой отряд сестер из 12 человек во главе с Марией Меркуровой, женой помещика.

Отряд Меркуровой распределил свою деятельность между главным перевязочным пунктом, располагавшемся в здании дворянского собрания, и временным военным госпиталем, развернутым на Николаевской батарее. Регламентируя деятельность данного сестринского подразделения, Пирогов впервые произвел разделение на три разряда: перевязочных, аптекарш и хозяек. Перевязочные сестры, помимо проведения перевязочных манипуляций, оказывали также фельдшерам помощь в изготовлении необходимых для этого материалов и медикаментов. В сферу ответственности аптекарш входило хранение лекарственных средств первой необходимости, контроль за их регулярной выдачей и сохранностью ввиду наличия нечистых на руку фельдшеров. Хозяйки следили за чистотой

¹ Там же. – С. 69.

² ЦГИА СПб. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 3078. Л. 9.

больничного белья и общим состоянием пациентов. Позже они также начали раздачу раненым и больным бульона, вина, чая и прочего провианта. Как показал опыт, профессиональное разделение сестер оказалось вполне эффективным¹.

Работа в госпиталях была крайне тяжелой, напряженной и опасной. Все сестры из отряда Меркуровой заразились и переболели тифом, двое скончались. Самой Меркуровой пришлось перенести еще и воспаление мозга. В связи с этим очень своевременным оказался приезд в северную часть Севастополя третьего отделения, состоявшего из семи сестер Крестовоздвиженской общины под руководством Екатерины Михайловны Бакуниной, дочери бывшего петербургского губернатора. Данный отряд, как и предыдущие, прибыл из столицы. Во время недолгой остановки в Москве сестры получили благословение митрополита Филарета.

Во время бомбардировки 28 марта - 6 апреля на главном перевязочном пункте по-прежнему проводились операции. «Приняв на свои плечи непосильный труд и тяжелый крест, сестры милосердия Крестовоздвиженской общины, собрав все силы, прислуживали хирургам, давали оперируемым хлороформ, следили за пульсом, держали руку или ногу, которую отрезал или пилил хирург, прижимали пальцами вместо турникета артерию, указанную хирургом, и даже налагали лигатуру на сосуд, из которого после проведения ампутации сочилась артериальная кровь. Менее выносливые для участия при производстве операций сестры милосердия ухаживали за тяжелоранеными или прооперированными, раздавали им лекарства, поили чаем или вином, брали на сохранение их личные вещи или деньги, писали под диктовку письма к родным и составляли духовные завещания для безнадежных к выздоровлению»². Сестры ставили пиявки, банки, мушки, горчичники, растирали больных

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 212. Д. 206. Л. 25.

² Цит. по: Шибков А.А. Первые женщины-медики России. - Л., 1961. - С. 43-44.

уксусом или спиртом, делали кровопускания в присутствии врачей, читали отходные по умирающим.

В начале июня Пирогов, который находился в состоянии сильного переутомления и нуждался в срочном отдыхе, уехал из Севастополя, и община временно перешла под руководство начальника городского гарнизона. Старшей сестрой госпиталя на Николаевской батарее была Е.О. Будберг. Она, осознавая необходимость отдыха для своих подчиненных, приняла решение отменить ночные дежурства, но некоторым сестрам все же приходилось продолжать оставаться ночью при раненых до конца осады.

24 и 25 августа начались последние самые тяжелые для защитников штурмы Севастополя. В этот период раненых поступало до тысячи в день. 26 августа французские части захватили Малахов курган, в результате чего Севастополь пал и был полностью занят оккупационными войсками.

В сентябре на Бельбек прибыл Пирогов. Он с сожалением увидел, что раненые, лежавшие в палатках на матрасах, постланных прямо на голую землю, сильно мерзнут по вечерам и в сырую погоду. Пирогов принял решение серьезно взяться за реорганизацию общины, деятельность которой с сентября сосредоточилась, главным образом, в Симферополе, куда было доставлено около 13 тысяч раненых, - госпитали на Бельбеке и Инкермане в сентябре же были ликвидированы¹.

Усовершенствования заключались в следующем. Под надзором общины оказывались исключительно раненые в Симферополе. Сестры были вновь разделены на три разряда, в связи с чем Пирогов 3 сентября составил особые инструкции.

«I. Сестрам-хозяйкам

Сестры-хозяйки должны преимущественно наблюдать за чистотой воздуха, белья, палат и за надлежащим качеством и количеством пищи и белья для больных». Им следовало осуществлять проветривание палат, осматривать отхожие места, контролировать порции питания для больных,

¹ Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М., 2001. – С. 86.

готовить некоторые не положенные по уставу, но дозволенные врачами блюда: бульон, манную кашу, компот и др., - а также заваривать чай и варить кофе. У хозяйки должны были храниться водка и вино, выдаваемые по предписанию врачей, и белый хлеб для раздачи в экстренных случаях.

II. Сестрам-аптекаршам.

Обязанность сестры-аптекарши заключается в наблюдении за тщательным сбережением вверенных ей наружных и внутренних медикаментов, перевязочных средств и некоторых инструментов... и в раздаче предписанных врачами средств больным». Аптекарша должна была знать названия и даже вес различных лекарств; содержать в порядке корпию (заменявший вату материал, состоявший из нитей распущенной ткани), бинты и лигатуры (нити для перевязывания кровеносных сосудов).

III. Сестрам, перевязывавшим больных, следовало готовить перевязочный материал, подкладывать под больных клеенку, чтобы не испачкать белье гноем или кровью, сообщать врачу о замеченном изменении состояния ран»¹.

Система работы общины, контроль за профессиональными способностями и нравственными качествами сестер, перевод их с одного вида работ на другой находился теперь в ведении вновь созданного комитета под руководством сестры-настоятельницы. Помимо нее в данный комитет также входили духовник и старшие сестры. Заседания комитета протоколировались и записи отсылались великой княгине Елене Павловне, что придавало повышенную ответственность работе сестер. Пирогов предлагал также создать при комитете «совестливый суд», однако прибегать к суровым мерам приходилось крайне редко. Было указано, что «в комитете отныне рассматриваются поступки и действия провинившихся и замеченных в неисполнении их обязанностей, решается большинством голосов, как должно поступить с виновною и объявляется в зависимости от проступка -

¹ Цит. по: Максименков А.Н. Н.И. Пирогов - организатор женской помощи на театре войны // Советская медицина. - 1950. - № 12. - С. 29-31.

выговор, устранение от должности временное; снятие креста временное; удаление из Общины без аттестата и с худым аттестатом». Впрочем, был устроен лишь один «совестный суд», по которому решение было вынесено единогласно: «Оставить без внесения в протокол»¹.

Наконец, по просьбе Пирогова, покровительница общины учредила новое особое отделение сестер - транспортное, которое следует рассмотреть более подробно.

Проблема транспортировки раненых и больных уже давно была одной из наиболее острых. Еще в декабре 1854 г. Пирогов отмечал недостаток средств передвижения, в связи с чем больные скапливались в различных мало пригодных для их содержания местах и возникала угроза эпидемий. Раненые могли сутками оставаться без пищи, лежали днем и ночью на голом полу без матрасов и белья. Их зачастую перевозили без теплой одежды на открытых телегах по разбитым дорогам. В подобных условиях даже самые легкие раны могли приобретать опасные формы².

В сентябре положение не изменилось. Самому Пирогову приходилось по несколько часов простаивать при отправке транспортов. В любую погоду, днем и ночью, он ходил в отдаленно расположенный лагерь больных и раненых. Теперь Пирогов принял решение отправлять с транспортом сестер милосердия, и поставил Бакунину во главе нового отделения. 15 сентября в Бахчисарае он составил для нее инструкцию из шести пунктов, целью которой было избежание возможных ошибок.

Первый транспорт в сопровождении доктора, двух фельдшеров, офицера и трех сестер под начальством Бакуниной из отправился Симферополя до Перекопа в сентябре 1855 г. На почти 140 подводах, запряженных медленно шедшими волами, было устроено нечто наподобие кибиток, крытых рогожей, на каждой ехало четверо раненых или трое тяжелораненых. Среди этих почти полутысячи больных больше половины

¹ Цит. по: Максименков А.Н. Н.И. Пирогов - организатор женской помощи на театре войны // Советская медицина. - 1950. - № 12. - С. 29-31.

² РГИА. Ф.1288. Оп. 14. Д. 115. Л. 12.

нуждалось в регулярных перевязках. Расстояние в 130 верст до перекопского госпиталя, располагавшегося в здании жандармской казармы, обоз прошел за шесть дней¹.

Одной из главных функций сестер в Крыму был контроль за госпитальными служителями. Они должны были не допускать расхищения имущества и прочих злоупотреблений. Осенью 1855 года по инициативе Пирогова и одной из старших сестер Елизаветы Петровны Карцевой был отдан под следствие смотритель симферопольского госпиталя и за неделю запущенный лазарет был приведен в надлежащее состояние, после чего были введены контрольные дежурства сестер.

Высокий нравственный уровень и принципиальность сестер милосердия позволили в значительной мере уменьшить злоупотребления, что положительным образом сказалось на уходе за ранеными.

Николай Иванович поручил сестрам раздачу денежных пособий. В период Крымской войны тем солдатами и матросам, у кого не было ноги, давали 50 руб., у кого отсутствовала рука - 40 руб., у кого не было обеих конечностей - 75 руб. По тем временам это были значительные суммы, на которые инвалиды могли завести собственное хозяйство. «Наши раненые просят взять деньги на хранение, - вспоминала Екатерина Бакунина, - но, приняв, надо записать все аккуратно: имя, полк, родину, родных. У меня в один день собралось до 2000 руб. серебром, и как страшно было их беречь: ведь не имели мы сначала ни комодов, ни сундуков»².

С 20 октября общину возглавила Екатерина Александровна Хитрово, прибывшая из Одессы, где ранее служила настоятельницей Общины отделения сердобольных вдов. Другой главной помощницей Пирогова в деле управления общиной была Елизавета Петровна Карцева. С ее прибытием в Симферополь «была достигнута настоящая гармония в воззрениях и действиях общины», хотя Карцева была более молодой и неопытной по

¹ Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М., 2001. - С. 88.

² Цит. по: Захаров И.С. Николай Пирогов: хирург, педагог, реформатор. - СПб., 1997. - С. 213.

сравнению с Хитрово и Бакуниной. Три вышеупомянутые сестры, по словам Пирогова, явились тремя столпами преобразованной женской организации¹.

Бакунина после неожиданной смерти Е.А. Хитрово от тифа 2 февраля 1856 года, на Сретение, стала третьей настоятельницей общины. «Она точно составляла слиток всего возвышенного. Чем более встречала она препятствий на своем пути самозабвения, тем более выказывала она ревности и энергии. Она покорялась только тому, в чем могла убеждаться сама, обсудив полезную сторону дела; поэтому все ее действия были самостоятельны и отчасти даже деспотичны»² - вспоминал о ней Пирогов. Эта «деспотичность» проявлялась в решительном и часто суровом поведении Екатерины Александровны по отношению к госпитальным служителям и раненым в делах организации работы и соблюдения дисциплины. Такие действия были продиктованы не личной жестокостью, а желанием улучшить положение дел, не допустить злоупотреблений³.

Всего согласно официальным спискам в общине на время войны состояло 160 сестер, 11 из которых скончалось. Кроме подразделений, работавших в Крыму, существовал еще небольшой отряд в Гельсингфорсе (Хельсинки), поскольку часть боевых действий еще разворачивалась у финского побережья, но по сравнению с Крымом там было гораздо меньше раненых.

Во второй половине 1856 года большая часть военно-временных госпиталей в Крыму была расформировано, а сестры были отправлены на постоянные квартиры в Крестовоздвиженской общине или на место своего жительства. За особые заслуги комитетом общины была учреждена награда - памятный серебряный крест с позолотой, не предназначавшийся, однако, для ношения, и денежная премия от 100 до 250 рублей. 158 сестер были награждены бронзовыми медалями. В августе 1856 г. из Симферополя

¹ Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М., 2001. - С. 90.

² Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. - М., 1950. - С. 206.

³ Ф. 797. Оп. 44. Отделение 2. Стол. 3. Д. 254.

отбыл отряд сердобольных вдов, из которых 12 человек скончалось от сыпного тифа¹.

Крестовоздвиженская община внесла наиболее значительный вклад в помощь раненым и в развитие сестринского дела. Сестры милосердия стали примером беззаветного служения долгу и милосердия, заслужив уважение в обществе.

В 1867 г. на основе Крестовоздвиженской общины в Петербурге было основано Российское общество Красного креста, главной целью которого стала помощь раненым и больным воинам, а также военнопленным.

В 1871 г. военное министерство учредило «Правила для сестер милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными в военных госпиталях». На сестер возлагались преимущественно функции контроля за фельдшерами, правильным соблюдением врачебных предписаний, раздачей и приготовлением пищи и т.д. А с 1873 г. сестры, состоявшие в штатах госпиталей, приказами по военному ведомству приравнивались к офицерскому составу в пользовании помещением, питанием, бытовыми услугами. Штаты сестер милосердия в госпиталях утверждались из расчета 1 сестра на 100 больных².

В России впервые в мире сложилась собственная традиция женской помощи больным и раненым военнослужащим во время боевых действий, благодаря которой удалось сохранить жизни и облегчить страдания сотням тысяч солдат и офицеров российской армии. Не менее важное значение имел и нравственный опыт женщин – сестер милосердия и возможность реализовать себя в тяжелых условиях военного быта. Да и сам факт самостоятельного участия женщин в работе медицинских учреждений был невиданным для России явлением, вызывая толки в обществе, раскрывая

¹ Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М., 2001. - С. 91.

² Щербинин П.П. Правовая регламентация деятельности сестер милосердия в период войн России XVIII – начала XX вв. // Проблемы российской истории в исследованиях тамбовских ученых: сб. статей. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2010. – С. 38-39.

новые грани применения женского труда и общественной деятельности в годы войны.

Более того, служение женщин в госпиталях служил дополнительным доказательством того, что равноправие полов в период защиты страны – явление не только удивительное, но и несущее огромную пользу. Все это вносило новые веяния в систему социальных, общественных и межличностных отношений. Таким образом, общины сестер милосердия стали первыми женскими общественными медицинскими организациями, созданными по частной инициативе, и являлись неотъемлемой частью женского движения в России, свидетельствовали о процессах женской эмансипации¹.

Самоотверженное служение сестер милосердия на театре военных действий в период Крымской войны привело к серьезным переменам во взглядах общества на положение и роль женщины. Во-первых, сами сестры милосердия сумели преодолеть внутренние сомнения, реализовав свои намерения по оказанию помощи защитникам Отечества в тяжелых и опасных боевых условиях. Для многих современников стало очевидно, что без участия сестер милосердия в спасении больных и раненых военнослужащих многие из них были бы обречены на гибель и мучения. Помощь пострадавшим от военных действий военнослужащим и гражданскому населению, оказывавшаяся сестрами милосердия в период Крымской войны 1853-1856 гг., явилась прообразом деятельности будущего общества Красного Креста, первым шагом к Женевской конвенции 1864 г. и становлению международного гуманитарного права.

Сестры милосердия наглядно продемонстрировали обществу и власти эффективную модель организованной помощи раненым и больным в боевых условиях и сформировали основы военного сестринского дела. Героическое участие сестер милосердия в Крымской войне привело к зарождению вспомогательного медицинского персонала.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Отделение 2. Стол. 3. Д. 132. Л. 45.

Зарождение сестринских обществ в России происходило в православных монастырях и их деятельность в XIX в. имела много общего с монастырской жизнью. Большинство сестер милосердия в то время являлись православными христианками. Церковные деятели относились к деятельности общин с одобрением и оказывали им поддержку. В штатах многих общин состояли священнослужители.

Глава 3. Роль Русской Православной Церкви в освобождении народов Балканского полуострова в ходе Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

3.1. Участие церковнослужителей в обсуждении целесообразности начала военных действий

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. выделяется на фоне других военных конфликтов, в которых участвовала Россия в XIX в. Отличие состоит, прежде всего, в целях и задачах. Все остальные войны данного столетия диктовались исключительно интересами Российской Империи по присоединению новых территорий или оборонительной политикой в условиях неприятельского нападения. Эта же война велась не только не на русской территории, но даже и не на границе сопредельного государства. По сути, Болгария была для России дальним зарубежьем. И все же она вела эту войну с вполне определенной и, безусловно, благородной целью.

Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. стала одним из важнейших событий в истории православных народов Балканского полуострова, которые на протяжении столетий находились в составе Османской империи и подвергались значительным притеснениям по национальному и религиозному признаку. Любые попытки увеличить степень самостоятельности жестоко пресекались турецкими властями. России в результате этой войны удалось освободить миллионы православных славян от османского ига, а также значительно укрепить свои внешнеполитические позиции, которым был нанесен немалый ущерб в результате поражения в Крымской войне 1854 – 1856 гг.

Поводом для начала войны послужило Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии, целью которого было обретение национальной независимости. Данное выступление было сурово подавлено османскими властями с участием регулярной армии и иррегулярных частей (башибузуки), которые проявили особую жестокость. Сотни населенных пунктов были сожжены и

разграблены, десятки тысяч человек убиты, включая женщин, стариков и детей. Методы, которые применялись при подавлении восстания, вызвали возмущение во многих цивилизованных странах. Особое влияние данные события оказали на русское общество. Российская империя традиционно сохраняла дружественные отношения с подконтрольными Османской империи славянскими народами Балкан и прилагала все усилия для расширения их автономии и последующего обретения независимости¹. Для Русской Православной Церкви эта война имела особое значение, поскольку речь шла об освобождении огромных территорий, заселенных преимущественно православным населением. Соответственно, религиозный и панславистский аспект данной войны имел большое значение наряду с политическими и экономическими причинами.

Под влиянием исторической и религиозной общности со славянскими народами Балкан в тот период доминировала панславистская точка зрения, согласно которой Россия на Балканах выполняла и выполняет свою историческую миссию.

Одним из идеологов борьбы с Османской империей за освобождение славян был русский писатель и публицист, представитель крайне правых взглядов В.П. Мещерский, являвшийся редактором-издателем журнала «Гражданин». В своей работе «Правда о Сербии» Мещерский неоднократно утверждал, что война с Турцией - «...Божьей милостью война за идею». Дdiamетрально противоположные утверждения Мещерский категорически не воспринимал: «Людам, выражающим сомнения в том, что движение умов в пользу славян имеет истинно народный характер, я бы посоветовал прочитать хотя бы небольшую часть писем, получаемых И.С. Аксаковым как председателем Славянского комитета из разных концов и от разных лиц нашего государства. Именно в Москве, являющейся средоточием русской жизни, возможно это сочувствие в том виде, в каком оно проявляется». Доказывая свое утверждение о том, что он не одинок, Владимир Петрович

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Отделение 2. Стол. 3. Д. 64. Л. 23.

приводил большое число высказываний представителей русского общества о предстоящей войне: «Пишет купец из своей лавки на Нижегородской ярмарке: «Да когда же, Бога ради, мы вступимся за братьев посильнее да подействительнее». Вот другой купец пишет из сибирской глуши: «А нельзя ли всем верноподданным сказать императору, что мы готовы до последнего идти за веру, царя и отечество, куда и на кого он прикажет». Тут священник из отдаленного прихода пишет: «Посылаю деньги и пожелания всех прихожан, чтобы Бог услышал наши молитвы – и повел нас на избавление братьев от гнета, скорби и печали». Здесь студент пишет: «Посылаю, что могу, пока сам не приеду в Сербию»¹.

Кроме того, представители российской общественности Н.И. Пирогов, Д.И. Иловайский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и другие считали, что в обязательном порядке необходимо вести войну до победного конца².

Русская Православная Церковь не только заботилась о своевременных и постоянных пожертвованиях страдавшим славянам, но и благословила русских добровольцев идти на ратный подвиг - бороться вместе с восставшими братьями по вере и крови. Вслед за первым русским добровольцем генералом М.Г. Черняевым систематично, два-три раза в неделю, они отправлялись в Сербию. Среди них и отставные офицеры, и бывшие солдаты, и молодые отцы семейств. Среди добровольцев были и духовные лица, побуждаемые ехать в Сербию тем же сочувствием, какое охватывало весь русский народ. «Тебе, отец протоиерей, - напутствовал отъезжающего оставшийся священник, - предстоят трудности в твоём военно-пастырском служении, и не легкие. Тебе придется, кроме совершения бескровной жертвы, днем и ночью предавать земле тела христиан, убитых

¹ Мещерский В.П. Правда о Сербии. – СПб., 1877. – С. 20-21.

² Кочуков С.А. Россия сосредоточивается (к вопросу о подготовке военной кампании против Османской империи) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 15. – 2013. - №5. – С. 29.

турецкой пулей. Может быть, тебе придется с святым крестом в руках воодушевлять сербское воинство на битву»¹.

При отправлении добровольцев совершались напутственные молебны. Добровольцев окропляли святой водой, осеняли святым крестом, вручали им святые иконы, имена их записывали для ежедневного поминовения на проскомидии и у Престола Божия. В конце молебнов произносились многолетия светским и духовным властям, князьям Сербскому Милану и Черногорскому Николаю, воинствам, российскому и славянскому, и, наконец, отъезжающим, как говорили в народе, на «братскую защиту». Все присутствовавшие при молебне прямо из храма отправлялись на вокзал Варшавской железной дороги, чтобы еще раз взглянуть на «спасителей славян». «Там, на берегах и в долинах этих рек, ручьями льется невинная христианская кровь наших братьев по вере, по духу, по плоти и по крови - славян. Жестокие враги и притеснители их решились истребить их, по видимому, до последнего человека. Они лишают их всего имущества, подвергают их всевозможным истязаниям и мучениям и жестоким образом убивают их. Десятки и сотни селений и деревень их безжалостно предаются огню. И все это за то, что они - эти наши братья - христиане! За кого же идете вы сражаться? - Вы идете сражаться за христиан, и притом за православных христиан, за наших братьев славян... Вы идете на брань за веру православную, за Христа» - говорил священник в своем напутственном слове².

Рассматривая мотивы русского народного и, в частности, церковного движения за свободу славянства, «Церковный Вестник» свидетельствовал в 1876 и 1877 годах: «Многие говорили и говорят о причинах настоящего движения: указывают на влияние печати, на деятельность славянских комитетов, на силу племенной связи и исторических традиций русского народа, который некогда не менее теперешних славян страдал от неверных и

¹ Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. Сб. 28. – 1987. – С. 136.

² Там же.

т. д. Все эти причины действительно влияли... на пробуждение русского сочувствия к делу славян, но основные мотивы народного движения... скрывались в самом народе». «По нашему разумению, - заявлялось в другом номере «Церковного Вестника», - современное общественно-народное возбуждение проистекает: 1) из единства веры и вероисповедания; 2) из родства племенного и 3) из общих психических свойств славянской природы вообще и русской в особенности»¹. Целый ряд иерархов Русской Православной Церкви, священников и церковных учреждений немедленно выступили с воззваниями к духовенству и пастве спасти болгарский народ. В своих обращениях они не только свидетельствовали о страданиях болгар, не только выражали им свое искреннее сочувствие, но и призывали оказать им необходимую действенную, ощутимую помощь. «Теперь восстание не ограничивается уже Боснией и Герцеговиной, но открылось и в Болгарии, - говорил после окончания Божественной литургии молящимся архиепископ Донской и Новочеркасский Платон. - Кто же окажет необходимую помощь бедным славянам в помянутых областях? - Таковую помощь должны оказать им мы, русские - братья их по вере и крови... Апостолы говорят нам: «Служите каждый друг другу тем даром, какой получили от Бога и, доколе есть время, старайтесь делать добро всем, а наипаче своим по вере» (1 Петр. 4, 10; Гал. 6, 10). Из этого видно, что мы, русские - православные, действительно имеем особенный, Богом назначенный нам, долг пещись о соплеменниках и единоверных братьях наших, страждущих ныне в турецких областях, и поэтому обязаны без отлагательства оказать им необходимую помощь»².

В придворных кругах образовалась особая «партия действия», во главе которой стоял наследник престола будущий император Александр III. К этой «партии» принадлежал граф Н.Н. Игнатьев - русский посол в Константинополе. Участники этого объединения считали необходимым для

¹ Цит. по: Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. Сб. 28. - 1987. - С. 142.

² Там же. - С. 146.

оказания помощи балканским славянам вступление России в войну с Турцией¹.

12 апреля 1877 г., в день подписания императором Александром II манифеста, объявлявшего войну Турции, Болгарский центральный комитет обнародовал воззвание к болгарам, в котором, в частности, говорилось: «Изнывая под вековым варварским игом, мы не однажды в тяжелые минувшие годы подымали знамя свободы, и еще в прошлом году отчаянной борьбой мы протестовали против векового рабства. Но зверские турецкие полчища в крови потопили наш протест и каннибальски отпраздновали свою победу теми неслыханными и ничем не оправдываемыми свирепыми насилиями и жестокостями, от которых содрогнулся весь мир. Наши села выжжены, наши матери, жены и дети обесчещены, и невинные жертвы, плавая в крови, покрыли своими трупами наши поля и нивы. Целый год несли мы этот крест мученика, но в этой юдоли горя и неволи одна светила нам надежда, которая нас укрепляла в наших страданиях. Эта надежда нас ни на минуту не оставляла, эта надежда была в великой православной России... Мы не вотще верили в эту могучую помощь... Наступил час... Русские ополчились бескорыстно за наше освобождение, как и прежде ополчились они за свободу сербов, румын и греков»².

Влиятельный богослов епископ Феофан (Говоров), размышляя по Восточному вопросу, считал, что лучше было бы все уладить без войны. «Войны для войны нечего желать, - писал он в январе 1877 г., - но если без нее нельзя поставить на ноги наших, а только кое-что им доставить, то лучше уж война»³. В вооруженном конфликте на Балканском полуострове в середине 70-х гг. XIX в. в полной мере проявились все достоинства и недостатки русских профессиональных военных - офицерства. Ни в одной войне до русско-турецкой 1877-1878 гг. русский офицерский корпус не играл

¹ ГАРФ Ф.730. оп. 1, д. 1717. Л. 3-4.

² Воззвание к болгарскому народу // Церковный вестник. - 1877. - № 18. - С. 5.

³ Цит. по: Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. Сб. 28. - 1987. - С. 147.

такой важной роли. Если до 1875-1878 гг. командный состав армии был, по сути, лишь исполнителем воли правящей имперской элиты, то с момента назревания очередного Балканского кризиса офицерский корпус перестал быть исключительно силовым орудием в руках официального Петербурга.

Русские офицеры в данный период интересовались не только профессиональными, сугубо военными вопросами. В это время значительно увеличился уровень образования и общего развития большей части офицерства. В сферу их интересов входили вопросы культуры и искусства, а также внешняя и внутренняя политика. Русское офицерство рассматривало надвигающиеся события на Балканах с точки зрения изменения внешнеполитического положения страны в данном стратегически важном регионе, в основной массе своей разделяя взгляды относительно особой исторической миссии России в деле освобождения и объединения под своим влиянием славянских народов. События середины 70-х гг. XIX столетия на Балканах сыграли существенную роль в изменении самого облика русского офицера¹.

Знаменитая военная реформа 60-70-х гг. XIX в., проведением которой руководил военный министр Д.А. Милютин, началась именно с изменения самой системы подготовки офицерских кадров. Г. Плеханов, учившийся в Константиновском военном училище, писал: «С тех пор как военным министром был назначен Милютин, началась поистине новая эра: шагистику почти отставили... преподавание стало осмысленным, программа учебных заведений значительно увеличилась, телесные наказания почти совсем вышли из употребления»².

Соответственно, с увеличением уровня грамотности и закрепощенности офицеров росла и их заинтересованность в участии в

¹ Кочуков С.А. Армия и общество в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. - № 8 (14). – С. 121.

² Цит. по: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал. - М.: Наука, 1973. - 616 с.

судьбе страны и общества. Обособленность офицерства от общественной жизни все более уменьшалась. В данный период можно было уже говорить об офицерском корпусе как о важной составляющей части общественной структуры государства. Русские офицеры, и не только гвардейские, имели немало «светских обязанностей». Они вращались в «высшем свете» наряду с представителями гражданской власти, их интересовали те же проблемы, что и все остальное общество.

В 70-е гг. XIX в. самой насущной и, безусловно, интересной темой для обсуждения и в «свете», и в армейских кругах стал именно Балканский вопрос. Для русских офицеров он стал интересен еще и тем, что открывал перспективу для своеобразного реванша за унижение в Крымской войне и по результатам Парижского мирного договора. Вряд ли можно полагать, что война была воспринята русскими офицерами как некая данность свыше. Они живо интересовались событиями на Балканах задолго до вооруженного конфликта с Османской империей, следили и за ходом национально-освободительного движения в Сербии, Болгарии и Черногории. То, что «надо заступиться... беспрерменно надо помочь», в сознании русского офицерства являлось совершенно очевидным.

С момента начала освободительного движения на Балканах в России прослеживается стремление организовать добровольческое движение в поддержку славян. Среди добровольцев, отправившихся на Балканы, числилось 640 офицеров. Немалое влияние на мировоззрение русского офицера по отношению к Балканской проблеме и возможной войне с Турцией оказывали так называемые «командировки в зарубежные страны», то есть волонтерское движение в 1875-1876 гг. на юге Европы. Основная масса офицерского корпуса ожидала разрешения Восточного вопроса в виде русско-турецкой войны, в том числе и для того, чтобы хоть как-то изменить

свою устоявшуюся «скудную событиями» жизнь¹. Распространенные в русском обществе идеи освобождения братских христианских народов поддерживались и командным составом армии. Один из офицеров писал по этому поводу: «Ввиду постоянного усиливающегося волнения на Балканах всякому не посвященному в тайны политики становится ясно, что с наступлением весны там должно вспыхнуть всеобщее волнение христиан против своих мусульманских властителей. На этот раз дело уже не ограничивается испрашением каких-нибудь прав, прекращением некоторых злоупотреблений, а восстание будет иметь целью совершенное освобождение христианских племен от турецкого ига. Для России такое разрешение восточного вопроса было бы как нельзя более желательным не только с точки зрения ее собственных интересов, но и для того, чтобы обеспечить успех этого выступления и возможность открытого вмешательства в дела Турции². В том случае, если попытка помочь этим племенам освободиться от Турецкого ига окончится неудачно, Россия должна немедленно принять меры, чтобы доставить им все средства, необходимые для того, чтобы выйти победителями из предстоящей борьбы»³.

Русский офицерский корпус рассматривал развитие балканских событий с оптимистических позиций: большинство полагало, что предстоящая война с утратившей свое было могущество Османской империей не потребует значительных усилий и продолжительного времени. По мнению современников, «подъем духа в армии и в обществе был значительный и наше офицерство, а тем более юная молодежь, с нетерпением ожидало начала военных действий и жаждало участвовать в популярной войне за освобождение своих братьев из-под всякого ига

¹ Кочуков С.А. Армия и общество в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. - № 8 (14). – С. 122.

² РГВИА Ф. 14877, Оп. 1. Д. 2648. Л. 32.

³ Цит. по: Кочуков С.А. Армия и общество в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. - № 8 (14). – С. 122.

неверных»¹. Эмоциональные воспоминания оставил офицер Д. Озеров: «Сильное возбуждение охватило выпускной класс пажей весной 1877 года, когда была объявлена война Турции. Мы все горели желанием как можно скорее оказаться на войне, сразиться за веру православную и за братьев славян. В нас бурлила жажда славы, жажда пострадать за Родину. ...После литургии, за напутственным молебном, наши родные, знакомые и даже не знакомые плакали и умилялись, глядя на нас, юнкеров, одетых с иголки офицеров, а мы уже чувствовали себя закаленными в боях, опытными воинами»².

На следующий день после подписания манифеста Святейший Синод в полном составе совершил в Исаакиевском соборе Петербурга молебен об успехе русского оружия в начавшейся войне. Перед молебствием протоиерей И. Янышев сказал глубоко прочувствованную речь, в которой выразил общее мнение присутствовавших. «Вся Россия, - русское же христоролюбивое воинство впереди всех, - говорил он, - призываются ныне к великому и святому делу: улучшить быт христианского населения Турции... Мы - русские - прежде и больше других христианских народов должны помочь страдающим христианам на Востоке... Для нас, и как русских и как христиан, бездействие означало бы то же, что измена своему народу и христианскому призванию... Мы не могли бы оставаться ни русскими, ни христианами, если бы оказались равнодушными к своим братьям по крови и по вере... Меч поднимается не из-за дикой страсти к войне, которая так несвойственна миролюбивому характеру всего русского на рода, а для защиты невинно страдающих от этой страсти, и не затем, чтобы увеличивать свои земли, которых у русского народа более, чем он может обработать их, а затем, чтобы возвратить отнятое у наших ближних, обеспечить им то, что им искони принадлежало и дать им возможность мирного существования и преуспеяния... Жить, так жить вместе, а умирать, так и умирать всем вместе -

¹ Там же.

² Озеров Д. На поле битвы (из воспоминаний офицера). – СПб., 1897. – С. 3.

вот голос, достойный истинно славянского, а тем более христианского братства!»¹.

Торжественно проходило обнародование манифеста в Кишиневе - месте его подписания. Вблизи города на поле были построены войска, куда прибыл и император с главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. Епископ Кишиневский Павел вскрыл врученный ему пакет с манифестом. Войска обнажили головы. То же сделала и собравшаяся масса народа. В манифесте, в частности, говорилось: «Все наши подданные знают о том активном участии, которое мы всегда принимали в судьбах угнетаемого христианского населения Османской империи. Желание обеспечить и улучшить его положение разделял с нами и весь русский народ, выражающий ныне готовность принести новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова.

...Изначально мы стремились достигнуть облегчения участи восточных христиан путем мирных переговоров, стремясь убедить Порту в необходимости преобразований, которые могли бы избавить христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от произвола султанской администрации. Однако наши усилия не привели к желаемой цели»². Слова манифеста были выслушаны в тишине, после чего соборно совершили молебен. Торжественно пропели «Христос воскрес из мертвых», «С нами Бог! Разумей те языцы и покарайтесь, яко с нами Бог!» Когда же в конце молебна возгласили: «Преклоньше колена помолимся», войска склонились к земле. При пении «Спаси, Господи, люди Твоя» епископ окропил войска святой водой. Епископ сказал напутственное слово, в котором призвал войска самоотверженно идти на предлежащий подвиг, и благословил их святыми

¹ Речь, сказанная в Исаакиевском соборе протоиереем И. Янышевым // Церковный вестник. – 1877. - № 15. – С. 1-3.

² Цит. по: За братьев славян. Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. / Составители капитан Попов и поручик Ив. Митропольский. - М.: Т-во типо-лит. Владимир Чичерин в Москве, 1902. – С. 13.

иконами. Со всех сторон понеслось мощное: «Ура! За братии! За святое дело! За веру Христову! За свободу славян!...»¹.

Церковь традиционно выступала против насилия, но в то же время признавала необходимость в крайнем случае благословить народ и армию на справедливую освободительную войну. «Война многотрудна, - размышлял в те дни епископ Феофан (Говоров), - но судя по тому, что войной можно взять больше, чем предназначается без войны, - и столько больше, что можно в силу ее целый народ поставить на ноги; ...судя по общему нашему воодушевлению... - судя по всему этому, я никак не удерживаюсь от желания войны, хоть и от войны мороз по коже подирает... Божий покров сильнее всех человеческих средств. Но и Бог чрез людей же действует. Если в Божиих есть намерениях теперь же дать льготу братьям нашим, то конечно Он не оставляет дать о том свидетельство среди людей же. Охватившее нас воодушевление не есть ли Божие в нас действие? И сознавая это, не должны ли вместе сознать, что этим движением Бог говорит нам: вам поручаю освободить этих страждущих! Можем отказаться! Бог никого не нудит. Но будем ли мы безвинны, не вняв Божиим манованиям? Бог найдет и без нас исполнителей Его воли. А нам стыд... Все такие мысли прямо ведут к решению: хочешь не хочешь, а ступай воевать, мать Русь православная»².

К.Е. Скурат по этому поводу пишет: «Хотя в изложенном уже можно видеть, что, кроме стремления вы рвать братьев славян из-под османского ига, Русская Православная Церковь имела весьма важные и специально-церковные интересы, но к последнему нужно добавить несколько слов. Все Поместные Православные Церкви составляют Тело Христа Спасителя, одно органически связанное целое. Прямой интерес и долг каждой Церкви - охранять это целое в полноте. И Святая Церковь как мощная защитница Православия не отступила от своего долга. Иначе она изменила бы любви Христовой, нанесла бы раны на Телу Богочеловека, все члены Которого

¹ Там же.

² Цит. по: Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. Сб. 28. - 1987. - С. 149.

должны пребывать в единстве духа (Еф. 4, 3), нести во имя святого Христова братства тяготы других и быть готовыми пожертвовать во имя этого братства и самой жизнью (Ин. 15, 13). Выполняя же этот святой долг и стремясь к достижению общецерковных интересов, наша Церковь внесла достойный вклад в освобождение Балкан. Сам Глава Церкви Господь наш Иисус Христос, - говорил архиепископ Волынский и Житомирский Димитрий воинам при их выступлении в поход, - «призывает вас вступить и споборать Ему за святое имя Его... за Святую Церковь Его... за Святой Крест и Гроб Его... Какой подвиг славнее сего подвига? Какая брань священнее сей брани?»¹.

С первых же дней военных действий Русская Православная Церковь горячо молилась о торжестве русского оружия, о том, чтобы Податель жизни и Победитель смерти укрепил христолюбивое воинство, даровал ему силу совершить начатое во славу Божию и во благо балканских народов, и, совершив великое дело, вернуться домой. На страницах своей печати она систематически сообщала о ходе военных действий на Балканах². Во время смущений в русском обществе от наших неудач под Плевной Русская Православная Церковь незамедлительно выступила с ободряющим словом - она обратила внимание соотечественников на то, что эти неудачи имеют частное значение и потому не составляют сущности дела или общего положения. А в этом плане нет оснований для тревожных опасений и уныния. За время течения войны это первые большие наши жертвы, между тем как враги понесли целый ряд утрат. Русские войска только разворачиваются к решительной битве, а османские доведены до крайнего напряжения. Подвиг русского воина свят, потому он и труден, цель его священна, потому она и будет достигнута. С целью сохранения и поднятия боевого духа армии церковная печать рассказывала о храбрости русских

¹ Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. Сб. 28. - 1987. - С. 150.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 31. Д. 18а. Л. 2.

солдат и офицеров, целых полков и лично генералов, подчеркивая их нравственную силу¹.

Когда на Западе попытались очернить русских солдат за их якобы «варварские» поступки и этим самым подорвать к ним доверие, Русская Православная Церковь раскрывала перед мировой общественностью высокие духовные качества нашего солдата, и прежде всего его глубокую веру в Бога, а как следствие ее - высокое христианское человеколюбие к побежденному врагу, взятому в плен, раненому. Духовно укрепляя русского солдата в его ратном подвиге и поддерживая его воинскую славу, Церковь скорбела во время неудачных сражений и радовалась победному освобождению балканских народов, приветствовала победы и звала к новым свершениям. Как великие праздники она отмечала переход русских войск через Дунай и освобождение плененных городов. Особенно проявилась радость по случаю взятия Плевны. Как только весть о сдаче Османа-паши с армией дошла до Петербурга, у часовни Гостиного двора поздно ночью был совершен благодарственный молебен. На следующий день молебствие было совершено в Исаакиевском соборе. Несмотря на свои огромные размеры, собор не смог вместить всех молящихся. С таким же количеством верующих была вознесена благодарственная молитва и в Москве святителем Иннокентием.

Вовлеченность Русской Православной Церкви в судьбы балканских народов была настолько велика, что ее служители выступали с советами, как вести бой. Со страниц церковной печати православные люди слышали и мудрые слова о правилах боя опытного генерала Гурко, командовавшего отрядом гвардии под Плевной, с 70-тысячным отрядом совершившего переход через Балканы, занявшего Софию и разбившего турок под Филиппополем. С целью поддержания в русском обществе стремления к скорейшему освобождению балканских народов Русская Православная Церковь на страницах своего официального органа еженедельно, под

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 226. Л. 3.

специальными рубриками «Что делается в Турции с христианами» и «Скорбная летопись христианского востока», свидетельствовала о страданиях христиан под османским игом¹.

На основании изложенного материала можно сделать вывод, что Русская Православная Церковь сыграла значительную роль в подготовке общественного мнения и в планах командного состава армии накануне и в годы данной войны. Церковными деятелями была развернута широкая пропагандистская кампания с целью привлечения внимания власти и общественности к проблеме угнетения братских православных славянских народов. Церковь поощряла сбор пожертвований и оказание всей возможной помощи активистам, выступавшим за уменьшение османского влияния на свои страны или за полное освобождение от него. Было налажено активное взаимодействие с православными иерархами Балканских стран. Данная война имела для Церкви большое значение, поскольку речь шла об освобождении братских православных народов, подвергавшихся дискриминации на религиозной основе. Избавление христианских народов Балкан от власти Османской империи означало рост числа православных стран, и, соответственно, укрепление позиций православия в мире.

¹ Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. Сб. 28. – 1987. – С. 150-155.

3.2. Особенности церковно-приходской жизни в военных гарнизонах

Во второй половине XIX в. повседневная служба военного духовенства, как в мирное, так и в военное время, в силу своей специфики, заметно отличалась от деятельности приходского духовенства.

В мирное время служба военного духовенства протекала примерно следующим образом. В зависимости от места расквартирования подразделения полка могли быть разбросаны по округе на значительном расстоянии. В связи с этим религиозные обряды могли совершаться нерегулярно, по мере надобности. Исключения составляли полковые и гарнизонные церкви в крупных городах, где службы велись постоянно.

Наиболее напряженный период для священников выпадал на время Великого поста. Пастыри были заняты совершением богослужений и приготовлением паствы к исполнению исповеди и причастия. В это время численность прихожан возрастала, так как прикомандировывались части, не имевшие своего священника. С окончанием поста напряженность в работе ослабевала, и деятельность военных священников входила в обыденные рамки: богослужения, проповеди и требоисполнения, если в них возникала необходимость.

Летом, при выступлении воинской части в лагеря, для полкового священника наступало время отдыха. Полковые священники не привлекались к участию в маневрах и учениях. С наступлением осени (окончание лагерных сборов) во всех частях начинались зимние занятия. В это время в обязанности военного духовенства входило проведение занятий по Закону Божию в учебных командах, ротных школах, школах подпрапорщиков и подхорунжих, общие внебогослужебные беседы и отдельные с сектантами и староверами, религиозно-нравственные чтения¹. Произошли также значительные изменения в условиях службы опекаемых военным

¹ Богуславский И., протоиерей. Братское собрание военного духовенства в Санкт-Петербурге 17-го ноября 1908 года (продолжение) // Вестник военного духовенства. - 1909. - № 3. - С. 85.

духовенством солдат и в уровне их личностного развития. Начало масштабного применения нового дальнобойного и скорострельного оружия сильно повлияло на развитие тактики пехоты и стало определяющим фактором для выработки новых требований к подготовке солдат. Вместо прежнего, доведенного до совершенства механического однообразия действий в строю на первый план вышла подготовка каждого конкретного бойца к ведению боя в индивидуальном порядке.

Это была одна из главных задач военной реформы, начатой под руководством Военного министра генерал-адъютанта Милютин. Указанные нововведения начались сразу после окончания Крымской войны. Появление все более сложных моделей стрелкового оружия, необходимость использования специальных таблиц стрельбы на различные дистанции требовало от солдата как минимум элементарных знаний арифметики и минимального уровня образования, которое в России в то время все еще находилось на очень низком уровне.

Для улучшения ситуации при полках в частном порядке создавались специальные школы для обучения нижних чинов. в 1858 году, уже официально, для увеличения количества грамотных солдат приказом Военного министра предусматривалось на каждом ротном и эскадронном дворе всех частей войск устроить школы. В соответствии с утвержденным в 1859 году положением, унтер-офицерский разрешалось присваивать только грамотным рядовым, окончившим курс при полковой школе.

Рост уровня грамотности нижних чинов в скором времени сказался и на их общем развитии. Если в середине века самым популярными в солдатской среде были сказки (например, о «сильном и храбром портупей прапорщике и о красавице цыганке»), то в 70-х годах их место уже заняли специальные журналы «Чтение для солдат» и «Солдатская беседа». Солдатам городских гарнизонов дозволялось посещать театры (но при этом запрещалось ходить в публичные читальни). С введением в 1874 году всеобщей воинской повинности и последовавшим за этим сокращением

срока обязательной службы до 7 лет были внесены изменения и в образовательные программы для солдат, что отразилось в новом «Положении об обучении нижних чинов в ротах и эскадронах грамоте и служебным обязанностям рядового» 1875 года. Согласно данному положению, срок обязательного обучения грамотности новобранцев составлял один год. Занятия проводились в специальных ротных школах. Там молодых солдат обучали чтению, письму и арифметике. Кроме того, солдаты обязаны были знать молитву Господню, «Символ Веры» и десять заповедей, предназначение солдата и присягу, а также в каком отделении, роте, батальоне, полку, бригаде, дивизии, корпусе и округе он служит, в чем состоит воинская дисциплина, обязанности часового, патрульного и конвойного, источники своего содержания (денежного, вещевого и провиантского)¹.

С одной стороны, либеральные реформы Александра II способствовали определенному раскрепощению солдат, повышению их уровня образования и гражданского самосознания. С другой стороны, результатом данных послаблений стали и отрицательные явления, затруднявшие и без того непростую работу военных священнослужителей. Имели место частые случаи отхода от православной нравственности. Например, солдатам и матросам запрещалось обзаводиться семьей, но в то же время не возбранялось посещение публичных домов. Среди нижних чинов образовалась прослойка революционно настроенных, неверующих военнослужащих, которые вели пропагандистскую работу, в чем имели определенный успех².

Существенным образом служба военного духовенства изменялась во время ведения Русской армией боевых действий, особенно в ходе крупномасштабных кампаний. Значительной по своему масштабу и внешнеполитическим последствиям для России стала Русско-турецкая война

¹ Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1855-1918 гг.: Боевая летопись, организация, обмундирование, снаряжение. - М., 1998. – С. 18-19.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1420. Л. 27.

1877-1878 гг. Эта война стала проверкой как для Русской армии, только что перестроенной на новый принцип комплектования, так и для военного духовенства. Военно-духовное ведомство стало приобретать тот вид, с которым оно встретило Русско-японскую, а затем и Первую мировую войны.

На театре военных действий военные священники оказались вместе со своими полками. С этого момента все тяготы военной службы в условиях боевой обстановки стали обыденностью и для представителей армейского и гвардейского духовенства.

Служба на Балканах выявила многие трудности в исполнении пастырских обязанностей в боевых условиях. В первую очередь это касалось совершения треб во время похода. Причина была в том, что священник не всегда мог иметь под рукой нужных для совершения треб церковных вещей. По существовавшему положению, церковные вещи возили в обозе 2-го разряда. По уставу этот обоз должен был передвигаться на расстоянии 500 шагов от хвоста главных сил. В случае соприкосновения с неприятелем это расстояние могло увеличиваться до 8 верст.

В реальности обоз чаще всего отставал более чем на 8 верст. В итоге, обоз 2-го разряда не успевал вовремя прибыть на ночлег. Поэтому священникам приходилось самые необходимые церковные вещи: ризу, епитрахиль, крест, Евангелие, кадило и требник (дароносица всегда должна была быть при священнике), возить в отдельном узле при себе¹.

К тому же такое положение вещей могло использоваться военным духовенством для неисполнения своих обязанностей. Прикрываясь обстоятельствами, можно было подолгу находиться в обозе в безопасном удалении от линии фронта. Однако, справедливости ради, стоит отметить, что подобные случаи были редки. В бою полковому священнику полагалось находиться на передовом перевязочном пункте, где скапливались раненые,

¹ Лапшин Г., протоиерей. К вопросу о затруднениях священника при совершении треб в ночное время // Вестник военного духовенства. - 1898. - № 8. - С. 249-250.

нуждавшиеся в моральной поддержке и медицинской помощи¹. В связи с этим от священника требовалось, помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, обладать навыками работы медицинского персонала. Огромное напряжение физических и моральных сил требовалось от священников военных госпиталей. Например, в 1877–1878 гг. полевые госпитали в Болгарии были переполнены ранеными и больными. Смертность была огромной, в первую очередь, от дизентерии. Духовенство госпиталей было обязано исповедовать и причащать огромное количество умирающих, совершать погребения по христианскому обряду, вести исповедальные списки².

Кроме того, церковнослужители оказывали посильную помощь медицинскому персоналу. Характерную картину службы военного духовенства в Русско-турецкую войну можно проследить на примере священника 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии.

Огромное напряжение сил требовалось даже во время окончания боевых действий. После заключения Сан-Стефанского мирного договора полк был дислоцирован в г. Виддино поле. Город располагался в болотистой местности, что ужасно отражалось на здоровье солдат. Началась эпидемия тифа. Приспособленного помещения для лазарета не оказалось, больных приходилось размещать даже в солдатских палатках. Лазаретного белья для большинства солдат не хватало. Лазаретная прислуга почти вся переболела, а набираемая в роты новая не знала своих обязанностей и не умела ухаживать за больными. Весь медицинский персонал состоял из двух врачей. Один из них сам заболел тифом и умер. Фельдшеров в полку было семь человек, из них двое находились при роты в Белградчике и Рахове. Запас медикаментов, особенно хины, истощился в первые две-три недели. Приобрести лекарства было негде. Персоналу приходилось заменять хину настоем полыни и

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1284. Л. 10.

² Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. - СПб., 2005. – С. 140.

раствором горчицы. Ближайший госпиталь находился на расстоянии более 350 верст. В лазарете больные лежали почти сплошной массой, стояли духота, стон и бред. Священнику с трудом приходилось проходить между больными, нуждающимися в совершении последних христианских обрядов. Священнику ежедневно необходимо было проводить среди больных по 8-10 часов, исполняя не только религиозные обряды, но и обязанности брата милосердия и фельдшера. Подготовленный медицинский персонал в составе военного временного госпиталя прибыл в Виддино через два месяца после того, как полк оказался в критической ситуации. Вместе с госпиталем прибыли братья милосердия-студенты, 300 человек прислуги. Однако священника в прибывшем госпитале не оказалось. Поэтому полковой священник по-прежнему продолжил службу в госпитале вплоть до победы над эпидемией.

Всего за время стояния полка в г. Виддино поле с 25 марта по 10 октября 1878 г. в через полковой лазарет прошло 61 офицер и 2569 нижних чина, из которых умерло 2 офицера и 234 нижних чина¹.

Вот еще одно свидетельство службы на Балканах: «Тифозные заболевания усиливаются. Умерших уже отправляют на кладбища одновременно не единицами, но десятками, хоронят уже не в гробах, а кладут без них рядом трупы в общую могилу, которую после наполнения засыпают землей. В это время в г. Шаркьей (в Румелии) нередко можно было встретить вереницу тифозных, которых под руки тащили в околотки... В это тяжелое время на долю полкового священника 5-го гренадерского Киевского полка отца Павла Соколова выпал тяжелый труд. Ежедневно по несколько раз он посещал околотки тифозных, напутствовал умирающих к переходу в вечную жизнь, ежедневно несколько раз о. Павел провожал умерших в место вечного покоя. За отсутствием других священников отцу Соколову приходилось приобщать и хоронить тифозных не одного Киевского полка, но

¹ Лапшин Г., протоиерей. Мирная жизнь 138 пех. Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию (из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. - 1892. - № 13. - С. 403.

и других частей войск, расположенных в г. Шаркьей, а именно: Таврического гренадерского пехотного полка (за болезнью священника этого полка), казачьих полков №№ 24 и 34 и четырех батарей 2-й гренадерской артиллерийской бригады. И нужно было удивляться о. Павлу в его неуклонном честном исполнении его святых обязанностей этот добрый доблестный пастырь, предавшись воле Божьей, не страшился тифа и бестрепетно входил в самые замученные гнезда для исполнения своих высоких обязанностей и болезнь не обошла о. Соколова, он заболел тифом. Но благодаря стараниям одного из местных греческих врачей, Константина Фотиадоса Парлеса, здоровье о. Павла восстановилось. Едва только он почувствовал возможность ходить, как немедленно принялся за исполнение своих священных обязанностей. Можно сказать: труды о. Павла Соколова в описываемое страшное время были тяжелы; целые дни он не знал покоя, зачастую не имел отдыха и ночью. Помимо напутствия умирающих, похорон умерших, о. Павлу приходилось и священнодействовать в храме Божиим, служить литургии и вечерни»¹.

Нередко военные священники продолжали оставаться со своей паствой и во время боев, напутствуя и поддерживая солдат, проявляя героизм и мужество. Так, священник 160-го пехотного Абхазского полка 40-й пехотной дивизии Федор Матвеевич Михайлов был во всех сражениях, где участвовал его полк. Отец Федор находился в передовых эшелонах. Его необычайная храбрость и самоотверженность были известны всему отряду, действовавшему на кавказско-турецкой границе. По окончании каждого сражения между солдатами полков отряда часто велись разговоры об этом удивительно бесстрашном старце. За отличие в боях с турками при блокаде города Эрзерума он был произведен в сан протоиерея. Кроме того, награжден орденами св. Анны 2-й степени с мечами, св. Владимира 4-й степени с мечами и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Различных

¹ Лапшин Г., протоиерей. Мирная жизнь 138 пех. Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию (из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. - 1892. - № 13. - С. 407.

медалей и крестов отец Федор имел так много, что по своей скромности стеснялся ходить по городу в полной форме¹.

Священник 16 гренадерского Мингрельского полка Петр Рождественский также неоднократно испытывал на поле битвы все опасности перекрестного огня. Его не страшили вражеские пули, гранаты и бомбы, и он среди самого опасного боя и огня совершенно спокойно напутствовал святыми дарами умирающих от тяжелых ран воинов. Несмотря на постоянное нахождение в местах, где ему грозила смертельная опасность, он оставался невредимым.

Петр Рождественский принимал участие во всех крупных боевых действиях Кавказской армии, испытывал все трудности и лишения походной жизни.

В ходе этой же войны отец Петр Рождественский в течение двух месяцев выполнял обязанности священника в госпитале для зараженных тифом солдат и офицеров, одних ободряя и утешая, а других исповедуя перед смертью. Нередко приходилось исполнять ему и обязанности сестер милосердия. Главнокомандующий Кавказской армии великий князь Михаил Николаевич высоко ценил мужество этого священника и его вклад в общее дело.

Мужество при выполнении пастырского долга в ходе Русско-турецкой войны проявил также протоиерей Доримедонт Петрович Поповицкий, священник 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка (старейшего полка русской армии), который был ранен в грудь в момент напутствия умирающего воина на поле брани².

Одним из участников данных военных действий был уроженец Воронежской губернии, полковой священник Вахх Васильевич Гурьев. Он родился в 1830 г. в слободе Новая Меловатка Богучарского уезда Воронежской губернии (в настоящее время территория Калачеевского района

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 348. Л. 7.

² Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. - СПб., 2005. - С. 143-145.

Воронежской области). По окончании Воронежской духовной семинарии был учителем Бирюченского, а потом Воронежского духовного училища. 20 декабря 1853 г. рукоположен во священники к церкви слободы Новой Меловатки, Богучарского уезда¹.

С 1856 г. служил в Томске при Знаменской церкви и законоучителем мужской и женской гимназий. Здесь он занялся изучением архивных материалов и статьи о Сибири впоследствии опубликовал в «Русском Вестнике» (1881 и 1882 гг.).

В 1871 г. перешел в военное ведомство и был назначен в 10-й гренадерский Малороссийский полк Варшавского военного округа, из которого вскоре перешел в 9-й гренадерский Сибирский полк и назначен благочинным 3-й гренадерской дивизии. В этом звании он участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

После войны он остался с полком в Тамбове, где в 1879 г. получил протоиерейство. В 1881 г. перешел в лейб-гвардии Гродненский полк Варшавского военного округа. Его «Письма священника с похода», изданные в «Русском вестнике» (1880), а затем отдельной книгой (1883) «произвели большое впечатление в широких кругах русского общества. По правдивости, меткости и серьезности содержания это лучшая хроника русско-турецкой войны; изнанка войны со всеми ужасами и неприглядными сторонами изображена ярко, живо рукою пастыря, чуждого осуждения и в то же время не закрывающего глаз на всяческие безобразия, творившиеся в тылу армии, спокойно, с достоинством философа и ловкостью хирурга анализирующего причины и следствия. Замечания автора по вопросам об организации врачебной помощи, смешанной военно-медицинской администрации, лазаретной прислуге, обозе, лошадях, канцелярских порядках и пр., несомненно, дали толчок к изменениям, последовавшим в

¹ ГАВО. Ф. И-84. Оп. 2. Д 47. Л. 14-15.

законодательстве»¹. Воспоминания В.В. Гурьева являются одним из ценных источников по истории указанной войны в целом и русского военного духовенства в частности.

Будучи прикомандированным к подвижному дивизионному лазарету (с 8 августа 1877 г.), он уделял основное внимание проблемам, с которыми постоянно сталкивались персонал и пациенты этого учреждения. Значительная часть проблем была вызвана не только объективными трудностями, но также непродуманностью и ошибками, допущенными чиновниками различных тыловых служб. «На пароходе из Путиня в Альтернаци мы встретили огромный транспорт с ранеными и больными, которых везут из Зимницы в Россию. В транспорте около двухсот повозок, на которых помещается более шестисот страдальцев; телеги разных калибров и форм: военные, интендантские артелки, похожие на огромный сундук, только без крышки, и простые, мужицкие, вольнонаемных погонцев, с будками, покрытыми черным, непромокаемым брезентом; в этих последних, почти в каждой, есть соломенная подстилка, на которой лежат больные; но в казенных артелках подстилки или вовсе не полагается, или есть тоненький слой какой-то трухи... И тут, значит, та же судьба, что и в вагонах санитарных поездов; кто попал в мужицкую фуру, тому относительно лучше, по крайней мере сносно, но кому досталась артелка, те вынуждены переносить мучительную тряску... Неудобнее посуды для перевозки раненых трудно и придумать - это чистая каторга. Лица несчастных исхудалые, желтые, с явной печатью переносимых ими мучений, из многих кибиток слышатся душу раздирающие стоны, ото всего транспорта идет какой-то мучительно-жуткий гул...»².

¹ Рункевич С.Г. Гурьев Вах Васильевич // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: издание под ред. проф. А. П. Лопухина Т. 4: Гаага – Донатисты. - СПб., 1903. – С. 815-816.

² Гурьев В.В. Письма священника с похода. – М., 2007. – С. 28.

Видя раненых, лежащих в телегах под проливным дождем, Гурьев пишет: «Неужели до сих пор нельзя было устроить здесь хотя бы из досок сколоченных барачков, покрытых непромокаемыми брезентами?»¹.

В воспоминаниях В.В. Гурьева можно также увидеть свидетельства тяжелой психологической нагрузки, которая ложилась на плечи полкового духовенства: «...один передал мне заветный медальон для передачи по назначению, другой карточку; тот просил, если его убьют, передать отцу родовую, заветную саблю, если она останется цела; другой просил, когда я буду хоронить его, снять с его груди золотой образок и отослать старушке-матери; а сколько надавали мне золотых вещей и адресов и сколько мне придется написать печальных писем, если случится какая-нибудь, подобная прежним, катастрофа»².

Как видно из изложенного материала, деятельность полковых священников кардинальным образом усложнялась в ходе боевых действий. В то же время в такие периоды их служение приобретало и гораздо большую важность. Особо показательна в данном аспекте Русско-турецкая война 1877-1878 гг. Это была одна из наиболее масштабных, тяжелых и кровопролитных кампаний Русской армии XIX века. Осложняло ситуацию и то, что солдатам приходилось воевать на чужой земле, в незнакомой и полной опасностей местности. В таких условиях была важна моральная и духовная поддержка, значительная часть которой исходила от священнослужителей, которые разделяли с военнослужащими тяготы и опасности военной обстановки. Как и в ходе предшествовавших военных кампаний, священникам нередко приходилось рисковать жизнью, исполняя свои обязанности на передовой линии фронта.

В условиях заграничного похода наиболее сложно было священникам военных госпиталей, поскольку бои происходили вдали от российской территории, что затрудняло отправку раненых в тыл. Огромное их

¹ Там же.

² Гурьев В.В. Письма священника с похода. – М., 2007. – С. 42.

количество скапливалось на перевалочных пунктах, где зачастую не было надлежащих условий и достаточного количества медикаментов. В связи с этим священнослужители в походных условиях не только стремились приободрить солдат перед лицом смертельной опасности, обеспечить достойное православного христианина погребение, но и старались в силу своих возможностей улучшить их бытовые условия, уровень медицинской помощи. Нередко священнослужителям доводилось ухаживать за ранеными и больными подобно сестрам милосердия, прилагать немалые усилия для изыскания необходимых транспортных средств и медикаментов.

3.3. Благотворительная деятельность Церкви в годы войны

В военное время Церковь всегда принимала активное участие в помощи нуждающимся. Благотворительность во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. достигла необычайных масштабов. Жертвовало как простое население, как монастыри и храмы, так и непосредственно высшие иерархи Церкви.

Еще накануне войны был издан указ Синода от 24 ноября - 1 декабря 1876 года, предписывавший всем женским монастырям и общинам начать создание отрядов «сердобольных сестер» из числа насельниц для последующей отправки в военные лазареты. Этим же монастырям предписывалось заняться изготовлением корпии, бинтов, перевязок и всего, что требуется для обработки ран, а согласно указу от 3-15 марта 1877 г., мужские монастыри также были привлечены к формированию отрядов «сердобольных братьев» из монашествующих и послушников, способных к данному роду занятий и благонадежных. А сразу после объявления войны Святейший Синод распорядился об издании нужного количества экземпляров манифеста об объявлении войны, чтобы впоследствии разослать его по епархиям с предписанием обнародовать манифест в соборах, церквях и монастырях. Члены Святейшего Синода призвали духовенство и мирян к пожертвованиям на санитарные нужды армии. С осени 1877 г., ввиду наступающих холодов в условиях продолжающихся военных действий и существенного увеличения расходов на войну, Синод призвал монастыри и скиты, расположенные вдоль железных дорог, предоставить все свободные и резервные помещения для обустройства госпиталей для выздоравливающих или больных воинов, изготовив все необходимые материалы для.

Сбор пожертвований на военные нужды являлся сферой деятельности двух организаций: Славянского Благотворительного общества, известного также как Славянский Комитет, и Общества попечения о больных и раненых воинах, которое вскоре после войны было переименовано в Общество

Красного Креста. Славянское благотворительное общество было создано в Москве в 1858 г., затем открыло два филиала – в Санкт-Петербурге и Киеве. А Общество попечения о больных и раненых воинах, основанное в 1867 г., обладало собственными складами для хранения гуманитарной помощи в крупных городах Российской Империи¹.

Как и в период Крымской войны, большую роль в благотворительной деятельности сыграли женские организации.

Все общины подобного типа можно условно разделить на 3 группы: 1) общины, осуществлявшие широкую благотворительную деятельность, включая призрение бедных, неимущих, воспитание бедных и брошенных детей; 2) общины, чья основная деятельность заключалась в помощи больным и раненым воинам (именно подобные общины тесно сотрудничали с дамскими комитетами Общества попечения о раненых и больных воинах); 3) общины, которые существовали при женских монастырях и находились в ведении Святейшего Синода (эти общины часто вели широкую благотворительную деятельность и существовали на основе монастырского общежития). Несомненно, что людских, материальных и других ресурсов одних только общин сестер милосердия, появившихся в 40-60-е гг. XIX в., явно не хватило бы в случае любой крупной военной кампании. Таким образом, Общество попечения о больных и раненых воинах, созданное в России в 1867 г., как «... главный центр деятельности частной помощи на войне...» взяло на себя подготовку сестер милосердия для ухода за больными и ранеными воинами в военное время.

Именно под эгидой этого Общества сестринское движение достигает своей массовости в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Наряду с сестрами милосердия, принадлежавшими к той или иной общине, для кого уход за больными и ранеными был профессиональным делом, существовали сестры Красного Креста, которых готовили на случай военных действий. По

¹ Архипов С.В. Благотворительность Русской Православной Церкви во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2015. - № 3. – С. 126-127.

сути, сестрами Красного Креста становились женщины, готовые отказаться от своей повседневной жизни на время войны ради служения больным и раненым. Таких женщин было немало, причем не только в столицах, но и в провинциальных городах¹.

Юридическое и административное положение сестер милосердия в период войны регламентировалось опубликованными в 1875 году «Правилами о сестрах Красного Креста» и правилами, составленными для желающих вступить в сестры Красного Креста только на период войны. Соответственно, статусы постоянно работавших в общинах сестер и тех, кто хотел исполнять данные обязанности временно (в народе их называли «волонтерками» или «вольнонаемными»), были разграничены.

Причастность к православному вероисповеданию для сестер Красного Креста, согласно указанным правилам, являлась необязательной. В их ряды могли вступать женщины и иных религиозных воззрений. Возрастные рамки составляли от 20 до 45 лет. В отличие от периода Крымской войны, когда многие из сестер Крестовоздвиженской общины по истечении годового срока, на который они давали обет, возвращались домой, теперь эти женщины обязаны были служить неопределенное время – до окончания войны. Набранные сверх штата вольнонаемные сестры, изначально находившиеся в общинах, ставились на полное довольствие Красного Креста. Из административных функций им разрешалось только осуществлять контроль за госпитальными служителями, а профессиональная деятельность ограничивалась приготовлением самых простых лекарственных средств и материалов².

Начало обучения женщин, изъявивших желание добровольно присоединиться к сестринским общинам, было положено так называемой Врачебной общиной, в которой состояли профессиональные медики, проводившие теоретические и практические занятия для всех желающих.

¹ Белова Е.Е. Сестры милосердия в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2010. - № 2. – С. 34.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 88. Д. 312. Л. 11.

Они прислали соответствующее предложение в Главное управление Общества Красного Креста. Первый курс обучения проходил с февраля по май 1877 г. Число слушательниц составляло около 500 человек, но только 171 из них получили удостоверения по результатам выпускных испытаний. Основную часть посетительниц курсов составляли православные, но среди слушательниц также были католички, лютеранки и иудейки.

Позже по инициативе местных дамских комитетов подобные курсы, чаще всего шестимесячные, стали действовать и в других городах: Тамбове, Курске, Полтаве, Чернигове, Саратове, Костроме и др. Теоретические занятия в этих кратковременных «училищах» включали в себя элементарный материал по фармакологии, рецептуре, анатомии, физиологии, гигиене и хирургии; женщин учили накладывать повязки, ассистировать при операциях, читать и понимать рецепты, им рассказывали о госпитальных порядках¹.

Естественно, прошедшие подобное кратковременное обучение не имели высокого уровня квалификации.

Задолго до основного потока вольнонаемных сестер в Болгарию отправились отряды уже проверенных и показавших свою эффективность «старейших» общин. В июне-июле 1877 г. в Румынию и на Кавказ выехало семь групп, меньше 20 человек в каждой. 32 крестовоздвиженские сестры во главе с Щеховской и Надеждиной действовали у основной переправы русских частей через Дунай в районе Зимницы, где их позже сменили сестры общины Святого Георгия.

27 сестер Георгиевской общины во главе с Е.П. Карцевой до переправы русских войск служили на этапах в Румынии, а затем были направлены в Болгарию: Тырново, Горний Студень, Габрово и Боготу. Они были среди тех немногих, кто был допущен на передовые позиции близ осажденной Плевны, где находился знаменитый хирург Н.В. Склифосовский, отрицательно

¹ Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М.: Издательство «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия», 2001. – С. 160-163.

относившийся к присутствию женщин на передовой. Более того, подобное разрешение могло быть получено только от главных уполномоченных Общества Красного Креста. Склифосовский считал, что частные лица и отряды частных обществ вообще не должны появляться вблизи поля боя, поскольку это влекло за собой нарушение субординации и воинской дисциплины.

Сестры Карцевой, последовавшие за быстро продвигавшимися русскими отрядами, преодолели Шипкинский перевал и, пройдя почти через всю территорию Болгарии, трудились в Адрианополе и Филиппополе, в непосредственной близости к Турции.

120 сестер общины «Утоли моя печали» под руководством самой княгини Н.Б. Шаховской служили на территории Румынии, через которую проходили русские войска, направляясь в Болгарию, где развернулись основные сражения новой войны. В частности, они работали близ Галаца и Браилова, где проходила переправа части российских подразделений через Дунай, а также в Булгарени, уже на территории Болгарии, близ Плевны.

90 представительниц Благовещенской общины Сабининой из Крыма были переброшены на этапы перевозки больных в Румынии: от Ясс до Фратешти, между которыми пролегла железная дорога. Эти сестры трудились в основном на санитарных поездах Красного Креста. В июле 1877 г. во главе группы сестер от Обуховской больницы Петербурга на фронт выехала Е.М. Бакунина, направленная на кавказский театр военных действий, в армянский город Дилижан.

В Яссах с июня 1877 г. работали сестры Свято-Троицкой общины (20 человек) под руководством настоятельницы Е.А. Кублицкой. В состав этого отряда входила баронесса Ю.П. Вревская, друг и корреспондент писателя И.С. Тургенева.

К концу 1877 г. начальство посчитало достаточным наличное число сестер в военных госпиталях и поток мелких отрядов общинных сестер и женщин-добровольцев был приостановлен. Однако в начале 1878 г. в армии

началась массовая эпидемия сыпного тифа, которым переболела и значительная часть медицинского персонала. В связи с этим в феврале на место проведения боев был организован второй поток вновь подготовленных сестер. Более того, около 50 женщин, вернувшихся в Россию по причине тяжелого состояния здоровья, вновь отправились в Болгарию и на Кавказ, стремясь туда с завидным упорством. По приблизительным подсчетам в этой войне в качестве медицинского и санитарного персонала участвовало около 1300 женщин. Из них более сорока скончалось, и практически все перенесли ту или иную форму тифа, или лихорадки¹.

Как уже отмечалось, во всех слоях русского общества идеи, связанные с сочувствием славянским народам Балкан и оказанию им всей посильной помощи, пользовались большой популярностью. Еще до начала военных действий различные благотворительные организации, в том числе и церковные, собирали и отправляли туда гуманитарные грузы. С началом объявления войны помощь россиян увеличилась в десятки раз.

Епархиальные священники активно пропагандировали подобные начинания и показывали собственный пример. Пожертвования некоторых из них были весьма значительны. Например, преосвященный Архангельский Макарий пожертвовал 2,0 тыс. руб.; архиепископ Литовский Макарий, митрополит Московский Иннокентий и епископ Кавказский Герман внесли по 1,0 тыс. руб., преосвященный Кишиневский Павел – 875 руб.; преосвященные Астраханский Хрисанф, Харьковский Савва и Вятский Аполлос – 500 руб. Сами епархии в общей сумме пожертвовали на нужды армии около 600 тыс. руб., в том числе: Московская (104,784 тыс. руб.), С.-Петербургская (до 56,0 тыс. руб.), Киевская (30,907 тыс. руб.), Вятская (21,602 тыс. руб.), Вологодская (19,586 тыс. руб.), Владимирская (19,127 тыс.

¹ Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М.: Издательство «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия», 2001. – С. 163-165.

руб.), Екатеринославская (17,818 тыс. руб.), Полтавская (17,735 тыс. руб.), Кавказская (16,701 тыс. руб.), Ярославская (15,398 тыс. руб.)¹.

Помимо денежных средств повсеместно в больших количествах жертвовались и вещи, общая стоимость которых превышала по всей России 300,0 тыс. руб. К примеру жители Вятской губернии передавали одежду, обувь, домашнюю утварь. Преосвященный Аполлос, епископ Вятский и Слободской пожертвовал Главному управлению общества попечения о раненых и больных воинах золотые карманные часы, прося императрицу применить их по назначению. По инициативе Местного управления в 1877 г. было изготовлено и направлено в Москву и Кишинев 58 467 комплектов верхней и нижней одежды, обуви, постельного белья и т. д. Поступление пожертвований было столь значительным, что на вятском складе ежедневно трудилось от 6 до 12 женщин, занимавшихся сортировкой вещей. Под наблюдением распорядительниц склада А.М. Мендер и А.Ф. Шубиной кроились холсты, из которых шились рубахи, фартуки, простыни, наволочки и прочее. Само шитье выдавалось на дом за установленную плату, что поддерживало бедных женщин, преимущественно солдаток. Шилось много вещей, необходимых в госпитальном быту. Вятский склад направил на фронт 900 комплектов больничного белья.

На первом месте среди жертвователей были вятские священники. Настоятель Лебяжской церкви Уржумского уезда священник Андрей Загарский передал: один крестьянский азам, два полотна, одну скатерть, две женских рубашки, девять мотков ниток и т. д. Благочинный священник Петр Тукмачев пожертвовал одну пару теплых сапог, по одной паре варежек и шерстяных чулок, один азам, 440 аршин холста и т. д. Также внесли свой посильный вклад: протоиерей Фармаковский, священник Николай Олюнин,

¹ Шашин С.И. Вятчане в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Вятские записки. - №13. - Киров, 2008. - 278 с. - С. 85-86.

священник Аристарх Аввакумов. Жители села Богородского Вятского уезда направили 41 аршин холста¹.

Священнослужители и миряне Воронежской губернии также приняли активное участие в помощи славянским народам Балкан накануне войны и в поддержке армии в период военных действий.

Поэт-воронежец Иван Саввич Никитин еще в период Крымской войны в своих публикациях выражал надежду на освобождение поработанных славян. Творчество Никитина и его старшего современника Алексея Кольцова было известно зарубежным славянам. Уроженец села Коршево Бобровского уезда Алексей Суворин внес большой вклад в своевременное ознакомление жителей России с событиями на фронтах Русско-Турецкой войны, будучи редактором газеты «Новое Время». Близок к славянофилам по своим воззрениям был воронежский публицист и историк Михаил Федорович Де-Пуле. Да и сам губернатор - князь Михаил Оболенский – являлся родственником активного участника славянских комитетов Юрия Федоровича Самарина².

Впрочем, на страницах тогдашних губернских газет их имена стоят рядом с именами незаслуженно забытых в наши дни священнослужителей, офицеров и крестьян, одушевленных патриотическими чувствами.

Воронежская губерния не относилась к числу самых обеспеченных и благоустроенных, однако все ее жители, даже беднейшее крестьянство, объединились в деле сбора на нужды славян и русской армии, героически сражавшейся на Балканах.

Многие воронежцы пожертвовали жизнью ради свободы братских народов³.

В 1875 году в Боснии и Герцеговине началось восстание сербского населения («Невесиньская пушка»), для подавления которого турецкое

¹ Шашин С.И. Вятчане в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Вятские записки. - №13. – Киров, 2008. – 278 с. – С. 86-87.

² ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1744. Л. 18 об.

³ Поповкин А. Воронежский край в эпоху освобождения славян (1875-1878). [Электронный ресурс] // URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/05/31/i_do_skonchaniya_veka (дата обращения: 10.03.2016).

правительство применило самые жестокие методы. В Сербское княжество и пограничные районы Австро-Венгрии и Черногории устремился поток беженцев. Изгнанные из своих домов сербы зачастую не имели ни пищи, ни теплой одежды. Славянские Комитеты в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Одессе немедленно начали сбор средств для оказания им помощи.

Уже в 1875 году представитель Воронежского Благородного Собрания отправил председателю Московского Славянского Комитета Ивану Сергеевичу Аксакову письмо с денежным переводом: «Имею честь препроводить к Вам 39 рублей, собранные по подписке в Воронежском Благородном Собрании в пользу пострадавших семейств... Герцеговины и Боснии»¹.

Всего же, как сообщает Борис Фирсов, в 1876-1877 годах члены Воронежского Благородного Собрания пожертвовали 1000 рублей в пользу славян Балканского полуострова и на устройство и содержание в Воронеже госпиталя для раненых и больных военнослужащих².

В 1876 году русское общество было потрясено жестокостями, проявленными при подавлении восстания в Болгарии. Не осталась в стороне и Воронежская губерния.

В семнадцатом номере газеты «Воронежские епархиальные ведомости», вышедшем 1 сентября 1876 года, было опубликовано письмо от 24 июля, переправленное из Воронежской духовной консистории. В письме всем желающим рекомендовалось приобретать вновь вышедший сборник «Славянские думы и голоса», со стихами Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Плещеева, Хомякова, а также болгарских, сербских и черногорских, галицких, польских, словенских, хорватских поэтов.

Авторы письма, в частности, писали: «Симпатии наши к славянам понятны, потому что мы сами славяне. Дело только в том, что мы сильны и свободны. Они же политически раздроблены и находятся в зависимости от

¹ Там же.

² Фирсов Б. Приятное с полезным // Воронежский курьер. - 2.08 2008. - № 86. - С. 8.

других народов. Чтобы эти симпатии укрепить еще более, чтобы инстинктивную любовь русского человека к его славянским братьям обратить в любовь сознательную, разумную, - для этого нужно знание; нужно, чтобы русский народ - весь вообще, а не высшие только образованные слои его - ознакомился с остальным славянским миром, с его думами и чувствованиями, скорбями и грезами, и вообще со всем строем его разнообразной племенной жизни»¹.

В этом же выпуске газеты был опубликован характерный для той эпохи документ. Это письмо священника слободы Новая Калитва Василия Аполлосова от 26 ноября 1876 года. В нем сообщается: «В нашей епархии каждый священник непосредственно от себя посылал и посылает... пожертвования или в существующие в столицах Благотворительные Комитеты, или чрез посредство разных газетных редакций...».

Согласно приложенной к письму смете, из слободы Новая Калитва 12 июня 1876 года в Санкт-Петербургский Славянский Комитет было отправлено 30 рублей, 18 сентября в Московский Комитет 25 рублей, 21 октября в Московский Комитет 10 рублей, 12 ноября в Московский Комитет 50 рублей.

Эти суммы «составляют большую часть пожертвованные крестьянами простолюдинами трудовые копейки»

Отец Василий сообщает, что 14 человек обязались и впредь вносить деньги на нужды славян: это, в частности, помощник волостного писаря Андрей Дмитриченко, государственный крестьянин Ефимий Яковенко, сельский староста Николай Краснояружский².

Указанные пожертвования были не единственными: 20 сентября 1876 года крестьяне Воронежской губернии передали в пользу семейств, пострадавших в Боснии, Герцеговине и Болгарии, деньги и 50 аршин холста³.

¹ Воронежские епархиальные ведомости. – 1876. - № 24, 15 декабря. – С. 746-747.

² Там же. - С. 1072.

³ Колышницына Н.В. Санкт-Петербургское Славянское Благотворительное общества и организация помощи болгарским славянам // История Петербурга. - 2009. - № 2 (48). - С. 82.

15 апреля 1877 года в воронежском Троицко-Смоленском кафедральном соборе в присутствии губернатора М.А. Оболенского был зачитан манифест об объявлении войны Турции.

Уже к концу апреля городская дума приняла решение выделить на нужды армии 20 тысяч рублей и взять на себя содержание 50 коек в местном военном госпитале. В ответ на рапорт губернатора об этом пожертвовании он получил благодарственную телеграмму от императрицы Марии Александровны. Сумма пожертвований на нужды армии к 1 января 1878 года достигла 145 тысяч 242 рублей¹.

На страницах епархиальной газеты появилось следующее «Заявление в редакцию»:

«1877 года, мая 5 дня, мы, нижеподписавшиеся, Богучарского уезда слободы Новобелой Успенской церкви, священно - и церковнослужители, после прочтения в церкви Императорского Манифеста о вступлении российских войск в турецкие владения и по отслужении Господу Богу молебствия о даровании православному нашему христолюбивому воинству победы над врагами, изъявили своё усердное желание во всё продолжение войны жертвовать на больных - раненых воинов по 2% с рубля всех наших денежных доходов, поступающих в общую кружку, в чём и подписуемся.

Слободы Новобелой Успенской церкви священник Евгений Прокопиев, помощник настоятеля священник Григорий Мануйлов.

Диакон Мокий Чуев.

Диакон Василий Раевский.

Псаломщики: Петр Краснобаштов, Димитрий Стефанов, Иван Попов»².

29 мая 1877 года в Воронеже был открыт госпиталь общества Красного Креста, рассчитанный на 350 раненых, который действовал почти год. 27 июля 1877 года викарный Епископ Острогжский Вениамин освятил в

¹ Акиншин А.Н. Губернатор Оболенский Михаил Александрович. 1874-1878 / Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710-1917: Историко-биографические очерки / Редактор-составитель А.Н. Акиншин. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. - 2000. - С. 268.

² Воронежские Епархиальные Ведомости. - 1877. - №10, 15 мая. - С. 194.

губернском городе временную церковь Великомученика и Целителя Пантелеймона при госпитале для раненых воинов¹.

Летом 1877 года на территории Воронежской епархии находился Митрополит Сербский Михаил. 7 июля он прибыл в Задонский Богородицкий монастырь, где 8 июля отслужил Божественную Литургию, а вечером того же дня выехал в Москву. Ему была подарена икона Святителя Тихона².

6 июня губернский предводитель дворянства П.Ф. Панютин сообщил исполняющему обязанности губернатора И.А. Звегинцову о том, что 5 июня состоялось чрезвычайное губернское дворянское собрание, на котором было принято решение о пожертвовании 20 тысяч рублей для семей офицеров и нижних чинов, участвующих в военной кампании. Затем был издан печатный лист «для всеобщего сведения» - объявление жителям губернии. В нем сообщалось: «Господин Воронежский губернский предводитель Дворянства имеет честь поставить во всеобщую известность, что Воронежское чрезвычайное губернское дворянское собрание, по постановлению своему, 5 июня 1877 года, утвержденному господином Министром Внутренних дел, пожертвовало двадцать тысяч рублей для выдачи денежных пособий, во 1-х, семействам господ офицеров и нижних чинов из уроженцев Воронежской губернии, которые находятся в беспомощном положении, вследствие отсутствия призванных на службу единственных кормильцев, то есть, способных к труду представителей их, и во 2-х, семействам господ офицеров и нижних чинов из уроженцев Воронежской губернии, которые подверглись крайности, вследствие увечья от ран, или смерти на войне членов тех семейств. Основанием для получения семействами таких господ офицеров и нижних чинов ежемесячных и единовременных пособий должны служить удостоверения Воронежского губернского предводителя или уездных предводителей дворянства тех уездов

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 390. Л. 4.

² Поповкин А. Воронежский край в эпоху освобождения славян (1875-1878). [Электронный ресурс] // URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/05/31/i_do_skonchaniya_veka (дата обращения: 10.03.2016).

Воронежской губернии, где имеют жительство семейства нуждающихся в пособии, как о семейном положении, так и о недостаточном состоянии, ходатайствующих о пособии. На основании этих удостоверений, выдача пособий производится в Воронежской губернской земской управе, или же чрез уездные земские управы, по месту жительства обращающихся за пособием»¹.

В епархиальной газете публиковались списки погибших и пропавших без вести на фронтах Русско-турецкой войны жителей Воронежской губернии².

Костромская Епархия, границы которой совпадали с пределами Костромской губернии, также оказала существенную поддержку во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. русской армии и южным славянам.

В Костромской епархии были сформированы отряды сердобольных братьев и сестер. Основная работа по данному направлению проводилась в Костромском Богоявленском Анастасиинском девичьем монастыре, где был создан отряд из 66 сердобольных сестер³ и организован сбор материала для госпиталей с большинства епархиальных обителей. В итоге, Макариево-Унженский монастырь передал в Общество Красного Креста 320 аршин холста и 15 мотков ниток на сумму 30 рублей, Авраамиево-Городецкий 775 аршин холста на сумму 70 руб, Предтеченский Железоборовский пожертвовал 6 пудов холста, мерой более 10000 аршин, на сумму 100 р.⁴ В самом Богоявленском монастыре действовал Костромской Дамский комитет Общества попечения о больных и раненых воинах. К 1 января 1878 года было изготовлено и отправлено в действующие армейские подразделения через центральные склады 800 пудов белья, одежды и прочих принадлежностей⁵.

Также активное участие приняли и оказали посильную помощь Галичский Троицкий Белбажский девичий, Николаевский

¹ ГАВО. Ф.30. Д. 2492, Л. 1-6.

² Воронежские Епархиальные Ведомости. - 1878. - № 9, 1 мая. - С. 192.

³ РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 9.

⁴ РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 9 об.

⁵ РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 10 об.

Староторжский девичий, Богородице-Федоровский монастыри, а также Богородице-Федоровская и Кинешемско-Вознесенская женские общины.

Путем кружечного сбора было собрано 833 р. 66 копеек в монастырских, и 5489,44 руб. в приходских и соборных храмах¹.

В Богоявленском монастыре также был создан госпиталь для больных и раненых воинов: в подведомственном ему упраздненном Крестовоздвиженском монастыре, было выделено под данные нужды 2 помещения на 60 коек, в Назаретской пустыни - 1 здание на 15 коек, дом, прилегающий к монастырю - под мастерскую Дамского комитета, флигель данного здания - под склад пожертвований вещами. Монастырь за собственный счет произвел ремонт зданий: обновление наружной обшивки стен и их покраску, обеспечение провода воды из городского резервуара, обивку внутренних стен склада и устройство в нем печей, затратив на это около 2000 рублей². Ипатьевский монастырь предоставил резервное, находящееся вне монастыря, здание, с возможностью размещения до 10 коек, с наличием кухни, а также обеспечил неограниченный и полностью безвозмездный подвоз всего необходимого продовольствия для приготовления пищи. Макариево-Унженский, Богородице-Игрицкий, Городецкий Авраамиев, Николо-Бабаевский и Предтеченский Железоборовский монастыри, а также Кривоезерская пустынь выразили готовность предоставить примыкающие к монастырям здания, монастырские гостиницы и некоторые хозяйственные постройки, которые можно было бы в течение короткого времени переоборудовать для приема раненых и больных.

В годы русско-турецкой войны 1877-1878 годов в городах и селах Тамбовской губернии создавались попечительства для оказания помощи семьям призванных на войну. Значительную роль в их деятельности сыграло приходское духовенство. По свидетельству рапорта с отчетом о состоянии Тамбовской епархии за 1877 год епископа Тамбовского и Шацкого Палладия

¹ РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 11.

² РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 11 об.

«Не смотря на неодинаковую обеспеченность все монастыри, как мужские, так и женские, с полной готовностью отозвались на призывы разных лиц благотворительных обществ к пожертвованию в пользу славян Балканского полуострова и в пользу наших русских православных воинов, проливших кровь свою за святое дело освобождения братьев своих по вере и крови от мусульманского ига. Были пожертвованы ...женскими монастырями: Сухотинским 124 рубля деньгами и 6 пудов вещами». Пожертвование монастыря было значительным по тому времени и не уступало по величине помощи более крупных обителей. Далее в рапорте отмечалось, что «минувшая война вызвала желания во многих братьях и сестрах потрудиться в деле посильной помощи раненым и больным нашим воинам. В течение минувшего года изъявили желание поступить в санитары и сестры милосердия: 2 иеромонаха, 2 монаха, 1 диакон, 2 послушника, 2 монахини и 23 послушницы. По мере действительной надобности обществом Красного Креста были направлены в сестры милосердия 12 послушниц Тамбовского Сухотинского монастыря»¹.

Таким образом, Русская Православная Церковь оказала значительное содействие в материальном обеспечении армии и в помощи раненым в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Церковные организации не только своими силами организовывали благотворительную деятельность, но и призывали всех представителей русского общества поступать таким же образом. Можно утверждать, что священнослужители были одними из главных вдохновителей и организаторов различных акций, направленных на поддержку русской армии и освобождаемых славянских народов.

Значительной была роль Церкви и в деятельности новой для России благотворительной организации – общества Красного Креста. Начало ему было положено в годы Крымской войны, когда с благословения Церкви

¹ Цит. по: Скоробогатько Л. В годы ратные. Деятельность тамбовского духовенства в годы Русско-турецкой войны 1877-178 гг. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.top68.ru/society/v-gody-ratnye-38359> (дата обращения: 08.09.2017).

сестры милосердия впервые в массовом порядке начали служение по оказанию помощи раненым и больным во время военных действий. Накануне и в годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. данная организация получила свое юридическое и административное оформление. Российское общество Красного Креста не было исключительно православным, тем не менее подавляющее большинство служивших в нем профессиональных сестер милосердия и волонтерок исповедовали православие.

Большой вклад в дело организации благотворительной помощи военным и гражданскому населению в период этой войны внесло российское провинциальное духовенство. Страдания славянских народов Балкан и тяжелые условия, в которых оказалась Русская армия в ходе заграничного похода, постоянно находились в центре внимания священнослужителей российских губерний. Данные проблемы широко освещались на страницах местной церковной печати. Провинциальные лица духовного звания принимали активное участие в пропаганде освободительной войны, делали значительные пожертвования сами и призывали к тому же своих прихожан.

Заключение

Роль Церкви в истории Российской империи в целом и армии в частности всегда была высока.

Церковь рассматривала деятельность военнослужащих по защите своей страны как благородное и богоугодное дело. Сами священнослужители часто становились участниками военных действий не только в качестве духовных пастырей, но и принимая непосредственное участие в боях.

Наиболее важные события в государственно-церковных отношениях в XIX веке проявились в ряде постановлений Святейшего Синода. Кроме того, была проведена реформа в сфере образования. Данные реформы оказали значительное влияние на положение Православной Церкви и священников в России. Идеологической основой деятельности Православной Церкви во второй половине XIX века являлась теория официальной народности. Она была обусловлена логическим развитием самодержавия в России, достигшего расцвета при Николае I.

Теория официальной народности была тесно связана с традицией государственно-церковных отношений в российском государстве. При этом важно отметить, что утверждение данной теории шло не только от государства, но и от выдающихся военных деятелей. В результате эволюция государственно-церковных отношений была отображением эволюции всего российского общества и армии. Во второй половине XIX века в сфере укрепления бюрократических и административных механизмов существования ведомства синодальной обер-прокуратуры произошли важные изменения, которые являлись выразителем частных интересов государства в управленческой системе Церкви. Они определили значение и роль Церкви в течение всего дальнейшего периода государственно-церковных взаимоотношений.

В XIX веке священнослужители и церковные организации получили ряд особых личных и имущественных прав, что укрепило позиции духовенства как привилегированного сословия. Каноническое право действовало наравне со светским. В то же время, несмотря на довольно широкую степень самостоятельности, Церковь входила в общую систему государственных институтов и обязана была действовать в русле государственных интересов. В связи с этим священнослужители должны были всесторонне поддерживать самодержавную систему управления страной, которая в течение XIX в. утрачивала свою эффективность в связи с нараставшими изменениями в социально-политическом и экономическом развитии страны. Данная система отрицательно сказывалась и на положении в армии, в особенности в первой половине XIX в., до начала реформ Александра II. С этой точки зрения деятельность Церкви носила отрицательный характер. В то же время в военный период церковные организации приносили немалую пользу в организации отпора неприятелю своей пропагандистской и благотворительной деятельностью.

Одним из наиболее значимых в данном отношении периодов был XIX в., когда наиболее интенсивно проходил начатый ранее процесс формирования института военного духовенства, получивший свое фактическое завершение в 1890 г. с утверждением «Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств». Одновременно имела место и активная деятельность военных священнослужителей по исполнению своих обязанностей как в мирное, так и в военное время.

Военное духовенство России развивалось в рамках общей государственной церковной и военной политики. С 1800 г., когда должность полевого обер-священника, возглавлявшего всех духовных лиц, работавших в вооруженных силах, стала постоянной, начался период официального сословного оформления института военных священнослужителей. Полномочия обер-священника являлись довольно обширными, он

приравнивался к архиереям и имел право личных докладов императору.

Предпосылки возрастания роли военного духовенства были следующие:

- усиление значения религиозно-нравственного воспитания военнослужащих по мере совершенствования армии и флота;
- необходимость повышения профессионального уровня полковых священников;
- потребность в регламентации и унификации деятельности военного духовенства.

Руководство военными священнослужителями находилось в двойном подчинении: по духовным делам главный священник был подотчетен Св. Синоду, по всем другим вопросам - военному и морскому ведомствам. Подобное положение давало возможность проводить собственную линию политики и отстаивать интересы своего ведомства.

Св. Синод стремился получить больший контроль над военно-духовным ведомством, пытаясь ограничить его полномочия, однако последнему удавалось отстаивать свои позиции.

Для подготовки военных священнослужителей в 1800-1818 гг. существовала особая армейская духовная семинария, где помимо богословских дисциплин изучались основы военного дела.

Одним из важнейших направлений деятельности военных священнослужителей было духовно-нравственное воспитание военнослужащих. Именно в русской армии в XIX веке разрабатывались теоретические основы воспитания солдат. Крупнейшим специалистом по этому вопросу, оказавшим значительное влияние на организацию воспитательной работы в армейской среде, был М.И. Драгомиров. В своих трудах он отстаивал идею о главенстве духовно-нравственного начала в военном деле. Главным залогом победы, как полагал Драгомиров, является надлежащее состояние духовно-нравственной подготовки войск. Данный подход, учитывая высокую степень религиозности солдат того времени,

подразумевал ключевое участие военного духовенства в духовно-нравственном воспитании.

Главной задачей полковых священников было участие в формировании у солдат традиционных воинских качеств: мужества, храбрости, терпения, патриотизма. Воспитание солдат священнослужителями проходило как в рамках религиозной (молебны, проповеди, исповеди и т.д.), так и духовно-просветительской деятельности (выступления на патриотические темы, исторические чтения, проведение бесед с молодыми солдатами накануне принятия присяги и др.).

Православие присутствовало в армии не только на духовном уровне, но и во внешнем содержании. В полках и на военных кораблях в то время имелись походные церкви, в которых хранились иконы, считавшиеся покровительницами той или иной военной части. Воинские награды того времени носили имена наиболее почитаемых святых: Александра Невского, князя Владимира, св. Георгия Победоносца.

Процесс принятия присяги для русского солдата носил религиозный православный характер. Идеологическому формированию воина того времени способствовало православное догматическое трактование проблем войны и армии. Война понималась как религиозно-политическое явление. Подобное мировоззренческое восприятие создавало идеологический фундамент военной политики России и обуславливало правомерность применения военной силы в справедливой войне по защите своего Отечества.

Одним из важных испытаний для Церкви, армии и всего русского народа стала Отечественная война 1812 г. Сразу же после нападения наполеоновской армии Св. Синод обратился к народу с обращением, в котором призвал всех верующих встать на защиту Родины. Эта война трактовалась русскими православными иерархами как необходимость отстаивать свое историческое, культурное и религиозное своеобразие, в связи с чем, несмотря на неодобрительное отношение христианства к насилию и

кровапролиту, она являлась делом, в котором обязан принять участие каждый верующий.

Церковь в ходе этой войны оказывала не только духовную, но и материальную поддержку армии. Были собраны значительные средства на поддержку войск и ополчений. Около 200 военных священнослужителей вместе со своими частями находились в зоне боевых действий. Многие из них участвовали в сражениях и впоследствии получили награды. Особо стоит отметить Василия Васильковского, который стал первым в России священнослужителем, удостоившимся высшей военной награды того времени – ордена Святого Георгия Победоносца.

Значительную роль в победу над Наполеоном внесло и провинциальное духовенство Европейской части России. Именно от него в значительной степени зависела пропаганда среди местных прихожан справедливого и освободительного характера этой войны. Священнослужители активно сотрудничали с местными светскими органами власти по вопросам формирования ополчений, сбора средств в помощь армии, организации приема и лечения раненых и беженцев.

К примеру, Воронежское духовенство, возглавлявшееся в те годы епископом Антонием, также внесло немалый вклад в помощь армии. По его призыву все монастыри и церковные приходы начали сбор средств. Епископ благословил также воронежских выпускников семинарии, отправившихся служить в качестве военных священников, и представителей клира, вступивших в ряды ополчения.

Тамбовские священнослужители приняли активное участие в организации помощи беженцам, которые в больших количествах прибывали в губернию, призывали прихожан жертвовать средства на помощь армии и пострадавшим от военных действий, благословляли отправлявшихся на бой местных ополченцев.

Таким образом, в период войны 1812 г. Церковь показала себя как важная часть государственного аппарата и активный участник общественной

жизни, внося значительный и разнообразный вклад в победу над наполеоновской армией. Местное духовенство принимало деятельное участие в решении общегосударственных задач.

Крымская (Восточная) война 1853-1856 гг. имела большое значение для Русской Православной Церкви, поскольку в ходе данного международного конфликта затрагивались такие проблемы, как покровительство общехристианским святыням в Палестине и защита интересов православных народов Балканского полуострова, находившихся под властью Османской империи.

В дни обороны Севастополя 1854-1855 гг. на бастионах постоянно и неотлучно находились военные священнослужители, делившие со своей паствой трудности военной жизни. В каждом блиндаже были устроены молельные помещения, в которых солдаты и офицеры могли причаститься и исповедаться. Здесь же отпевали погибших.

Провинциальное духовенство также приняло участие в патриотической пропаганде и организации материальной помощи армии. Известно, что тамбовский губернатор держал местного митрополита в курсе всех дел, связанных с мероприятиями местной власти в условиях военного времени.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. стала важным этапом не только в усилении внешнеполитического влияния Российской империи, но и в освобождении христианских народов Балканского полуострова от длившейся столетиями власти Османской империи, в результате чего на карте мира появились новые православные государства. В связи с этим для Русской Православной Церкви данная война имела особое значение. Еще до начала военных действий церковные иерархи принимали активное участие в развернувшейся дискуссии по поводу целесообразности участия России в освобождении братских славянских народов. Церковные организации занимались сбором средств для помощи участникам антиосманских восстаний, благословляли отправлявшихся на Балканы русских

добровольцев. Воронежское и тамбовское духовенство также приняло участие в данных благотворительных инициативах.

Как и во время предшествовавших крупных военных кампаний, в ходе Русско-турецкой войны активное участие приняли военные священнослужители. В тяжелых условиях заграничного похода им зачастую приходилось делить со своей паствой все тяготы и опасности. Пример подобного служения приводится в одном из наиболее содержательных и важных мемуарных источников по истории Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. – «Письмах священника с похода» воронежского священнослужителя В.В. Гурьева. Автор откровенно рассказывает обо всех тяготах, выпавших на долю русских солдат, о тяжелой морально-психологической нагрузке полковых священнослужителей, постоянно наблюдавших страдания раненых и гибель своих подопечных на поле боя.

На основании исследованного материала можно сделать следующие выводы.

В XIX веке Русская Православная Церковь являлась важной частью государственного аппарата и обязана была действовать в рамках общегосударственной политики центральной власти и в соответствии с основными целями и задачами работы местных светских властей. Основными задачами Церкви как государственного института были осуществление религиозных обрядов и духовно-просветительская деятельность.

Одним из важнейших направлений работы Церкви было сотрудничество с армией. Данные традиции берут свое начало со времён зарождения и формирования Российского государства и в XIX веке они обрели особую значимость. Институт военного духовенства, официальное оформление которого началось в эпоху правления Петра I, в данный период был окончательно сформирован и выделен в особое церковно-армейское ведомство.

Военные священнослужители внесли большой вклад в дело духовно-нравственного и патриотического воспитания личного состава армии, принимали активное участие в военных действиях.

Церковь всегда принимала деятельное участие в военной политике Российского государства. Наиболее масштабно данная деятельность проявилась в ходе крупных военных кампаний XIX века.

На примере деятельности духовенства губерний Европейской части России можно сделать вывод, что и на региональном уровне, в том числе и в местностях, не охваченных военными действиями, роль Церкви в организации помощи армии, как в материальной, так и в духовной сфере, была достаточно велика и по своей масштабности и эффективности зачастую не уступала мероприятиям светских властей.

При этом большую роль играл благотворительный потенциал Православной Церкви во взаимодействии с армией. Этот потенциал реализовывался в мероприятиях по духовно-патриотическому воспитанию военных, оказанию материальной и иной помощи семьям военнослужащих. С этой целью во многих губерниях Европейской России шел процесс возрождения института военных священников. Деятельность епархий по взаимодействию с армией в большей степени сосредотачивалась на работе по духовной и правовой помощи. Во многих храмах российского государства проповедническая деятельность была неотъемлемым атрибутом содействия по привитию патриотических чувств военнослужащим.

Список источников и литературы

I. Источники

а) Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив

Фонд Военно-учетного архива

1. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1.

Российский государственный исторический архив

Ф. 796. Канцелярия Синода

1. РГИА. Ф. 796. Оп. 140.
2. РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 9.
3. РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 9 об.
4. РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 10 об.
5. РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 11.
6. РГИА, Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 11 об.

Ф. 797. Канцелярия Обер-прокурора Синода

1. РГИА. Ф. 797. Оп. 34.

Ф. 806. Духовное управление при протопресвитере военного и морского духовенства Синода

1. РГИА. Ф. 806. Оп. 3. Д. 7120. Л. 2-23.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Ф. 19. Петроградская духовная консистория

1. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 60. Оп. 99. Д. 15. Л. 3.
1. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.

Государственный архив Воронежской области

Ф. И-30. Фонд Воронежского уездного предводителя дворянства

1. ГАВО. Ф. И-30. Д. 2492, Л. 1-6.

Фонд И-70. Землянское уездное отделение Воронежского епархиального училищного Совета

1. ГАВО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 4. Л. 216.

Ф. И-325. Коллекция документов воинских частей, соединений и высших учреждений армии и флота Российской империи и временного правительства Российской буржуазной республики XIX-начала XX века

1. ГАВО. Ф. И-325. Оп. 1. Д. 1. Л. 199.

Государственный архив Псковской области

Ф. 39. Псковская духовная консистория.

1. ГАПО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 800. Л. 115-117.

Ф. 177. Уездные духовные управления. Островское.

1. ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 298. Л. 16-17.

Государственный архив Тамбовской области

Ф. 4. Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора

1. ГАТО. Ф.4 Оп.1. Д. 214 Л. 5-6.
2. ГАТО. Ф.4. Оп.1. Д.1295. Л. 50.
3. ГАТО. Ф.4 Оп.1 Д.1298 Л.115 об.

Ф. 181. Тамбовская духовная консистория

1. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1161. Л.3.

б) Законодательные акты, регламентирующие деятельность Церкви

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собрание 1-е. С 1649 г. по 12 декабря 1825 г. – СПб., 1830. Т. 6.

в) Церковная и светская периодическая печать XIX в.

1. Вестник военного духовенства. - 1890. - № 1.
2. Вестник военного духовенства. - 1891. - № 1.
3. Вестник военного духовенства. - 1891. №17.
4. Вестник военного духовенства. - 1892. - № 13.
5. Вестник военного духовенства. - 1898. - № 13.
6. Тамбовские губернские ведомости. 1855.

г) Издания справочно-статистического характера

1. Воронежские епархиальные ведомости. – 1876. - № 24, 15 декабря.
2. Воронежские епархиальные Ведомости. - 1877. - № 10, 15 мая.
3. Воронежские епархиальные Ведомости. - 1878. - № 9, 1 мая.
4. Тамбовские епархиальные ведомости. – 2012. - № 6 (54). – 49 с.
5. Акиньшин А.Н., Антипов М.А. Антоний (Соколов) // Православная энциклопедия. - М., 2001. - Т. II. - С. 644.
6. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. – СПб, 1871-1874.
7. «Недаром помнит вся Россия...» Тамбовский край в годы Отечественной войны 1812 г. / сост.: Л.И. Семенова. – Тамбов, 2011.
8. Рункевич С.Г. Гурьев Вакх Васильевич // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: издание под ред. проф. А. П. Лопухина Т. 4: Гаага – Донатисты. - СПб., 1903. – С. 815-816.
9. Тамбовская энциклопедия / Гл. науч. ред. Л.Г. Протасов. – Тамбов: Юлис, 2004. – 704 с.

д) Мемуары

1. Верещагин В.В. Турецкий поход 1877 1878 гг. / На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. - М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1902. - 318 с.
2. Воейков В.В. От Дуная до Царьграда. 1877-1878. Записки участника. - М.: унив. тип., 1900. - 177 с.
3. Газенкампф М.А. Мой дневник 1877-1878 гг. – СПб., 1908. – 624 с.
4. Гурьев В.В. Письма священника с похода. – М.: ГПИБ, 2007. – 288 с.
5. Дневник офицера // Сборник военных рассказов. 1877 1878 гг. в 6 т. Т.1. - СПб.: издание кн. В. Мещерского, 1878. - С. 21-104.

6. Духонина Е.В. Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехот, дивизии в войну 1877-1878 гг. - М.: тип. Окр. штаба, 1894. - 94 с.
7. Зотов П.Д. Дневник // Русский орёл на Балканах: Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. глазами её участников. Записки и воспоминания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 75 140.
8. Лапшин Г.П., протоиерей. Мирная жизнь 138 пех. Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию (из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. - 1892. - № 13. - С. 397-412.
9. Озеров Д. На поле битвы (из воспоминаний офицера). – СПб.: Военная типография, 1897. – 156 с.
10. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 655 с.
11. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. В 3 частях. – М.: Задруга, 1912. – 135 с.
12. Шаховской Л.В. Два похода за Балканы. - М.: Университетская тип., 1878. – 318 с.

II. Литература

а) Монографии и сборники трудов

1. Айткалиев В.А. Русская православная церковь. – СПб.: Питер, 2014. – 159 с.
2. Акиншин А.Н. Губернатор Оболенский Михаил Александрович. 1874-1878 / Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710-1917: Историко-биографические очерки / Редактор-составитель А.Н.

- Акиншин. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. - 2000. – 424 с.
3. Барсов Т.В. Об управлении русским военным духовенством. - СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1879. – 168 с.
 4. Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877 1878 гг. М.: Воениздат, 1956. 212 с.
 5. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
 6. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 323 с.
 7. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал. - М.: Наука, 1973. - 616 с.
 8. Благовидова Н.Г. Храмы-памятники Отечественной войны 1812 года // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. Выпуск XIII. [Гл. ред. протоиерей Александр Салтыков]. – М.: Луг духовный; Об-во сохранения лит. наследия; Общество Ревнителй Православной Культуры. 2014. – 248 с. - С. 152-166.
 9. Бобровский П.О. Взгляды на грамотность в учебных командах или полковые школы в нашей армии. - СПб.: Военная тип., 1871. - 79 с.
 10. Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. В 3 т. – СПб., 1877.
 11. Бонч-Бруевич В.Д. Силы русского клерикализма // Религия и церковь в истории России. – М., 1975. – С. 195-210.
 12. Борисова А.В., Велитченко Н.С. Смирнова О.Б. Государство, церковь, общество в России XVIII-XIX вв. – Ярославль, 2002. – 96 с.
 13. Босырев И.А. Православная церковь и государство в 19 веке. – М.: Просвещение, 2013. – 61 с.
 14. Бычков С.С. Русская Церковь и императорская власть. - М.: Наука, 1998. - 317 с.

15. Василенко В. Офицеры в рясах (Духовенство в царской армии). - М.: Гос. Изд-во, 1930. – 112 с.
16. Великие реформы в России. 1856-1874 гг.: Сб. /Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Еклофа, Дж. Бушнелл. - М.: Изд-во Московского университета, 2012. - 336 с.
17. Верховский П.В. Очерки по Истории Русской Церкви в XVII–XIX вв. – Варшава: тип. варшавского учеб. округа, 1912. – 148 с.
18. Виноградов, В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: Индрик, 2010. – 480 с.
19. Военский К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. – М., 1912. – 62 с.
20. Востоков В.И. Подвиг священника или незаметный герой. Рассказ из времен 1812 г. - М.: типо-лит. И. Ефимова, 1912. – 16 с.
21. Вурста Н.И. История России: Даты, события, личности. - Рн/Д: Феникс, 2013. - 191 с.
22. Геллер Н.Я. История Российской империи. - М.: МИК, 2007. - 304 с.
23. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви в 5 т. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997-1998.
24. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. – Т. 1. – СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза», 1900. – 438 с.
25. Елагин Н. Период реформ. – СПб.: Питер, 2010. – 117 с.
26. Жилин П. А. Отечественная война 1812 года. – М.: Наука, 1988. - 496 с.
27. За братьев славян. Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. / Составители капитан Попов и поручик Ив. Митропольский. - М.: Т-во типо-лит. Владимир Чичерин в Москве, 1902. - 168 с.
28. Зайончковский А. М. Восточная война 1853-1856 гг. Т.2. Ч.2. – СПб.: Полигон, 2002. – 566 с.
29. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. - М.: МГУ, 2012. - 270 с.

30. Залесский П. Грехи старой России и ее армии. // *Философия войны* / Под общ. ред. А.Б. Григорьева. - М.: Изд. центр «Анкил-воин», 1995. - С. 141-191.
31. Захаров И.С. Николай Пирогов: хирург, педагог, реформатор. – СПб.: Политехника, 1997. - 250 с.
32. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. – 322 с.
33. Зверев Б.И. Севастопольская Оборона 1854-1855 гг. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 182 с.
34. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. – СПб, 1871. – 519 с.
35. Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз восточного кризиса. - М.: РГБ, 2005. – 566 с.
36. Золотарев О.В. Стратегия духа армии. Армия и Церковь в русской истории, 988 – 2005 гг. Антология: 2-е изд., доп.: в 2-х кн. Челябинск: Социум, 2006. – 736 с.
37. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. - М.: Вербум-М, 2002. – 320 с.
38. Ивашко М.И. Русская православная церковь и Вооруженные силы (XVIII – начало XX вв.). Историографическое исследование. - М.: РАП, 2004. – 161 с.
39. История русской армии и флота / под ред. А. С. Гришинского, В. П. Никольского. - М.: Образование, 2013. - Т. 13. - 142 с.
40. История русской армии и флота: В 15 т. – СПб., 1911-1914.
41. История флотского духовенства: Сб. / Сост. А.Б. Григорьев. - М.: Андреевский флаг, 1993. – 80 с.
42. Кандидов Б.П. Религия в царской армии. – М.: Безбожник, 1929. – 92 с.

43. Капков К.Н. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX - начала XX веков. Справочные материалы. – М.: Летопись, 2008. – 752 с.
44. Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. – М.: Мысль, 1993. – 416 с.
45. Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. - СПб., 2005. – 187 с.
46. Кузнецова Г.А. Вопросы войны и мира, международных отношений на страницах "Колокола" в освещении А.И. Герцена // Внешняя политика России и общественное мнение. - М.: Наука, 1988. - С. 76-90.
47. Кученкова В. Святые Тамбовской епархии. - М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 109 с.
48. Ласкеев Ф.М. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие. – СПб.: Т-во худож. печати, 1900. – 151 с.
49. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1855-1918 гг.: Боевая летопись, организация, обмундирование, снаряжение. М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 288 с.
50. Лютов С.Н. Книга в русской армии (конец XVII – начало XX века). – Новосибирск, 2001. – 124 с.
51. Ляшенко А.С. Александр II, или История трех одиночеств. – М.: Владос, 1995. – 102 с.
52. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. – М., 1994-1996.
53. Манько А.В. Блюстители верховной власти. Институт губернаторства в России. - М.: Аграф, 2004. - 240 с.
54. Марченко, В.К. Россия и Турция в XIX веке. - СПб.: тип. В. Березовского, 1898. – 55 с.
55. Маснева М. За Веру, Царя и Отечество. Священники на войне // Священники на войне. – М.: Русский путь, 2012. – С. 44-47.

56. Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. – 416 с.
57. Мещерский В.П. Правда о Сербии. - СПб.: тип. В Оболенского, 1877. – 380 с.
58. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи: В 2 т. - СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. - 583 с.
59. Миротворцев В.В. Реформы Александра II. – М.: Академия, 2014. – 90 с.
60. Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и А.И. Поповицкого, 1875. – 101 с.
61. Овсянников В.И. Восток в общественно-политической мысли России (сер. XIX в.). - М.: Изд-во АН СССР, ИНИОН, 1990. - 42 с.
62. Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. - СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1906. - Т. 1. – 486 с.
63. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. - Санкт-Петербург: КРИСТАЛЛ, 2000 - 848 с.
64. Покровский М.Н. Дипломатия и войны времен царской России. М., 1929. 392 с.
65. Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия - М.: Издательство «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия», 2001. – 304 с.
66. Разумовский В.И. Медицинское дело в России в царствование первых Государей Дома Романовых. – Саратов: Типография Союза Печатного Дела, 1913. – 27 с.
67. Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. – СПб.: Военное изд-во, 1900. – 255 с.
68. Реформы Александра II / сост. А.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. - М.: Юридическая литература, 2008. - 464 с.

69. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. (Церковные реформы в России 1860-1870 гг.). - М.: Общество любителей церковной истории, 1999. – 567 с.
70. Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50-70-е годы XIX века). Очерки. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. - 284 с.
71. Руновский Н. Церкозно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. – М.: Академия, 2011. – 82 с.
72. Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
73. Семашко А.Г. Секулярная русская православная церковь (историко-правовой аспект) / А.Г. Семашко. – М.: Изд-во МГСУ, 2008. – 190 с.
74. Сидоров Д.И. Защита Родины и религия. - М.: Военное издательство МО СССР, 1963. - 120 с.
75. Сироткин В. Г. Отечественная война 1812 года. – М.: Провсещение, 1988. - 255 с.
76. Скрицкий Н.В. Балканский гамбит. Неизвестная война 1877-1878 гг. - М.: Вече, 2006. - 416 с.
77. Смолич И.К. История русской церкви (1700-1917). – Валаам: Издательство Спасо-Преображенского монастыря, 1997.
78. Соловьев В.С. Собр. соч. в 2-х т. – М.: Мысль, 1988. – Т 1. – 892 с.
79. Степанов Ю. 1812 год. Отечественная война. Кутузов. Бородино. – М.: Олма Медиа Групп, 2012. - 448 с.
80. Столетие Военного министерства. - Т. XIII. - СПб.: тип. Т-ва М.О. Вольф, 1902. – 618 с.
81. Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. – М.: Русский путь, 2000. – 184 с.
82. Тарле Е.В. Крымская война. - М.; Л.: Воениздат, 1941. - Т. 1. – 608 с.

- 83.Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: Курс лекций. – Саратов: Слово, 1994. – 235 с.
- 84.Улунян А.А. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и российская общественность // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. - М.: Конти, 2006. - С. 52-64.
- 85.Ульянов И.Э. Регулярная пехота. История российских войск. Т.2. 1801-1855. М., 1996. 248 с.
- 86.Урланис Б.Ц. История военных потерь. - СПб: Полигон, 1994. - 560 с.
- 87.Урусов С.С. Очерки Восточной войны 1854-1855 гг. - М.: тип. Грачева и К., 1866. - 217 с.
- 88.Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.
- 89.Фортунатов, П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950. – 425 с.
- 90.Фурсов В.Н. Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60-е – 70-е гг. XIX века (социально-психологические аспекты). Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1984. – 160 с.
- 91.Хевролина В.М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях (конец 60-х начало 80-х гг. XIX в.). - М.: Наука, 1986. - 248 с.
- 92.Хрусткова Т.М. Церковное управление в XIX веке. - М.: Дрофа, 2012. – 70 с.
- 93.Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). – М.: Издательство Сретенского мон., 2010. – 523 с.
- 94.Чернушевич М. П. Материалы к Истории Пограничной Стражи. – В 2 частях – Часть I-я. – С-Петербург: Типография Штаба Отдельного Корпуса Пограничной Стражи, 1900. – 123 с.

95. Чертков Г.И. О преобразовании военно-учебных заведений. - СПб, 1862. - 55 с.
96. Шавельский Г. Служение священника на войне // Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии / Сост.: А.Е. Савинкин и др. - М.: Военный университет: Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин»: Русский путь, 1997. - С. 297-324.
97. Шибков А.А. Первые женщины-медики России. - Л.: Медгиз, 1961. – 120 с.
98. Шишов, А.В. Казачьи войска России. - М.: Вече, 2007. – 332 с.
99. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII-начале XX в. – Тамбов: Юлис, 2004. – 508 с.
100. Яковлев П.П. Влияние веры на военное дело в нашей и в иностранных армиях: Очерк. М., 1900. - 68 с.

б) Публикации в периодической печати

1. Абрамова И.Л. Церковь и государство в правление Павла I. Гуманитарный вестник, 2015, вып. 9. [Электронный ресурс] // URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/298.html> (дата обращения: 07.02.2016).
2. Котков В.М. «Военное духовенство нередко показывало примеры мужества... во время боевых действий»: О религиозно-нравственном воспитании войск гвардии и Петербургского военного округа. // Военно-исторический журнал. - 2000. - №4. - С. 64-69.
3. Кочуков С.А. Армия и общество в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. - № 8 (14). – С. 120-123.
4. Кочуков С.А. Россия сосредоточивается (к вопросу о подготовке военной кампании против Османской империи) // Известия Самарского

- научного центра Российской академии наук, т. 15. – 2013. - №5. – С. 28-31.
5. Куршев А.В. Зарождение и становление гражданского образования в российской армии дореволюционного периода // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. - №2/2. – С. 154-161.
 6. Лапшин Г., протоиерей. К вопросу о затруднениях священника при совершении треб в ночное время // Вестник военного духовенства. - 1898. - № 8. - С. 231-260.
 7. Лукин Ю.Ю. Очерк участия воронежцев в Отечественной войне 1812 г. // Легитимист. – 2012. - №4. – С. 18-22.
 8. Максименков А.Н. Н.И. Пирогов - организатор женской помощи на театре войны // Советская медицина. - 1950. - № 12. - С. 29-31.
 9. Мельникова Л.В. Иерархи Русской Православной Церкви в годы Крымской войны (1853-1856 гг.) // Церковь в истории России. Сборник 9. - М.: Кучково поле, 2010. - С. 125-151.
 10. Мельникова Л.В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // Российская история. – 2010. - № 5. – С. 165-182.
 11. Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь // Отечественная история. - 2002. - №6. - С. 27-38.
 12. Мельникова Л.В. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно- политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. - 2008. - № 6. - С. 61-75.
 13. Миловидов Б.П. Иностранцы военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. – 2010. - № 5. – С. 153-164.
 14. Москвина В.М. К вопросу об участии военного духовенства в культурно-досуговой работе в вооруженных силах России (вторая

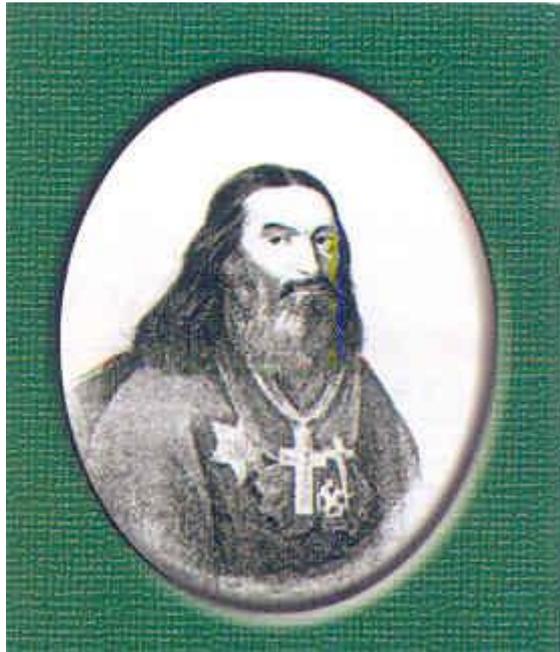
- половина XIX начало XX века) // Научные исследования в образовании. – 2007. - Вып. 5. – С. 134-136.
- 15.Новиков В. Россия: армия и церковь // Национальные интересы. - 2000. - № 2 (7). – С. 47-54.
- 16.Платонов Н.Ф. Церковь и империалистическая война // Религия и церковь в истории России. - М.: Мысль, 1975. - С. 228-240.
- 17.Речь, сказанная в Исаакиевском соборе протоиереем И. Янышевым // Церковный вестник. – 1877. - № 15. – С. 1-3.
- 18.Сергеева Е.В. С крестом и молитвою шли они в бой // Мера. - 1995. - № 2. - С. 119-128.
- 19.Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. Сб. 28. – 1987. – С. 120-184.
- 20.Тихонова А.В. Действия центральных и местных органов власти в отношении пленных в годы Крымской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. - № 6 (32). – С. 184-189.
- 21.Фирсов Б. Приятное с полезным // Воронежский курьер. - 2.08. 2008. - №86. - С. 8.
- 22.Фирсов С.Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин // Церковь и время. - № 3. - 2010. - С. 151-193.
- 23.Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х - 1918 гг.). – М.: Духовная библиотека, 2002. – 624 с.
- 24.Чимаров С.Ю. Попечительская деятельность обер-священника армии и флота И.С. Державина (1807-1826) по совершенствованию системы подготовки военного и морского духовенства Российской империи // Управленческое консультирование. - 2013. - № 3. – С. 106-111.

25. Шабатин И.Н. Русское православное духовенство в Великой Отечественной войне 1812 года // Журнал Московской патриархии. - М., 1944. - № 5. - С. 32-36.
26. Шашин С.И. Вятчане в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Вятские записки. - №13. – Киров, 2008. – 278 с. – С. 84-106.
27. Щербинин П.П. Правовая регламентация деятельности сестер милосердия в период войн России XVIII – начала XX вв. // Проблемы российской истории в исследованиях тамбовских ученых: сб. статей. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2010. – 108 с. – С. 37-43.

в) Публикации на электронных ресурсах

1. Абрамова И.Л. Церковь и государство в правление Павла I. Гуманитарный вестник, 2015, вып. 9. [Электронный ресурс] // URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/298.html> (дата обращения: 07.02.2016).
2. Варламов Ю.Е. Положение Святейшего Синода среди высших государственных учреждений Российской империи в период с 1721 по 1917 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/301567101_Polozenie_Svatejsego_Sinoda_sredi_vyssih_gosudarstvennyh_ucrezdenij_Rossijskoj_imperii_v_period_s_1721_po_1917_gg (дата обращения: 12.03.2017).
3. Военное духовенство и сестры милосердия в Крымской войне [Электронный ресурс] // URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/08/24/voennoe_duhovenstvo_i_sestry_miloserdiya_v_krymskoj_vojne (дата обращения: 14.04.2017).
4. Военные священники – участники Крымской войны и обороны Севастополя. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hram-flot.ru/pervaya-oborona-sevastopolya-1854-1855gg/duhovny-e-zashhitniki/> (дата обращения: 07.09.2017).

5. История Воронежа, начиная с XIX века. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.camcomp.com/istoriya-voronezha-nachinaya-s-19-veka.html> (дата обращения: 04.08.2016).
6. История создания храма Христа Спасителя [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ххс.ru/history/> (дата обращения: 10.08.2016).
7. Карпычева Л.В. Общины сестер милосердия и православная церковь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.historyosm.ru/public/article2.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).
8. Лукин Ю.Ю. Очерк участия воронежцев в Отечественной войне 1812 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://legitivist.ru/sight/history/2012/04/ocherk-uchastiya-voronezhczev-v-ote.html> (дата обращения: 09.01.2016).
9. Мельникас С. Правовое положение православного военного духовенства в России в XVII – начале XX веков [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pstbi.ccas.ru/institut/book/1997/mel.htm> (дата обращения: 07.12.2017).
10. Поповкин А. Воронежский край в эпоху освобождения славян (1875-1878). [Электронный ресурс] // URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/05/31/i_do_skonchaniya_veka (дата обращения: 10.03.2016).
11. Скоробогатько Л. В годы ратные. Деятельность тамбовского духовенства в годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.top68.ru/society/v-gody-ratnye-38359> (дата обращения: 08.09.2017).
12. Слепнев В. Сельское приходское духовенство в России в середине XIXв. [Электронный ресурс] // URL: https://sfi.ru/Resources/Persistent/ed79022bc6f88c0c992f99f1976f86ce3289e7c6/Vyp.2_V.Slepnev.pdf (дата обращения: 07.09.2017).

Приложения

Державин И.С. (1756-1826). Ober-священник армии и флота

Наградной крест для священнослужителей, участников Отечественной войны
1812 г.

Самокиш Н.И. Кутузов перед битвой у Бородино (музей-панорама «Бородинская битва»)

Кутневич В.И. (1787-1865). Обер-священник армии и флота

Молитва передъ боемъ.

Молитва перед боем

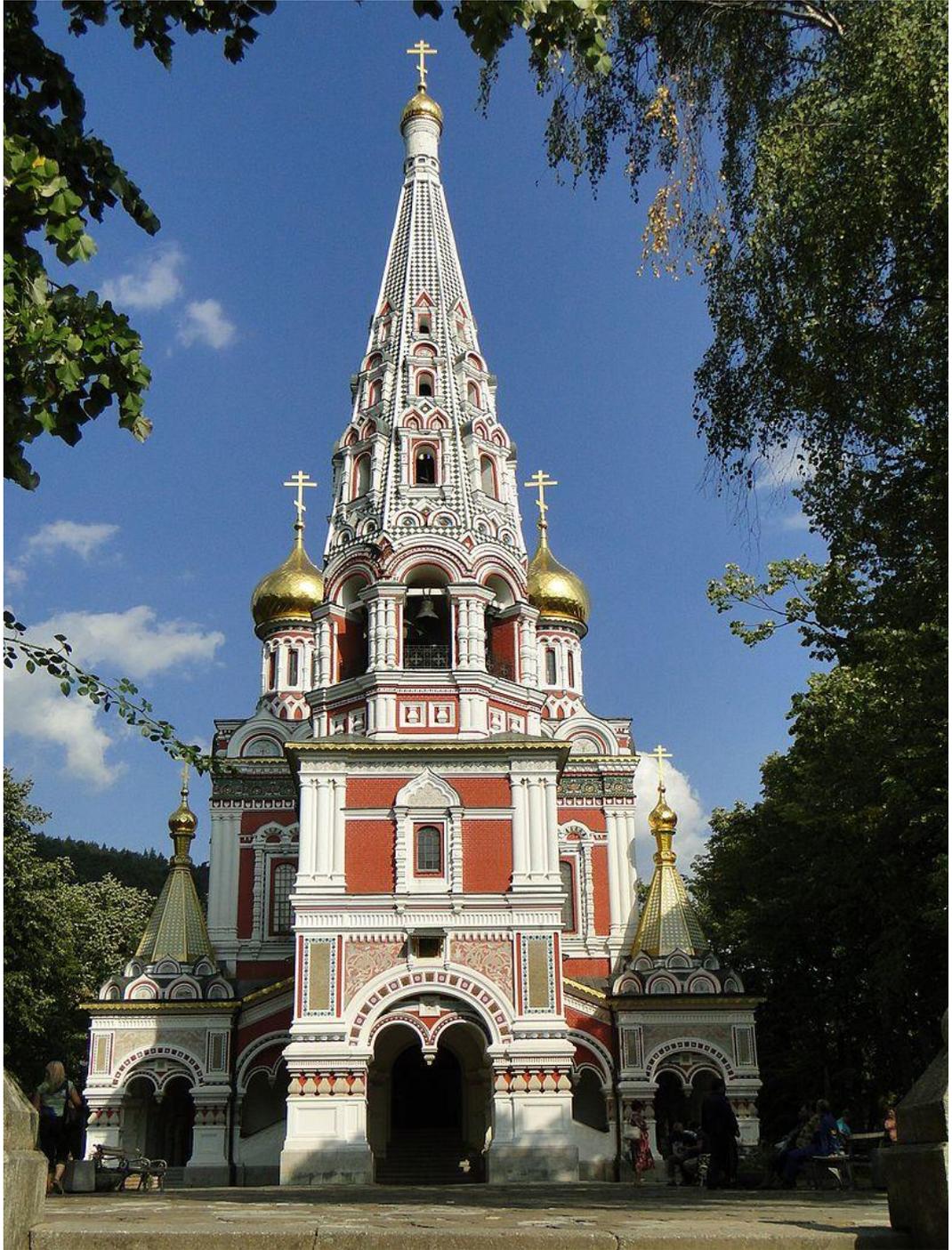
Офицеры и священник в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Медаль «В память русско-турецкой войны 1877-1878 гг.»

Полковой священник И. Афанасьев

Храм-памятник Рождества Христова, построенный на месте обороны Шипки в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг.